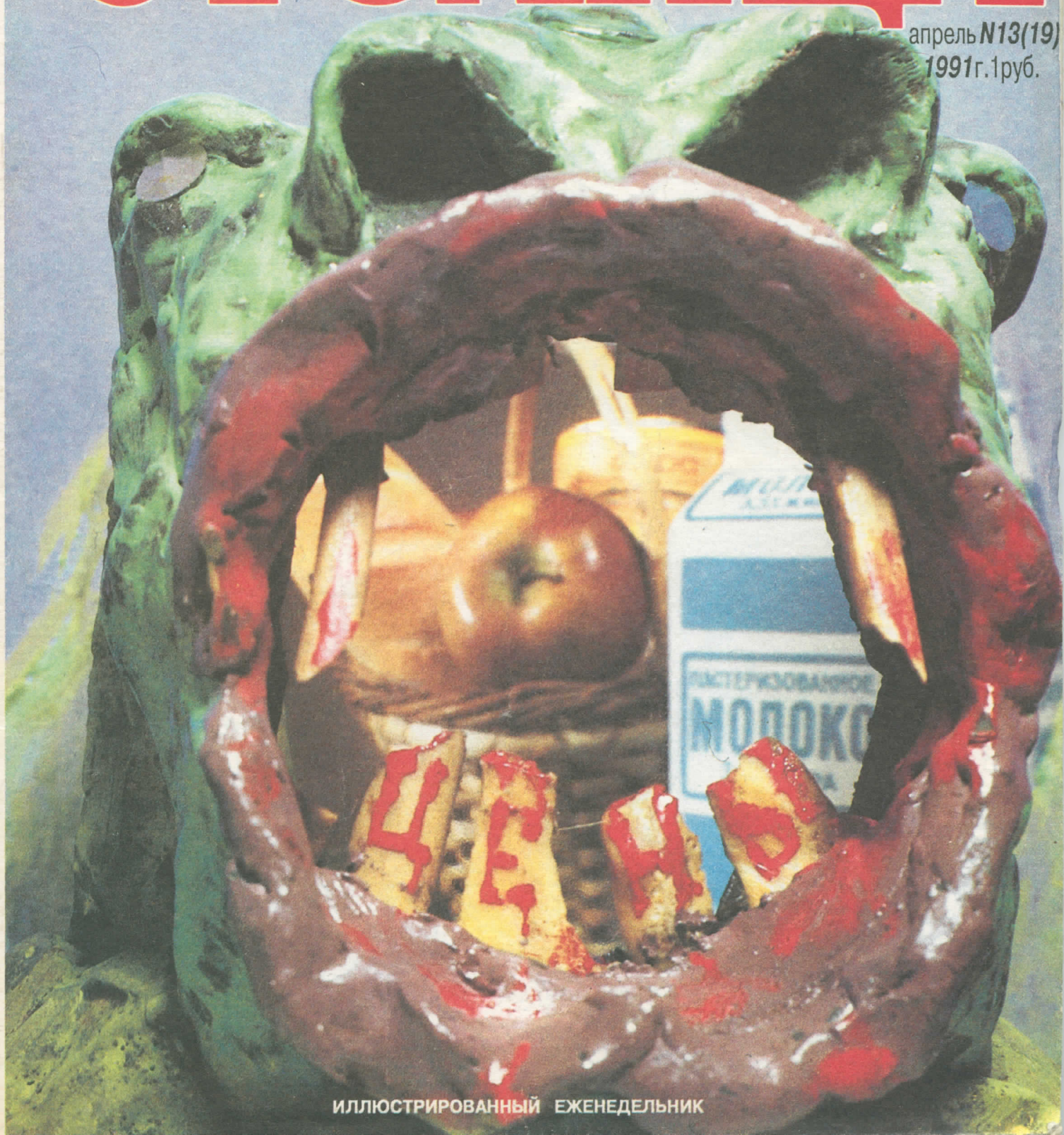

СТОЛИЦА

апрель N13(19)
1991г. 1руб.

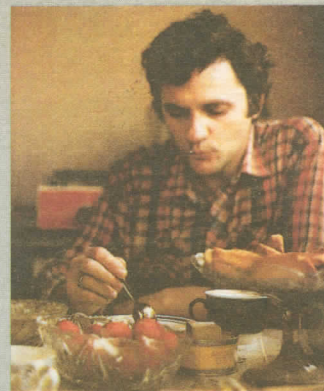

КОМПЛИМЕНТ НИКОЛАЮ ЕПИФАНОВУ

Говоря откровенно, статей про Епифанова писать не надо — про него нужно писать добротный роман. Жизнь Епифанова столь вневременна, что, несмотря на все старания социума растопить в себе Епифанова и все старания Епифанова хоть как-то внедриться в социум, ничего ни у того, ни у другого не получается.

Сидит себе Николай Епифанов в своем астраханском мелком ужасном домике (никакому Гарлему не угнаться за астраханскими домиками), делает нездешние свои работы. Никого не интересует Епифанов. И есть в этом печальная закономерность, разобраться в которой непросто.

Окончание на с. 64

Епифанов 1988

Владлен СИРОТКИН

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС:

ГДЕ ВЫХОД ИЗ ТУПИКА?

Владлен Георгиевич СИРОТКИН (57 лет) — доктор исторических наук, профессор Дипломатической академии МИД СССР. Историк-политолог, специалист по истории России и ее отношений с Западом. В печати выступает с 1956 года.

Через проблему ВПК перестройка уперлась в старый больной вопрос российской истории — какой видит себя наша страна в мире?

По-прежнему «осажденной крепостью» в окружении зловлих врагов-«инородцев», готовых в любую минуту оттяпать у нас кусок территории пожирнее (скажем, четыре острова Курильской гряды)?

И тогда правы А.И.Герцен и И.К.Полозков, когда первый писал, что «и где бы русский ни жил на огромных пространствах между Балтикой и Тихим океаном, он прислушивается, когда враги переходят русскую границу, и готов идти на помощь Москве...», а второй на православно-монархически-коммунистической конференции в той же первопрестольной ратовал за «единую и неделимую» и призывал организовать всероссийское движение — Союз патриотических сил против «смутьянов» и «сепаратистов» (что уже также было — вспомним Союзы Русского народа и Михаила Архангела в 1905—1914 гг.).

Или мы все же преодолеем тысячелетнюю изоляцию от остального мира, активно включимся в мирохозяйственные связи и семью народов ООН? Но тогда правы философ Н.А.Бердяев и М.С.Горбачев. Первый утверждал на заре века, что «наши «правые»... всегда были скорее разрушителями, чем охранителями каких-либо ценностей; патриотическая, национальная и государственная фразеология правых — слова, слова и слова; наши правые круги лишены истинного государственного и национального сознания». Бердяев ратовал за подлинный политический центризм, всегда отсутствовавший в русской политической жизни.

Как бы вторя этой мысли, Президент СССР в конце века на встрече с интеллигенцией в Минске повторил ключевую идею перестройки — «мы не должны видеть в других народах своих врагов», и поэтому «надо лишать силы, связанные с военно-промышленным комплексом, возможности спекулировать на прежних подходах, когда Советский Союз позволял втянуть себя в гонку вооружений, в холодную войну».

Вся проблема в том — как лишать силы, если три века эти «силы» считаются стеновым хребтом российской государственности?

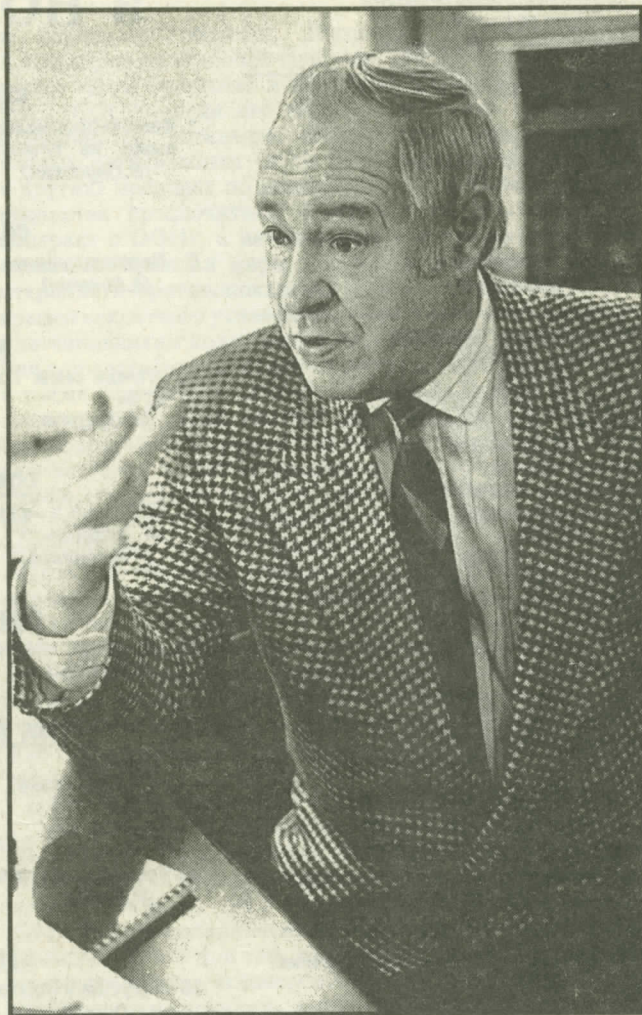

Фото Ю. Штукана

Из традиционной концепции российской обороны вытекало очень многое — высокий статус «защитника Отечества» в обществе, идеология патриотизма («ни пяди своей земли...»), психология широких масс — «лишь бы не было войны».

Армии не только сегодня, но и всегда отдавались лучшие куски от общегосударственного пирога. Учитывая историческую слабость фискально-налоговой системы и неразвитость отечественной частной промышленности, со времен Петра I для обеспечения армии и флота был создан обширный «казенный сектор» — предшественник нынешнего ВПК. До 1861 года на него работала одна треть «колхозников» — тогдашних государственных крепостных. Оружие и военные корабли производились только на «казенных» заводах, где управляющие — гражданские генералы — денег никогда не считали и отказа ни в чем не знали. Все крупные «стройки века», например, стратегическая Транссибирская железнодорожная магистраль, как и БАМ в наши дни, осуществлялись с широким привлечением «воинских команд», предшественников наших стройбатов и железнодорожных войск. Да и за ценой не стояли — Транссиб обошелся казне в три раза дороже, чем планировали.

Даже технический прогресс (как и сегодня — в основе гражданских грузовиков и транспортных самолетов лежат их военные аналоги, и ни один сколько-нибудь круп-

Москва, 101425, ГСП, К-51,
Петровка, 22
Телефон: 928-23-49
Телекс: 411700 MALPEK
Телефакс: 921-29-85

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:
Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Олег ОРЛОВ
Владимир ПЕТРОВ
(ответственный секретарь)
Михаил ПОЗДНЯЕВ
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Петр СМИРНОВ
(зам. главного редактора)
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

Генеральный директор
Михаил ПЕКЕЛИС

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.
При перепечатке ссылка на "Столицу" обязательна.
Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о рекламе звоните по телефону: 928-83-40
Эксклюзивный рекламный представитель за рубежом: Econews, Швейцария
Fax: 41.21-311.45.11
Tel.: 41.21-311.45.05

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст-2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)
Подписку за рубежом осуществляет агентство Econews: box 535 Lausanne 1001 Switzerland
Номер подписан в печать 29.03.1991

Тираж 200000. Цена 1 р.

© "Столица", 1991

Отпечатано на Ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате Государственного комитета СССР по печати

142300, г. Чехов Московской области. Зак. 552

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

АКЦЕНТ

- 1 Военно-промышленный комплекс: где выход из тупика?
(В.Сироткин)

СИЛУЭТ

- 5 Перевоплощение
(А.Минкин)

МЫ

- 10 «Лучше меня Горбачева знает только КГБ»
(И.Осадчук)

СОВЕСТЬ

- 13 «В России и «здравствуй» без политики не скажешь...»
(Г.Анищенко)

ПОЗИЦИЯ

- 20 «Я хотел арестовать Политбюро»
(Е.Салина)

ПОД ДВЕРЬЮ

- 25 Подушка
(Е.Болдырева)

ВЕРСИЯ

- 30 Грузины, осетины... и «третья сила»
(В.Война)

ВЗГЛЯД

- 36 «Будущее у России есть. Только нам его не дождаться»
(С.Говорухин)

КУЛЬТУРА

- 41 Торжество пустыни
(Н.Климонтович)

ПРОЗА

- 48 Гость — он не то, чтобы совсем чужой
(Ю.Гальперин)

АРХИВ

- 57 Незабываемое тоталитарное, или И.Сталин — «лучший друг советских кинематографистов»
(А.Бернштейн)

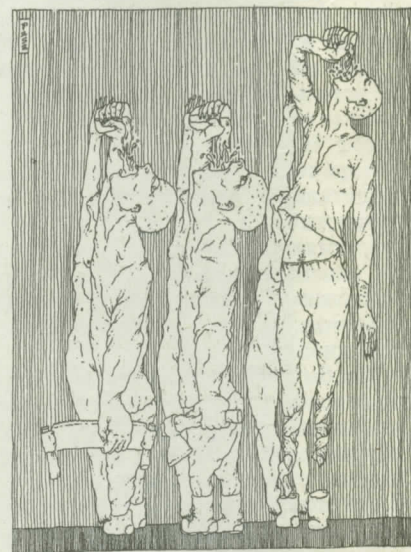
На первой странице обложки
фото А.Рогачевского
Четвертая страница обложки
оформлена художником А.Шрубком

20 История капитана милиции, который никогда, похоже, не станет майором

30 «В карманах у бандитов документы с прописками отнюдь не местными, нет, их мобилизовали, подготавливали, заслали и з в н с. Дирижирует их операциями «третья сила...»

50 Настоящая русская проза. Рассказ Ю.Гальперина «Лопарский поселок»

ный технический гражданский проект без заключения военпреда в жизнь не пройдет) всегда увязывался с нуждами армии и потребностями обороны. Классический пример — распоряжение Николая I расширить колею русских железных дорог, дабы потенциальные военные противники не смогли прямо на поездах доехать из Парижа до Москвы. Во что обошлась нам эта «стратегия» при перевалке грузов с поезда на поезд на западной границе с тех далеких времен — никто пока не подсчитал.

Сталинское «расширение колеи» в кибернетике, генетике — отсюда, из николаевской концепции обороны Отечества. И это при том, что Сталин неизмеримо расширил «казенный» сектор, полностью подчинив ему все гражданские отрасли, превратив ВПК в «государство» в государстве.

И СЕГОДНЯ, отмечается в независимой экспертизе экономистов, опубликованной в газете «Деловой мир» (№ 12, 19.01.1991) и направленной Президенту, «советская экономика является военной экономикой, вынужденной функционировать в мирное время». В одном из последних «Огоньков» (№ 8, 1991 г.) известный экономист В. Селюнин подтверждает этот вывод: планово-бюджетная комиссия расшифровала скрытые статьи на оборону и установила, что «спецы» из ВПК и Минобороны не только водят за нос своих и зарубежных партнеров по разоружению на Венских переговорах, но и собственных законодателей. Оказывается, на оборону из 270 млрд. рублей бюджета идет почти половина (не 96,5, а 132 млрд.), что, пишет Селюнин, «превышает предельно допустимую величину даже в военное время». Фактически же, по его мнению, «почти каждый третий рубль национального дохода страны уходит на оборону, что исключает какое-либо оздоровление экономики — армия съест ее с потрохами».

Концепция «осажденной крепости» и древнеримский принцип — «хочешь мира — готовься к войне!» проникли во все поры и структуры нашего общества. На учредительном собрании Московского клуба Героев Советского Союза министр обороны маршал Д. Язов вполне откровенно изумлялся: «Я не знаю, что такое общечеловеческие ценности!» Ему вторил на страницах «Правды» бывший таксист народный депутат СССР Л. Сухов — «и не надо ублаживать меня разговорами об общечеловеческих ценностях».

Председатель КГБ СССР В. Крючков, чье ведомство в первую очередь призвано обслуживать интересы ВПК, вновь реанимирует образ «врага», на этот раз в виде швейцарских «гномов-финансистов», якобы умыкнувших из СССР 12 млрд. руб. Бывший помощник Президента академик Н. Петраков на страницах «Московских новостей» в этой связи резонно заметил: даже если это так, то кто отвечает за контрабандную утечку такой огромной суммы за рубеж, если валютный контроль (статья 88 УК РСФСР) возложен на КГБ? Значит, пресловутая «граница на замке» и половина из почти 5 млрд. руб., отпущенных на 1991 год погранвойскам КГБ, — миф и деньги тратятся зря?

Между прочим, значительная часть этих денег идет на поиски технологических секретов все для того же ВПК и связанных с ним отраслей гражданской науки, для чего под «шапкой» дипломатов и журналистов за рубежом содержится огромный штат, вызывая время от времени дипломатические скандалы и высылку таких «технологов» на родину. Формальным основанием для деятельности «технологов» под крышей посольств является старое решение Сталина, после упразднения Коминтерна, в 1943 г. передавшего его заграничные ставки не МИДУ, а НКВД

и наркомату обороны. Напрасно поэтому спецкор А. Наджаров из «Рабочей трибуны» (№ 39, 1991 г.) в своей статье «Дым Отечества и валютный соблазн» стреляет по МИД СССР: среди его героев «мидовцев» абсолютное меньшинство, остальные «технологи» в специализированных организациях ООН (ЮНЕСКО, ВОЗ, МАГАТЭ и других) проходят по иным ведомствам. Поэтому-то эти ведомства предпочитают «секондмент» (краткосрочный контракт с ООН), а не открытый конкурс, как для всех остальных граждан мира, — обслуживающим наш ВПК открытость противопоказана. В нем порядки старые, со времен секретного указа Екатерины II 1781 г. «О запрещении чиновникам коллегии иностранных дел иметь сношения с представителями других держав, бывать в их домах, а также разглашать служебные тайны». Вплоть до эпохи Александра II, отменившего этот указ (но заменившего его на другой — о запрещении государственным чиновникам вступать в тайные масонские ложи), все российские дипломаты давали под этим драконовским распоряжением, фактически ограничивавшим их профессиональную деятельность, соответствующую подписку. От нее рукой подать и до недавних указаний — сдавай зарплату международного чиновника в посольскую кассу. А почему, собственно, сдавай?..

Не проще ли и дешевле поступить наоборот — не высылать в стан врагов «лазутчиков», ворующих устаревшие секреты, а интегрировать нашу экономику в мирохозяйственные связи и на законном основании иметь новейшие технологические достижения, в том числе и на нужды разумной обороны.

ПАНАЦЕЮ включения в мировое хозяйство увидели в доморощенной конверсии оборонных предприятий. Но... отдали эту конверсию на откуп самим «генералам» ВПК, а они тут же, в дополнение к уже выделенным на оборону в 1991 г. 96,5 млрд. рублей, потребовали на 1991-1995 гг. дополнительно... 40 млрд. руб. капитальных вложений. И это при том, что в обмен на столь гигантские дополнительные «конверсионные» вливания ВПК к 1995 г. готов увеличить выпуск радиоаппаратуры всего на 20%, а магнитофонов — и того меньше, на 4%. Зато вот цена их будет «на уровне мировых стандартов», т.е. в несколько раз больше, чем сегодня. Почему? Только ли злая воля «генералов» тут виновата? Не только.

Один из них, генеральный директор «объекта № 1» (ЦАГИ) в подмосковном Жуковском, профессор Г. Загайнов в «Деловом мире» сразу вскрыл суть такой доморощенной «сковородочной» конверсии: один килограмм веса современного боевого истребителя стоит 2 тыс. долларов, а килограмм кастрюли... один доллар. «Почтовому ящику», ясное дело, выгодней выпускать МИГ, даже если его сбивают американцы в зоне Персидского залива. А кастрюля на сверхдорогих технологических линиях заводов ВПК невыгодна ни производителям, ни покупателям, учитывая цену доллара на «черном» (т.е. реальном) рынке. Какая хозяйка купит кастрюлю за 30—35 рублей? Выход, по мнению директора «объекта № 1», в научно обоснованном переводе военных заводов на мирные рельсы при сохранении госдотаций на фундаментальные научные исследования (ЦАГИ, например, мог бы перейти целиком на гражданские самолеты и сотрудничество с автомобильной промышленностью).

Правда, есть одно «но» — для такого перехода нужны средства, а «изначального капитала для развития гражданской авиации в стране нет». Где взять деньги? И один из «командиров» ВПК с «объекта № 1» произносит сакраментальное: «Остается один выход, и другого не будет, —

кооперация с зарубежными фирмами».

Кстати, к тому же давно склоняются и другие директора «почтовых ящиков», в частности в Ленинграде. В аналогичном направлении мыслят их коллеги на Урале. В декабре прошлого года с удивлением обнаружил во все еще «закрытой» тогда Свердловской области десятки иностранных бизнесменов, приглашенных местным областным Советом, приценивающихся к целым нерентабельным заводам, особенно черной и цветной металлургии. Словом, интерес к подобной смешанной кооперации за рубежом есть, но на пути такой наиболее эффективной конверсии встают наши шлагбаумы тотальной секретности. Впрочем, секретности только от своих. В нью-йоркском рабочем кабинете президента фонда «Советско-американская инициатива» миллионера Дж. Сороса висит карта «закрытых» городов и зон СССР, снятых с американских спутников, и опубликованная уже довольно давно в журналах США. Карта эта лучше всех бюджетов страны свидетельствует, кто «хозяин» СССР и почему буксует экономическая перестройка в стране. О каком рынке, свободе торговли и иностранных инвестициях в конверсию может идти речь, если без санкции МВД и КГБ на значительной части территории СССР ни наши бизнесмены, ни тем более зарубежные не только начать дело, но даже свободно побывать до недавнего времени не могли.

Не секрет, что крупные концерны на Западе все еще только присматриваются к потенциально огромному рынку в СССР. Вперед выслана лишь «легкая кавалерия», составляющая подавляющее большинство партнеров наших пока еще маломощных СП. И в этих условиях отсутствия стабильных связей крупных банков и фирм, на тебе, премьер-министр В. Павлов дает свое знаменитое интервью газете «Труд» — о заговоре международного капитала с целью дестабилизации наших финансов и свержения Президента. Я был в это время в США и могу засвидетельствовать: ничто так не подорвало доверие к перестройке и лично к Президенту, как это заявление.

В сочетании с ранее изданным президентским указом о контроле МВД и КГБ за текущими бумагами СП, шумихой в прессе по поводу взлома офиса фирмы А. Тарасова в Шереметьево-2 это интервью премьера нанесло серьезный удар по планам привлечения иностранного капитала к нашей конверсии. Настроение деловых кругов США, искренне принявших перестройку и Горбачева, наиболее адекватно, на мой взгляд, выразил американский советолог Маршалл Годман: «...с движением к рынку несовместимо наделение КГБ бухгалтерскими функциями проверки, в том числе совместных предприятий».

В американской печати вспомнили, что в декабре 1988 года в ООН М. С. Горбачев обещал сократить сухопутную армию на 500 тыс. человек, 10 тыс. танков, 8,5 артиллерийских систем, 800 боевых самолетов, а в 1989 г., по данным «Известий» (25 октября 1990 г.), наш ВПК как нарочно выпустил 1 800 танков против 600 в США, 140 баллистических ракет против 12 в США, две атомные подводные лодки против одной американской и т.д.

Неуклюжие попытки нашего военного «истеблишмента» любой ценой сохранить численное превосходство в живой силе (передача трех сухопутных дивизий, выведенных из Восточной Европы, в ВМФ, а часть десантников — в КГБ и МВД) и танках (согласились на паритет по 20 тыс. танков в Европе, но тот час же «упрятали» за Урал 15 тыс. «лишних») также не укрепили наших перестроечных позиций на Западе, особенно после публичной отставки Э. Шеварднадзе.

Народный депутат СССР Ю. Рыжов в недавнем интервью справедливо заметил: «Это только казалось, что для нашей страны после второй мировой войны наступил мир. Нет, по-прежнему воюем на разных фронтах». А раз воюем, то и заправляет всем военно-идеологический комплекс. «И дело тут не только в самом Горбачеве, — продолжает академик. — Не думайте, что только КГБ и партия милитаризованы. У нас даже Советская власть была построена по системе военного времени. Вот почему в условиях демократии она не работает».

В самом деле, в одной Рязани 72% промышленных предприятий прямо или косвенно работают на оборону. А таких «рязаней» у нас — целый архипелаг. И что могут сделать демократы (или партократы) на оставшемся немилитаризованном «пяточке», если он вдобавок еще и работает на станках, вывезенных после 1945 года из Германии в порядке военных репараций?

САМОЕ печальное состоит в том, что нынешняя конверсия — отнюдь не первая в истории России, хотя никогда ВПК не достигал таких гипертрофированных размеров, как сегодня (по оценкам известных специалистов по конверсии академика О. Богомолова, кандидатов наук А. Изюмова и А. Кортунова — до 20% ВВП; Япония — 1%; страны ЕЭС — до 4%; США — 6%).

В 1815—1825 гг. Александр I уже пытался провести свою «конверсию» — сохранить после победы над наполеоновской империей огромную по тем временам миллионную армию, но переведя часть ее на самообеспечение (военные поселения). Для решения этой квадратуры круга был привлечен даже такой известный реформатор, как М. М. Сперанский.

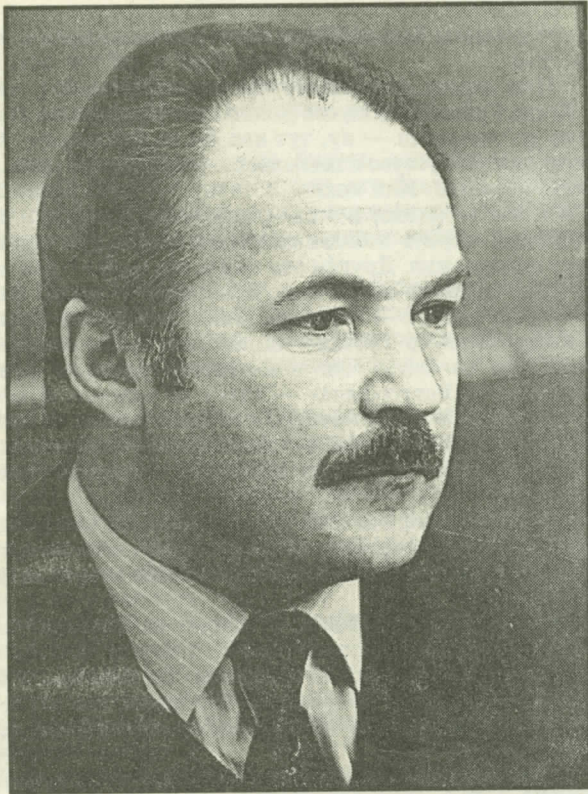
Николай I продолжил это дело, но Крымская война показала: консервация огромной армии при отрыве страны от передовой технологии остального мира губительна для самих защитников Отечества. Хотя николаевская военная разведка не скупилась на подкуп европейских инженеров и техников. Оказалось, однако, что украденный секрет — это еще не серийное производство. В итоге союзники в Крыму стреляли из винтовок, а наши солдаты — из «пицалей», у них были снаряды, у нас — все еще ядра, у них паровой флот, у нас — парусный и т.д. Вот когда аукнулось расширение железнодорожной колеи.

Прошло 40 лет, и снова встал вопрос о конверсии. Давний предшественник Шаталина — Явлинского, министр финансов граф С. Ю. Витте, попытался в 1892—1903 гг. победить тогдашний ВПК. Кстати, и меры — конвертируемый рубль, привлечение иностранного капитала, включение России в мировые хозяйственные связи — были почти идентичны. Не вышло — царский ВПК, надавив на Николая II, одолел «инородца», обвинив его в «распродаже России».

Серия недавних отставок или отхода «в тень» ряда министров союзного и российского правительств, советников Президента поразительно похожа на отставку Витте и его «команды». Борьба вокруг методов модернизации страны продолжается.

Так, может быть, уже настало время найти разумный компромисс с нашим ВПК и, не загоняя его в угол, как делают некоторые наши демократы, разработать под эгидой Совета Федерации (с участием группы ученых-экспертов из ООН и парламентским контролем) реальную программу конверсии, способную поддержать обороноспособность страны на уровне надежной достаточности, а не пытаться по-прежнему «накормить» народ с помощью танков и авианосцев?

Вашингтон — Москва

После кровавого воскресенья в Вильнюсе состояние тоски и обреченности несколько раз нарушала нелепая мысль:

послать телеграмму министру культуры СССР, товарищу Губенко Н.Н.

Телеграмму короткую: «ТЫ ЭТОГО ХОТЕЛ».

Александр МИНКИН

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ

Николай Губенко играет министра

Вот только не мог решить: ставить в конце вопросительный знак или точку.

Но я себя останавливал: при чем тут министр культуры? Ну, подписал он с Язовым, Бондаревым и другими идейными товарищами «обращение к президенту», с требованием навести порядок всеми средствами. Ну — навели.

Какие теперь телеграммы...

Видно, не мне одному не давала покоя дурацкая мысль о Губенко.

Глядь — в «Аргументах и фактах» появилась телеграмма нашему народному комиссару культуры от прибалтов.

Прсят: высказитесь по поводу событий, тов.Губенко Н.Н. — что ж вы молчите?

А в следующем номере — пожалуйста — ответ, подписанный Губенко, но сочиненный, похоже, группой ассистентов. Цитировать некогда — почитайте и увидите, что такой невразумительный текст, такие избегающие смысла фразы возникают только при групповом чиновничьем сочинительстве. Все, что я понял из якобы ответа якобы Губенко — что прибалты сами виноваты. С этим согласен — не танкистов же винить?

И вспомнил я, как в августе прошлого года прочел в «Правде». Цитирую: «Министр культуры выразил справедливое недоумение по поводу безучастности правоохранительных органов...» Министр недоумевали-с: почему бездействуют правоохранительные органы, видя дерзкие покушения на дорогие всем нам памятники Ленину?

Тогда, в журнале «Столица», в заметке «Защита Ленина. Дебют и эндшпиль в коммунистической партии» — я задал вопрос в лоб: «С КЕМ ВЫ, МИНИСТР КУЛЬТУРЫ? ВЫ ХОТИТЕ, ЧТОБЫ МИЛИЦИЯ БИЛА ИЛИ ЧТОБЫ СТРЕЛЯЛА?»

На мой вопрос: «С кем вы?» — Губенко не ответил. Зато ответило советское радио. Услышав радиоответ, я написал заметку, но очень сомневался — стоит ли публиковать?

Теперь — пора. Теперь ничто мне не кажется «слишком», даже заголовок.

БОРИС. Молись за меня...

ЮРОДИВЫЙ. Нельзя молиться за царя Ирода. Богородица не велит.

«В Президентский совет введен новый член», — сказала радио. Я насторожился: кто? Оказалось, этот член — Николай Губенко. Этот член — министр культуры СССР.

Член Президентского совета стоит высоко. Еще немного, еще чуть-чуть — и можно претендовать на нишу в Кремлевской стене.

За что? За какие заслуги? Ответ один: за хорошее поведение. Ничем другим наш новый командир культуры за полтора года службы не отличился.

Поневоле поверишь, что сегодня у нас революция и возврат к ленинским нормам. Ильич поставил комиссаром по этим делам Луначарского. Тот писал невероятно без-

дарные пьесы (после перестройки попробуйте, почитайте на досуге), но ведь писал, сочинял.

С грустью думаю, что Луначарскому — еще вчера мелкому журналисту — льстило: вот он «заступается» за ученых с мировым именем, «спасает» Большой театр, выручает поэтов, дает паек. А ведь может не дать. Вправе не дать. Вправе голодом уморить. И верил, должно быть, что, давая паек, ведет себя благороднейшим образом...

Ну, кончились кро... нет, кровавые деньки не кончились, а, как бы это сказать, — упорядочились. И Луначарский куда-то девался; умер, наверное. И пошли у нас культминистры попроще: ткачиха, химик, бухгалтер.

Эти, конечно, никаких пьес не писали, да и вообще писать не умели, даже «здрасьте» говорили по чужой бумажке. Ни спеть, ни сплясать на сцене они также не могли. (Впрочем, может, они и пели, и плясали, но в узком кругу, киряя в заповедной баньке.) Читать они тоже не умели, да и не хотели, да и некогда членам и кандидатам в члены (Политбюро ЦК КПСС) читать.

Когда из-за какой-то книжки возникал шум, тогда специальные гуманитарные мальчишки кое-как пересказывали министрам культуры, чего насочинял очередной умник и почему это неверно и вредно.

И смотреть советские министры культуры тоже не умели, да и не хотели, да и недосуг. А посылались в театры специально выращенные дядьки и тетки, лживые и лицемерные до невероятной степени. В числе прочих душили они и Таганку. Не знали, сердешные, что подрастает там, среди хулиганов с гитарами, их будущий босс.

В 1964-м возник театр протеста на Таганке. В 1965-м в спектакле «Павшие и живые» актеры читали стихи молодых поэтов, павших или чудом уцелевших на Великой Войне. Публика плакала. Министерские упыри резали, сокращали, запрещали... Николай Губенко читал Павла Когана:

«Есть в наших днях такая точность,
Что мальчишки иных веков
Наверно будут плакать ночью
О времени большевиков...»

Эта тоска о времени большевиков, эта революционная романтика, где уживались маузеры и комиссары с флибустьерами и бригадинками, — все было протестом против лжи, лицемерия, тупости, против болота, куда уже намертво осела страна.

А недавно мимоходом включаю телевизор. И — вот судьба! — дают Большой Праздничный Концерт в честь Великой Октябрьской Социалистической Революции. И на сцену Кремлевского Дворца съездов не спеша выходит плотный мужик в приличном костюме и — с лентой, с барской сытой оттяжкой:

«Есть в наших днях такая точность,
Что мальчишки иных веков
Наверно будут плакать ночью
О времени большевиков...»
Гляжу — а это Губенко!

Не знаю, как по большевикам, а по мне прошло рычание: предатель!

Тот мальчишка тосковал по прошлому, ибо не мог смириться с окружающей мерзостью. А этот — матерый Актер Актерич теми же словами ласкал день сегодняшний. Мол, мальчишки XXI века еще заплачут от восторга перед Губенко и его начальниками.

Напрасно обольщается Николай Николаевич. Хотя... чем черт не шутит. Долго ли голову задурить, так что и Ласковый Разин героем покажется.

Но за доказательство — спасибо, тов. министр. Всегда я утверждал, что никого никогда театр не воспитывает. Ежели человек впервые приходит в театр уже школьником (да чаще всего на бездарную дрянь), ежели советский человек ходит в театр (в среднем) раз в три года (и чаще всего — на дрянь), — то каким образом это самое искусство за два часа переделает и исправит душу, отравленную годами школы, лжи, быта и злобы? Если вырос ты сволючь и холуем, то хоть сто раз на «Гамлета» сходи — благородства себе не прибавишь.

И вот кристальное доказательство: 20 (двадцать!) лет человек работал в крамольном театре, 20 лет Любимов ежедневно учил его уму-разуму, а он на имперском кон-

церте романы большевикам поет. Нет, не исправляет искусство.

...Или власть развращает так стремительно?

Когда Губенко пропуска в Большой выписывает Полозову со товарищи — ну, тут как бы по должности. А вот когда сам «искусство показывает» — это ведь по душе. Это ведь — святое. Или как?

А и так — плохо, и этак — нехорошо.

Сегодня верить в большевистские мифы умному человеку невозможно. Другим эти мифы внушать — для порядочного человека исключено. Кто верит — дурак. Кто не верит, но славит — лицемер. Вот какой выбор богатый.

Когда министр Губенко пишет свою резолюцию «Совершенно согласен» на чиновничьем докладе, уничтожающем «М.Баттерфляй» — пьесу об однополой любви, получившую в США высшую премию «Тони», то мышление министра культуры выглядит малость наивным. Выходит, перестанем «блядь» говорить — глядишь, и бляди исчезнут.

Не люблю неприличные слова писать. И читать их не люблю. Но пусть простит читатель — ведь если кого слово «б...» покорило — значит, он это слово и прежде знал-понимал.

Знать — полезно. Знать — значит не обольщаться.

Прежние министры культуры — ткачиха, химик, бухгалтер — плохи были? Нет, хороши. От них нечего было ждать добра, ума, благородства. Все знали, что это — организчики. А репертуар отечественных организчиков вечен: истрреблю!

Духовно убогие вожди прямо по рецепту Скалозуба давали нам фельдфебеля в Волтеры. Но в том-то и была прочность. Мы знали, кто нами правит, и не обольщались. И были готовы ко всему (всегда к худшему). И не расслаблялись. И веселились, создавая то грубые, то утонченные словесные портреты эпохи на эзоповском языке.

А тут перестройка! новое мышление! И — впервые за долгие десятилетия — министром культуры назначают не ихнего, а нашего. Актера. Да еще — с Таганки!

Очень многие возликовали. И я в том числе.

Поведение Николая Губенко всегда представлялось безупречным. Мужественный. Честный. Прямой. Его борьба за возвращение Любимова вызывала уважение. Восхищало и то, что он сражается за Любимова, понимая: достигнув цели — сам себя лишит места главного режиссера Таганки.

И единственный известный мне «прокол» в биографии Губенко — его выступления на обсуждениях, где душили Таганку, запрещали спектакль «Владимир Высоцкий» и где Губенко говорил, что мы «живем в государстве, где существует высокий эталон искренности и правды. Его дал нам Владимир Ильич Ленин и продолжает утверждать Леонид Ильич Брежнев».

Это выглядело наивным, рассчитанным на дураков, лукавством. Откровенной ложью во спасение. Лицемерить перед убийцами — не грех. Это оправданная военная хитрость. Теперь думаю: а может, не лицемерил? Может — искренне? Ведь и такие люди есть.

В спектакле «Владимир Высоцкий», запрещенном при трех генсеках (насколько знаю — единственной рецензией была моя, напечатать ее мне удалось в Венгрии, в 1982-м), — в спектакле этом Губенко бацал хулиганскую чечеточку и пел знаменитую «Нинку»:

—Сегодня вы меня не пачкайте,
Сегодня пьянка мне до лампочки,
Сегодня жизнь моя решается,
Сегодня Нинка соглашается!

— Постой, чудак, она же грязная,
И глаз подбит и ноги разные.
Она майданщица, она наводчица!
— А мне плевать — мне очень хочется!

И то, что Губенко, уже будучи министром СССР, продолжал бацать чечетку и петь эти блатные, полупристойные куплеты, — вызывало у меня уважение. Министр исполнял «Нинку» и тем самым говорил: ребята, я — прежний.

Как быстро потрескались и облупились мои надежды! Конец наступил в феврале 1990-го, когда всех нас позвали на митинг объединенных демократических сил. Власти начали всеми средствами страшить народ: не ходите — убьют.

Спрашивается: кто убьет? Ежели нас будет миллион, то какая же «патриотическая» группа отважится на атаку? Самоубийц среди «патриотов» не замечал. Армия? Из пулеметов? Да, это они умеют. Но власть пугала не армией, а некими экстремистами... Вот тут-то и употребили наших прогрессистов: Элема Климова, Николая Губенко... С телеэкранов они объясняли, почему 25 февраля надо сидеть дома и не рыпаться.

Ну, заставили их (как?), ну, пробормотали наши деятели культуры то, что им велено было, — и ладно бы. Но Губенко отколол номер. Не как деятель, а как министр — приказал всем подчиненным в воскресенье, 25.02, выйти на работу. Сидите, бумажки перебирайте, курите, — только на Зубовскую ни-ни.

С митинга возвращаясь, свернул я на Арбат и зашел к министру. Принял без всякого чванства. Сразу спросил про митинг: обошлось ли?

— Ни единого инцидента.

— Слава Богу! — но радости в голосе Губенко не было. Показалось — это уж мои домыслы, — что какой-нибудь небольшой инцидентик, маленький мордобойчик утешил бы больше, чем полный порядок. Мордобой или — не дай Бог — убийство стали бы оправданием премудрого пескаря: сиди — молчи.

Потом был хороший разговор — искренний, взволнованный, озабоченный судьбами отечественной культуры. Но вот беда — то и дело прерывали нас телефонные звонки. И всякий раз, пока министр говорил по телефону, я, как намагниченный, косился на фотографию в рамочке, стоящую на столе у Николая Николаевича. И всякий раз искренняя взволнованность судьбами и т.д. исчезала, несусветный дикий абсурд лез в голову, и хотелось прикинуться юродивым и спросить Бориса Годунова:

— Коль, а это у тебя че?

Что на стенке висит кто-то из вождей, я не удивился и даже не запомнил, кто: Ленин? Фурцева? Горбачев? — не суть важно: мебель. Но на столе у министра культуры мог бы быть Пушкин, или Толстой, или Луи Армстронг, или хоть Алла Борисовна. Но на столе, в рамочке с подпорочкой, сидели и глаз с министра не спускали — Михаил и Раиса.

Вот где чудеса...

Ровно год, как я вспоминаю фотку на столе культуры. Врезалось. Думаю: снимал бы я художественное кино о большевиках, о Ленине, ну, скажем, «Ленин в 1937 году». И в моей фильме был бы эпизод в кабинете наркомпроса Луначарского. А на столе у комиссара фотка в рамочке, а на фотке Волода с Надюшей... Боюсь, критики приписали бы мне извращенную фантазию, ну и, конечно, глумление. ...И заходит к Луначарскому Пешков и так горько-горько с горечью спрашивает:

— Толя, Толя, это — че?

— А я влюбился горячо! — отвечает нарком.

Никакие последующие действия министра уже не вызвали оторопь, а казались вполне последовательными. И когда командир культуры призывал милицию на защиту памятников Ленину, то уже не хотелось ругаться. Хотелось устало спросить:

— Допустим, когда вы, Ник.Ник., ваяли двадцатисерийный образ вождя революции, вы еще не знали, что дедушка был кровавым людоедом. Допустим, что, дожив до пятидесяти (на Таганке!), вы так и не столкнулись с самиздатом, где всем, кто ленится сам читать основоположников, доходчиво сообщают факты о дедушке, подкрепляя доказательства его собственными бесчисленными телеграммами и записками: посадить, расстрелять, повесить (уж не говорю о забавном до ужаса приказе срочно «найти надежных антифутуристов»).

Вы были артист (и неплохой), а стали номенклатурной пешкой. Это для подчиненных, дрожащих от ярости и бессилия, вы — ферзь. А для начальников? Вот сделали вас членом Президентского совета. А через неделю упразднили этот худсовет вообще, что по отношению к вам выглядит как-то пренебрежительно. А с другой стороны, чего стесняться — если вы продемонстрировали такую любовь и преданность?

Ох, всяких министров культуры я повидал в советских республиках. Одни из них пьесы пишут и сами у себя их покупают, другие — просто взятки берут. Тут ничего удивительного. Если первые секретари республиканских ЦК Коммунистических партий берут, если министры МВД хапают, то министрам культуры иногда просто приходится. Помню, познакомился в Кызыле с министром культуры Тувы. Молодой, здоровый. В Москву он собирался, в Москву, в аспирантуру, в ГИТИС имени Луначарского. Вскоре я узнал: приезжал министр культуры, получил на экзамене по философии «неуд» и поехал обратно командовать тувинской культурой. Может, этот двоечник до сих пор двигает культуру на площади, равной ста Люксембургам.

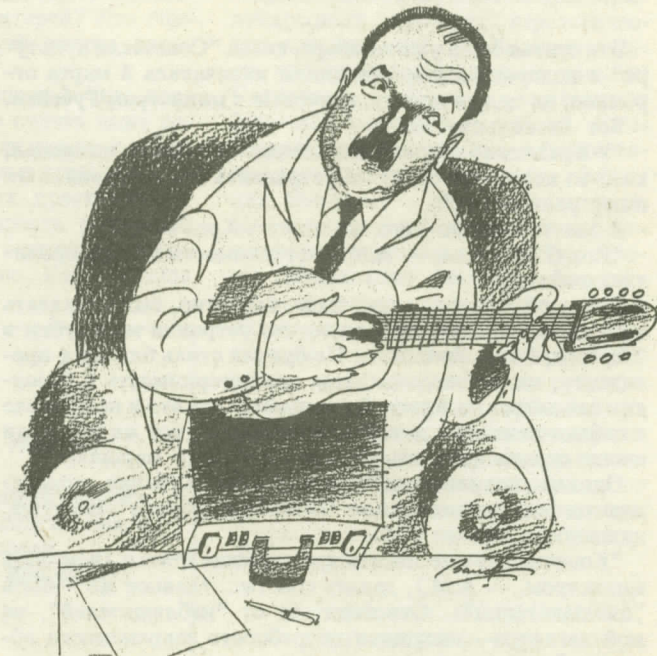
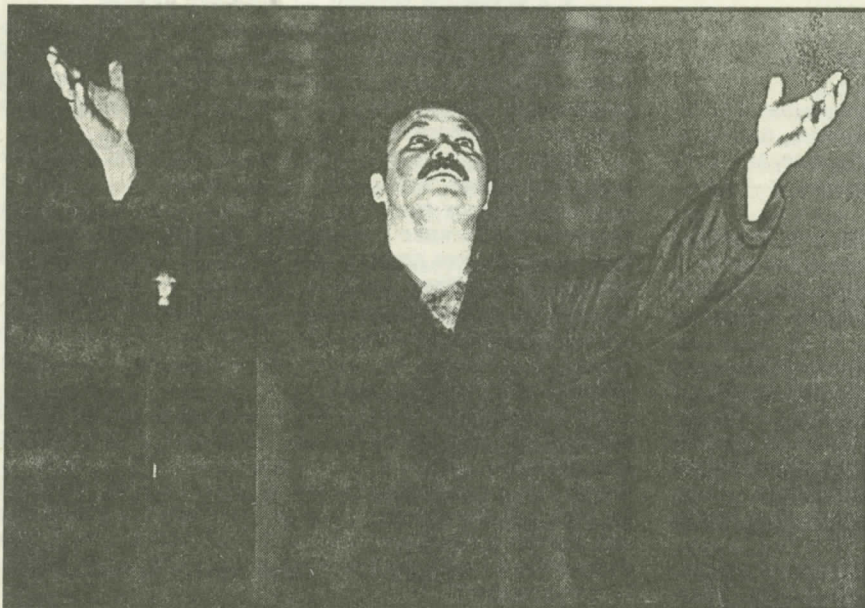

Рис. К.Валова

Долго Губенко занимался пертурбациями в своем центральном аппарате. И кто же взят? Светлые личности? Смелые? Талантливые? Энтузиасты? Нет, тихие, проверенные. Кто — из АПН, кто — из Гостелерадио после 20 лет беспорочной службы.

Вероятно, идя в министры, Губенко искренне думал послужить на благо культуры и народу. Но в том-то и беда, что

... И оболъещенье миновало, и досада прошла. С холодным вниманием наблюдаю я действия Николая Губенко.

И, как ни жаль тратит драгоценное время, я опять и опять невольно вспоминаю фотокарточку в рамочке и думаю: кто же такой — Николай Губенко?

Министр культуры СССР?

Министр культуры Президента СССР?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Эта статья была уже в наборе, когда "Советская культура" в подарок нашим женщинам напечатала 8 марта огромное, на целую полосу, интервью с министром Губенко.

Вот несколько цитат:

"У Кравченко трудное положение... что бы он ни сделал, кого-то все равно будут не устраивать его действия... Он ищет равновесия".

А мы-то гадали: чего же ищет т.Кравченко?

"Его (Горбачева. — А.М.) нетерпимость к кровопролитию очевидна".

Для этой "очевидности" надо, вероятно, было наказывать хоть одного из тех генералов, что устроили мясорубки в Тбилиси, Баку, Вильнюсе. Не будучи столь близки к президенту, мы наблюдаем лишь его нетерпимость к посадкам самолетов на Красной площади. Хоть это и не привело к гибели женщин и детей, тем не менее в тот же миг были очень сурово наказаны генералы и даже маршалы.

Однако политические пристрастия Губенко определяются теперь должностью. Теперь он "обязан". Но душа, духовность...

"Конечно, лучше писать критические статьи (чем быть министром. — А.М.), давать советы... главное же — быть "наблюдателем"... Освободиться от "наблюдателей", на мой взгляд, — насущная потребность современного общества".

Очень откровенно и очень понятно. Что ж, я знаю одного академика, который писал критические статьи, давал советы... И я знаю, как от него освободились. Но не знаю, что имеет в виду Губенко: сослать? или уж сразу вешать, коли у опчества так сильна потребность освободиться от критиков.

"Давайте договоримся так — часть интеллигенции недооценили, — говорит Губенко об отношении режима к художникам и называет: Булгаков, Ахматова, Мейерхольд".

Нет, так мы не договоримся. Душить, пытать, расстреливать — по-министерски означает недооценивать. Поворачивается же язык.

"Вспоминаю вечер, проведенный с ансамблем Игоря Александровича Моисеева..." Не станем уточнять, что сходить на концерт и — провести вечер с ансамблем "березок" — вещи разные. Замечательна следующая фраза: "За 50 лет зарубежных гастролей ни один артист из этого ансамбля не остался за границей, не предал Родину..."

Ох, министр культуры! По-вашему, ваять Ленина и учить наизусть "Целину" — значит быть верным Родине. А Ростропович — предатель. Зачем же вы его целовали? Верноподанные советские чиновники всегда называли вырвавшихся — предателями.

... Вспоминаю незабвенные жалобы Бориса Годунова на муки совести. И хочется спросить:

— Не тошнит? Голова не кружится? Мальчики кровавые не донимают по ночам?

Называется интервью министра. "КАК ДО ДУШИ ДОСТУЧАТЬСЯ?"

По-моему, все в порядке. Достучался.

ПРАВИТЕЛИ НЕ ЛЮБЯТ АРИФМЕТИКИ

В январе 1989 года Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30 — 40-х и начала 50-х годов». В августе 1990 года подоспел указ Президента «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20 — 50-х годов». Времени с тех пор прошло достаточно. Что изменилось в жизни тысяч невинно пострадавших соотечественников?

Названия у обоих указов длинные, красивые. Содержание — намного скромнее. Это чисто декларативные документы, ничего конкретного относительно механизма реальной реабилитации в них нет.

«Помощь» родного государства заключается пока лишь в том, что исполнительные органы получают больше прав на милосердие. Моссовет, например, приравнял сталинские жертвы к инвалидам войны, обеспечивает бесплатными лекарствами, бесплатным проездом в городском транспорте, «прикрепляет» к продовольственному и промтоварному магазину...

Если докажешь, что ты — жертва... Тому, кто доказал, выдают специальную книжечку с таким перечнем товаров, что и в Америку ехать не надо: мебель, холодильник, автомобиль, дом. Торжество исторической справедливости, да и только! А в магазинах — записи нет, запись прекращена, записали уже на 10 — 15 лет вперед... Скажите, человек, потерявший полжизни на золотых приисках, а потом еще полжизни отмывавшийся от

позорного клейма «враг народа», — способен ждать? Пожилым людям «справедливости» может не хватить уже завтра. Может, на это расчет? А если нет — зачем обманывать? Лучше уж было честно сказать: не можем мы, дескать, вам помочь.

А так называемые «компенсации»? Счастье тем, у кого сохранились документы о конфискации или о домовладении. Всюду нужны бумажки, справки, документы... Позвольте, какие могут быть документы у тех, кого уничтожали?

До сих пор нет четкого определения, кто же жертва — глава семьи, осужденный ОСО, или все родные «врага народа», годами прятавшиеся в глубинке, чтоб избежать ареста. Кто сочтет слезы матерей? Кто оценит страдания «детей врагов народа»?

Иосиф Виссарионович в свое время не «постеснялся» судить даже детей. Их просто сажали вместе с отцом и матерью, отсылали в детские колонии для малолетних преступников. Меня саму после ареста родителей без суда и следствия упекли на восемь лет в такую колонию. Когда вышла

на волю, весила всего 40 килограммов, имела множественные язвы двенадцатиперстной кишки от непосильной работы и постоянного недоедания. Чем, скажите, это отличается от «взрослой» зоны? Тем, что теперь я вроде как и не репрессированная и поэтому реабилитировать меня нужды нет. Унижения, голод, запрет на профессию, на проживание в крупных городах — не в счет...

Государству пора, наконец, научиться платить свои долги. Сотни городов, заводов построены на костях эков, костями вымощены железные дороги и сибирские тракты.

Все расходы — миска баланды.

Наши палачи доживают свой век на персональных дачах, им Родина назначила персональные пенсии. Для репрессированных не хватает элементарного человеческого участия. Государство «от щедрот своих» выплачивает единовременное пособие в размере двухмесячного заработка — за все про все. Бедность?

Да нет, не такие уж мы нищие. Международной институт стратегических исследований в Лондоне полагает, что ежегодные военные расходы Советского Союза составляют 200—220 миллиардов рублей. Ежегодная военная помощь Афганистану, Анголе, Кубе, Никарагуа, Эфиопии, Вьетнаму — еще 15 миллиардов. Мы «в долг» раздаем оружие полуфашистским режимам, бесплатно строим грандиозные военные объекты.

Специалисты Ассоциации жертв незаконных репрессий (ВАЖР) подсчитали: чтобы расплатиться с невинно пострадавшими, потребуется всего 1 — 1,5 миллиарда рублей. Неужели от обороноспособности державы убудет? Но наши правители не любят арифметики. Они предпочитают набирать политические дивиденды пустозвонством и ничего не стоящими указами.

Евгения ПОДОСЕНОВА,
руководитель пресс-центра
Ассоциации жертв незаконных
репрессий г.Москвы

ВНИМАНИЮ предпринимателей, бизнесменов и деловых людей!

Защитить себя и свой капитал Вам поможет фирма «Русский имидж». 12 занятий спецкурса самообороны — это то, что необходимо Вам и сотрудникам Вашей фирмы. Результат гарантирован.

Занятия проводятся 3 раза в неделю в удобное для Вас время.

Оплата по безналичному расчету.

Запись по телефону: 183-22-36.

«ЛУЧШЕ МЕНЯ ГОРБАЧЕВА ЗНАЕТ ТОЛЬКО КГБ»

Международный клуб сторонников М.С. Горбачева «За обновление мира» — организация довольно юная. Клуб создан весной прошлого года. Основные задачи — содействовать развитию взаимопонимания между народами, поддерживать политические реформы Горбачева — человека, которого сейчас называют «новым диктатором». С генеральным директором клуба «Горби» Ильей Михайловичем ОСАДЧУКОМ беседует наш корреспондент Кирилл РЫБАК.

— *Илья Михайлович, как вы стали «горбманом»?*

— Личностью Горбачева я увлекся еще в 1984 году, Горбачев тогда оказался самым молодым членом Политбюро. А за молодыми — всегда будущее. Примерно в то же время мне попала на глаза кандидатская диссертация Раисы Максимовны Горбачевой о социальном положении села. Вывод работы такой: если ничего не изменится, деревня просто погибнет, начнется голод. Мне показалось, что по тем временам это был подвиг — подвиг и Раисы Максимовны, и Михаила Сергеевича, который, будучи первым секретарем крайкома КПСС, позволил жене написать такое.

Потом я оказался на родине Горбачева. Встречался с родными, друзьями, учителями. Начал вырисовываться портрет, если хотите, фоторобот, этого человека. Горбачев родился лидером. Водил пацанов в набеги на фруктовые сады, хотя был в компании младшим. Вырос, стал «первым парнем на деревне», шеголем. Девушки его очень любили. Школу закончил с медалью. «Первый парень на деревне» должен был рано или поздно стать «первым парнем» всей страны.

Я потихоньку собирал материалы. Подготовил два альбома: «Триста лиц Горбачева», «Горбачев в карикатуре». Досье солидное. Лучше меня этого человека знает разве что КГБ...

— *Но от изучения личности до создания клуба сторонников — «дистанция огромного размера»...*

— Мысль о клубе пришла в 1986-м, когда Михаил Сергеевич заявил о новом курсе. Мне это напомнило хрущевскую оттепель: реформ еще нет,

но говорят о них вовсю. Чтоб свежие идеи не пропали, им требовалась поддержка. Не Горбачеву, заметьте, а его идеям.

— *Уж у такой-то организации, как ваша, проблем с регистрацией наверняка не было...*

— Как раз наоборот. Со своим клубом я носился четыре года как с писаной торбой. Куда ни обращался — везде посылали подальше.

В конце концов нашел «контору» под вывеской «Академия творчества СССР» — она и стала учредителем.

С помещением — вообще цирк. Крышу над головой нам обещали и Сайкин, и Лужков, и Прокофьев — не дали... Даже Примаков не смог помочь. Презентацию провели не как-нибудь — в Большом театре, а вот работать — негде. Существует на деньги коллективных членов: Московского государственного хореографического института, Министерства социального обеспечения РСФСР, Ассоциации инженерных вузов СССР, театра Хазанова...

— *Джордж Буш, случайно, членом клуба не является?*

— Не является. Это было бы для него не совсем удобно. Но и он, и Маргарет Тэтчер, и Гельмут Коль прислали приветствия, обещали содействие.

— *Газеты сообщали, что сопредседателями клуба «Горби» избраны известные личности: тогдашний министр социального обеспечения России Казначеев, ректор Московского государственного хореографического института Головкина, драматург Шатров. Почему вашу фамилию не упоминают?*

— По-другому быть не могло. Не может у нас простой смертный при-

думать что-то стоящее. Если ты не секретарь ЦК и не народный артист, умных мыслей тебе «не положено». А я ведь даже в КПСС никогда не состоял. Так что пришлось искать именитых и титулованных.

— *Как у вас складываются отношения с КПСС? Правящая партия не могла не заинтересоваться такой организацией, как «Горби»...*

— И очень даже заинтересовалась. После встречи с Примаковым нам назначили куратора, функционера с многолетним стажем по фамилии Зоц. Начал он с того, что попросил помочь ему достроить дачу... все наши предложения, что попадали к нему в руки, тут же уходили «наверх» с подписью «Зоц». Через него ЦК КПСС «украл» у клуба почти все стоящие идеи. Мы придумали фонд «Студенческая перспектива» — и тут же этот фонд создается при ЦК ВЛКСМ. Придумали «библиотеку Президента», где можно прочесть все, написанное Горбачевым, — тут же МИД рассылает по всем советским посольствам шифровку с указанием, как такие библиотеки создавать — прямо как ленинские комнаты в армии. Придумали газету «Президент». Теперь узнаю, что ее собираются печатать в «Правде». Нас, естественно, опять забыли... Надули, как пацанов. Впрочем, я не удивляюсь — за семьдесят лет коммунисты научились обманывать профессионально...

Все это начало меня злить. Написал заявление об уходе. Правление клуба тут же мою просьбу удовлетворило. Знаете, кого рекомендовали на мое место? Секретаря ЦК ВЛКСМ Сергея Епифанцева (он, кстати, еще и член-корреспондент этой самой Ака-

демии творчества СССР). Михаил Шатров предложил даже переделать клуб в «партию президента»...

— Почему же вы остались в этом кресле?

— Все получилось само собой. Начался балтийский кризис — и правление клуба разбежалось. С нового года никого не могу найти. Быть сторонником Горбачева теперь непрестижно, опасно. Так что в клубе сейчас работают четверо, включая меня. Прямо как у «Битлз»: «клуб одиноких сердец...»

Хотим все начать сначала. Прежде всего перерегистрировались. Теперь самостоятельны. Готовимся заключить контракт с Институтом Гэллага. В перспективе хотим создать структуру, которая возьмет на себя предвыборную кампанию Горбачева. Откроем институт политической психологии. Раису Максимовну могли бы учить театральному мастерству, искусству говорить — она ведь «первая леди»...

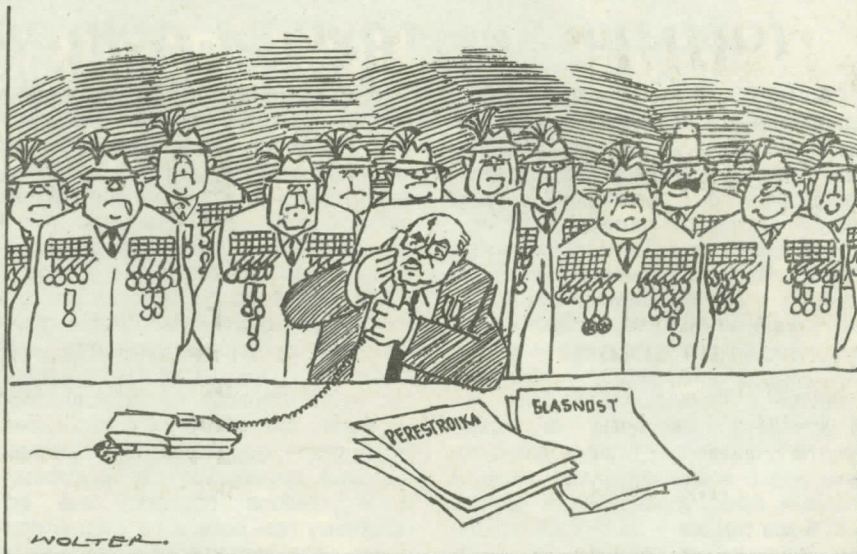
— В программе клуба записано, что он оставляет за собой право защищать горбачевские реформы и от самого Горбачева, если тот по каким-либо причинам начнет противодействовать переменам. Не настало ли для этого время?

— Критиковать Горбачева надо было вчера. Сегодня ему нужно просто не мешать. Уверен — все, что он делает, правильно. Поймите его: так надо...

Впрочем, лично я покритиковал бы Михаила Сергеевича за его кадровую политику, за то, что в органы власти он протаскивал все Политбюро, за то, что мало общается с людьми, за то, что не использует возможность мгновенно поднять свой авторитет. А ведь стоило бы личным распоряжением «укоротить» Кравченко и вернуть «Взгляд» в эфир... Представьте: в пятницу на экране неожиданно появляются Любимов с Политковским, а с ними рядом Горбачев — в свитере, без галстука — и спрашивает: «Ну что, ребята, какие у вас проблемы?»

— Мне кажется, Горбачев никогда этого не сделает. Он ведь коммунист, и от своих взглядов отказываться не намерен.

— А чего вы хотите? Как можно уйти из партии, которая контролирует всю страну, от КГБ до последнего пивного ларька? Эта машина раздавит кого угодно. Нужно было постепенно распатывать ее с помощью демократов. Но демократы пошли за Ельциным, отсюда все и началось. Горбачев

остался один против армии и КГБ. Вот, допустим, у вас в Америке умер дядюшка, и вас заставляют расплачиваться с его кредиторами. А дома сидят дети с разинутыми ртами: дай кушать! Не дашь — съедим тебя. Вот в таком положении оказался Михаил Сергеевич...

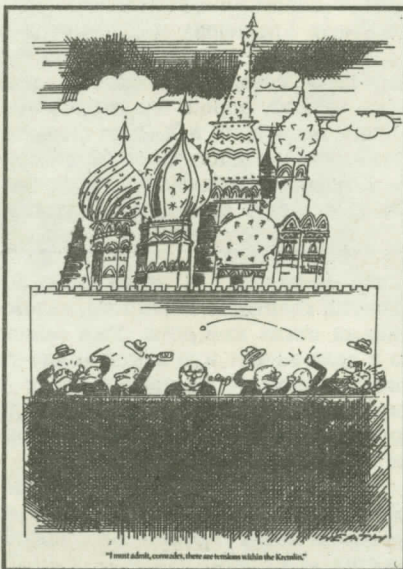
— Не боитесь ли вы своей деятельностью создать культ личности президента?

— Культ может быть только у диктатора, которого признал и полюбил

народ. Горбачева мы слишком хорошо знаем. Как диктатора его не воспримут. В лучшем случае будут восхвалять, как Брежнева, и потешаться втихомолку.

Вообще, что бы Горбачев ни сделал, что бы о нем ни говорили, его не забудут никогда. Одни в историю входят, другие влипают. Хоть Михаил Сергеевич и влип одной ногой, другой все-таки вошел...

— Знающие вас люди утверждают, будто вы можете весьма точно прог-

Карикатуры из коллекции И.М. ОСАДЧУКА

ГОРЕ ОТ «УМА, ЧЕСТИ, СОВЕСТИ» (обращение группы деятелей культуры)

События этой зимы красноречивы: однопартийная система больше не намерена сдавать позиции, а, напротив, принялась их решительно укреплять, пользуясь привычными методами — насилем и ложью.

Еще свежи в памяти карательные акции властей в Тбилиси и Баку, за которые с главных виновников и малой мерой не взыскано, а кровь мирных граждан снова пролита — в Прибалтике. Попирается законодательство суверенных республик, перечеркиваются решения их парламентов. Населению страны дают понять, что с военными шутки плохи. А главный пульт управления и армией и КГБ все там же — на Старой площади, недалеко от Кремля.

При этом высшая номенклатура КПСС, очистив свои ряды от умеренных, сомкнулась и четко держит равнение направо. Напоминания об отмене 6-й статьи Конституции сегодня вызывают лишь улыбки у «понимающих людей». Велик ли вес слов на бумаге, когда автоматы черных беретов наставлены на безоружных людей по команде партийных штабов, скрывшихся под вывеской Комитетов общественного спасения? Можно сказать, что на пороге шестилетия перестройки КПСС выступила в роли всесоюзного теневого комитета — общественного подавления.

Эта «теневая» организация теперь фактически заблокировала деятельность парламента России, мешая ему принимать неотложные меры для вывода республики из кризиса, ущемляя его в гарантированном, казалось бы, праве обращаться к населению через печать, радио, телевидение. Вся полозковская рать уверенно овладевает положением.

Неудивительно, что послушные партии средства массовой информации принялись восстанавливать ее величественно-плакатный образ, возвращаясь к тону подобоострастия перед всеисильной инстанцией и внушая нам, что ни кровавое прошлое, ни сегодняшней кризис ей не в укор.

Мы убеждены: суд истории неотменим и неотвратим. Но сегодня обанкротившаяся партия намертво вцепилась в рычаги власти. От этих рычагов ее не оторвешь ни забастовками, ни манифестациями, ни голодовками. Напротив, приструнивая граждан, шельмуя демократов как «экстремистов», наводя порядок, она по-прежнему при деле и по старой привычке сотрясает воздух риторикой своих пленумов.

Способно ли общество погасить новую вспышку ее активности? Разумеется. Прежде всего тем членам партии, кто надолго задумался над вопросом, выходит ли из ее рядов или нет, пора наконец самоопределиться. В начале 90-х уже нельзя утешать и оправдывать себя по-вчерашнему: мы, дескать, многого не знали, привыкли верить вождям, нас вдохновляли идеалы... Времена романтической ослепленности давно миновали. Сохранять и дальше свое членство в КПСС — значит выносить вотум доверия преступным силам, одобряя задним числом войну большевиков против собственного народа и поддерживая произвол их нынешних наследников. Убеждены: выход из партии — сегодня неотложный долг каждого, кому дорого его доброе имя.

Да, в наши дни у КПСС нет сильного оппонента, который помог бы ей сойти с политической сцены. Но почему бы не оставить партию перед пустым

залом, где не набралось послушной ей аудитории? Для начала всем, кому ясна истинная роль этой организации, достаточно не поддерживать с нею никаких деловых отношений. А говоря конкретней — не являться на партмероприятия; не раскупать тиражи партийных изданий; не голосовать за кандидатов от КПСС; не отмывать присвоенных ею денежных сумм; не поддерживать депутатов, покорных воле партаппарата; не выслушивать ценных указаний секретарей рай- и прочих «комов»; не встречать хлебом-солью эмиссаров от Политбюро, гастролирующих, как и прежде, по стране; помнить: после отмены 6-й статьи они вправе спускать директивы только по партканалам...

Иными словами, пора предоставить партию себе самой и ее аппаратным играм. Пусть верные ей кадры обсудят на досуге нюансы Всепобеждающего учения и попробуют всем миром разгадать загадку: что такое развитой социализм. Для таких занятий КПСС давно созрела.

Полагаем, что моральная изоляция партии, объявление ей обществом решительного бойкота — та необходимая мера, без которой нам не выйти из кризиса.

**В. КАМЯНОВ,
А. НУЙКИН,
А. АДАМОВИЧ,
В. ФОМИН,
Л. РАЗГОН,
Вл. КОРНИЛОВ,
В. СЕЛЮНИН,
Б. ПИНСКЕР,
Л. ПИЯШЕВА,
В. ОСКОЦКИЙ,
А. ПРИСТАВКИН,
А. РЕКЕМЧУК,**

**И. ГЕРАСИМОВ,
А. БАЯНДУР,
К. СТЕПАНЯН,
Я. КОСТЮКОВ-СКИЙ,
Л. СЕДОВ,
В. ИЛЮШЕНКО,
Е. ТАРАСОВ,
С. НИКОЛАЕВ,
А. НОСОВ,
С. ЛАРИН,
И. РОДНЯНСКАЯ,
С. КОСТЫРКО**

нозировать действия президента. Что нам ждать от него в ближайшем будущем?

— В апреле Михаил Сергеевич введет президентское правление на всей территории страны, вынужден будет ввести, а в мае — уйдет в отставку, чтобы не испачкать руки в крови. Дальше начнется просто резня.

— Если к власти придет диктатор, что будет с клубом «Горби», с вами?

— Страшно представить. Я стал заложником идей Горбачева даже в большей степени, чем сам Горбачев. Причем для себя лично я ничего от

клуба не получил — ни машины, ни дачи, ни квартиры. Мало того, заложниками стали мои дети. Уже сейчас то и дело звонят мне домой какие-то типы, угрожают расправой. Если у нас будет диктаторский режим, надо готовиться к худшему: ссылка, тюрьма, расстрел...

— А если наоборот — демократы? Не бойтесь в этом случае оказаться на одной доске с руководителем общества «Сталин»?

— Когда Геббельс понял, что империя рухнет, он убил всю свою семью, спас детей от унижения. Если де-

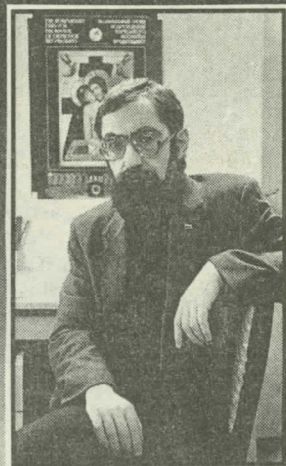
мократы захватят власть, я, конечно, никого убивать не буду. Просто покончу с собой.

Знаете, мне, честно говоря, очень обидно. Ведь клуб мы создали тогда, когда лучшие дни для Горбачева уже прошли, не дали партфункционерам опозднить идею... А президент, видимо, считает, что неудобно помогать клубу собственных сторонников.

— Кстати, лично с Михаилом Сергеевичем вы когда-нибудь встречались?

— Не доводилось. Увы...

«В РОССИИ И «ЗДРАВСТВУЙ» БЕЗ ПОЛИТИКИ НЕ СКАЖЕШЬ...»

Глеб АНИЩЕНКО,
сопредседатель партии
"Российское Христианско-Демократическое
Движение» (РХДД)

— С началом политики гласности и общей либерализации жизни внутри страны стало возможным более активное «христианское делание». В вашем случае, насколько я знаю, все началось с издания журнала «Выбор»?

— Да, вся наша деятельность стала возможна только в период «перестройки». Я вообще всерьез в нее поверил, услышав заверения из уст работников госбезопасности (когда меня в 1986 году вызвали в КГБ города Обнинска): «Глеб Александрович, имейте в виду, что «перестройка» — это очень серьезно. Так что готовьтесь к ней»...

никовой сборники Христианского Чтения «Надежда».

Выходил в Париже «Вестник РХД», который был труднодоступен. Необходим был такого рода журнал именно здесь, внутри страны.

Правда, с самого начала «Выбор» был не совсем самиздатом. Мы стояли во главе того процесса, когда самиздат начал уже самоликвидироваться, становясь полноправной независимой литературой.

Мы сразу же написали официальное письмо — о.Дмитрий Дудко, В.Аксючиц и я на имя Горбачева, Яковлева и Ельцина, возглавлявшего тогда Московскую парторганизацию, с просьбой разрешить нам издавать такой журнал.

У нас были переговоры в МКК КПСС, которые, впрочем, ничего не дали.

От имени Горбачева нас направили к митрополиту Питириму, возглавляющему Издательский отдел Московского Патриархата. Состоялась продолжавшаяся несколько часов встреча. Он беседовал с нами вполне доброжелательно, хотя и призвал нас все-таки журнал не издавать, а поработать лучше на его «Журнал Московской Патриархии», дабы «объединить усилия».

Мы же полагали, что затеваем принципиально другой журнал. Так оно и вышло.

Сначала вышло 500 экземпляров первого номера, потом нам удалось довести тираж до тысячи.

К счастью, наша идея многим оказалась близка, мы получили моральную поддержку, отчасти же и материальную. Скажем, от газеты «Русская мысль», редактор которой Ирина

И я стал активно готовиться... Вообще-то идея журнала принадлежала Виктору Аксючицу. У нас был вакуум в этом смысле.

— *Ведь кроме журнала «Община» в самиздате в начале 80-х ничего подобного не было? Эмигрантские*

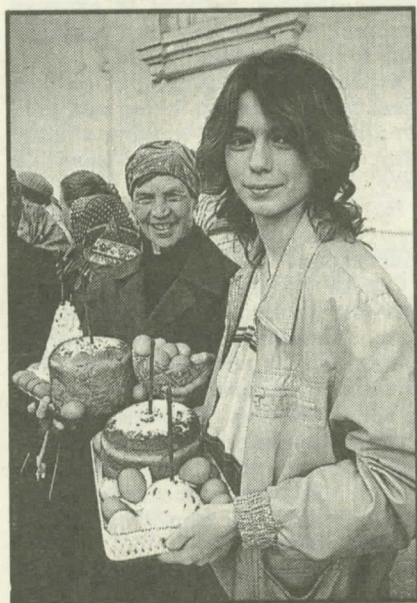
издания — попросту не в счет...

— «Община» вышла один-единственный раз, после чего ее издатель Владимир Пореша и Александр Огородникова посадили. Существовали еще — также до ареста редактора — издававшиеся З.А.Крахмаль-

Алексеевна Иловойская стала издавать «Выбор» в Париже тиражом две тысячи экземпляров, что нам очень помогло. Был чрезвычайно широкий отклик по стране. Вплоть до того, что толстый, в 400 страниц, журнал люди целиком переписывали от руки...

— Это наша старая «традиция»; недаром же А.А.Ахматова любила говорить, что «мы живем в догутенберговскую эпоху»... Но ведь были

переиздания «Выбора» и в других городах?

— Да. В таких, как Улан-Удэ, Новосибирск, Киев... Нам помогали кооператив «Перспектива», совместное предприятие «ПЮИК». Сейчас мы пытаемся перейти на самокупаемость, издаем серию книг под названием «Библиотека «Выбора». Готовим сборник о патриархе Тихоне, книгу статей по национальному вопросу «Конец Интернационала». Уже

выпущена книга Мельгунова «Красный террор в России». Мы были первыми, кто, совместно с издательством «Советский писатель», издал в СССР книгу А.И.Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ».

— Кроме издательской деятельности вы занимаетесь также и политикой: входите в Думу — руководящий орган новой политической партии «Российское Христианско-Демократическое Движение» (РХДД), учредительная конференция которой состоялась в апреле 1990 года в Москве. Как возникла идея создания РХДД?

— Ни я, ни Виктор Аксютин не считаем себя профессиональными политиками. Но не всегда можешь заниматься тем, чем хочешь. В свое время декабрист Михаил Лунин заметил, что «в России и «здравствуй» без политики не скажешь...»

Я всегда хотел заниматься исключительно творчеством...

— Вы закончили МГУ?

— Да, филологический факультет... После университета я работал старшим научным сотрудником в Музее А.Н.Островского в Щельково. Спустя два года был выгнан оттуда, под давлением КГБ. Меня заставляли возобновить свое членство в комсомоле, я отказывался, и мне заявили, что я не имею права находиться на идеологической работе... После этого изгнания, произошедшего в 1977 году, я уехал в Москву и 10 лет проработал сторожем, грузчиком, лифтером...

— Кто из духовных лиц повлиял на вас в эти годы?

— Отец Дмитрий Дудко, с которым мы и сейчас поддерживаем самые тесные отношения. Это пастырь, который значил и значит в моей жизни очень много. Я познакомился с ним близко после его выхода из тюрьмы, когда вокруг него возникла изоляция, — ибо после его покаяния по ТВ многие «духовные дети» от него отвернулись. Вокруг отца Дмитрия остался сравнительно небольшой круг людей; я был в их числе...

В 1982 году, на рубеже режимов Брежнева и Андропова, КГБ вплотную занялся моим кругом: были посажены сначала Анатолий Верховский, затем Дмитрий Марков, Михаил Середа. У нас у всех были обыски: в Обнинске, в Калуге и Москве. Судебные же процессы проходили в Калуге. У меня дело тоже близилось к посадке. В 84-м на меня налетели на улице несколько человек в штатском, посади-

ли в черную «Волгу», отвезли в отделение милиции, заявив, что я обвиняюсь в квартирной краже. Как только мы туда приехали, они извинились и сообщили, что теперь в краже я не обвиняюсь, ошибочка, а мое дело передается в КГБ.

Я написал заявление о том, что отказываюсь являться в КГБ и давать какие-либо показания. У меня отобрали рукопись моего романа; отобрали и паспорт, и таким образом полтора года для Советской власти я просто не существовал...

Многие у нас полагают, что христиане не должны заниматься политикой. Я был бы рад, если бы действительность русской жизни не давала этому повода...

Христиане всегда участвовали в политике, со времен появления христианства. Что касается политических партий... Я допускаю, что со временем их вообще не будет в России. Сейчас же — и я в этом совершенно уверен — другого пути нет.

Часто ссылаются на то, что до революции в России не было христианской партии. Да, конечно, ее не было (хотя была небольшая христианско-демократическая фракция в Государственной Думе). Партия была просто не нужна. Страной управляли христиане: был христианский монарх, чиновник был православным человеком, генерал и купец были православными людьми, и влияние христиан на политику шло органичным и естественным путем...

Коммунисты, кстати, сегодня очень любят говорить о том, что, мол, вот христиане зачем-то лезут в политику, вместо того чтобы молиться Богу.

Но вспомните русскую историю: что коммунисты ставят в заслугу христианам?

Сергий Радонежский благословил Дмитрия Донского на Куликовскую битву. Патриарх Гермоген благословлял в своих воззваниях народ бороться против поляков в XVII веке. Во время Великой Отечественной верующие собирали деньги на танковые колонны и эскадрильи. Уже в наши дни Московская Патриархия ежегодно передает на борьбу за мир по 30 млн. рублей...

— Которые растекаются неведомо куда...

— Это уже другой вопрос. Но что же это все — как не чистая политика?! И вдруг, когда христиане хотят создать христианскую партию, им говорят, что они не должны заниматься политикой.

В христианстве даже существует такое понятие, как «диакония» — служение в миру. В первые века в функции диаконов, помимо богослужения, входило попечение о прихожанах — членах общины.

И если христианин может участвовать в деле благотворительности и милосердия, почему он не может распространить свою активность на политику?

— Каковы основные цели и задачи РХДД? Каков численный состав Движения?

— В РХДД сейчас входит около 15 тысяч членов, не считая коллективных, которых тоже очень много. Региональные организации есть по всей стране, хотя сначала мы мыслили себя как партию, которая действует только на территории РСФСР.

Издается центральная газета «Путь», главным редактором которой я являюсь. И еще пять региональных газет: в Перми, Нижнем Новгороде, Орле, Санкт-Петербурге и Киеве.

В этих городах и находятся наши наиболее сильные региональные группы. Много групп за Уралом, в Сибири, создаются группы и на Дону. У нас очень хорошие отношения с уральскими и сибирскими казаками. Ведутся переговоры о том, чтобы коллективным членом РХДД стал Комитет солдатских матерей.

Как политики, безусловно, мы ставим вопрос о власти и надеемся, что мы сможем получить эту власть парламентскими способами. Хотя это для нас не самоцель... Главная наша цель — это внедрение христианских идеалов в политическую жизнь страны. Мы также твердо уверены в том, что ни одна партия не имеет права единолично решить вопрос о государственном устройстве. Поэтому одна из важнейших наших целей — созыв Земского Собора (либо Учредительного Собрания) для решения вопроса о государственном устройстве страны.

Вопрос о форме государственного правления должен решать сам народ. Нынешние Советы для этого совершенно не годятся. Ложный путь и референдум. Для решения такого вопроса нужны специальные, уполномоченные на то люди...

РХДД является оппозиционной партией по отношению к КПСС. Это — не секрет. Мы — антикоммунистическая партия, что ни в коем случае не означает, что мы призываем резать коммунистов, как кое-кто из них думает.

У нас в политической жизни получился странный перекося. «Демократы» в большинстве своем ориентированы на Запад. Они уделяют мало внимания защите традиционных российских ценностей. Но они выступают против коммунистов. И наоборот. «Патриоты» все чаще заискивают перед коммунистами...

— *Это выливается в «национал-большевизм»...*

— Да. Сегодня это едва ли не самое опасное явление нашей политической жизни.

Коммунизм как идеология не может отстаивать интересы какой-либо определенной нации. Он вообще направлен против свободной, богоугодной человеческой личности. И, естественно, против любой реалии человеческого мира, в том числе и национальной. По своей природе коммунизм — не только химера, но и паразит. Ему все время требуются какие-то реалии, к которым он может «присосаться» — чтобы жить. Сейчас такой реалией стал патриотизм.

Сегодня коммунисты объявляют себя «патриотами», хотя в свое время вытравили из обращения самое слово «русский». Не говоря уже о патриотизме. Речь шла только об интернационализме.

Наша позиция умеренного центра многих не устраивает. Мы неприемлемы и для коммунистов, и для крайне правых («Памяти»), и для крайне левых (скажем, «Дем.Союза»). Нам противостоят многие силы, и трудно пороку понять, что за чем стоит.

Скажем, в № 10 «Октября» (1990) появилась статья Сергея Лезова, смысл которой в том, что «христианин не имеет права быть патриотом. И тот христианин, который считает себя патриотом русской или иной национальности, изменяет христианству».

Там разбираются одна из статей Виктора Аксютинца, моя статья «Кто виноват?», направленная против «Памяти».

И Лезов нас просто недвусмысленно сравнивает... с фашистами.

— *Лезов отрицает саму идею патриотизма, утверждая, что христианин должен быть космополитом?..*

— Да. Мы с этим согласиться не можем.

Каждой нации дана своя миссия на земле, и отказываться от своей нации — это в конечном счете измена Христу.

Другое дело, что для христианина нет ничего, что было бы выше христианства. Если в заявлениях руко-

водства «Памяти» звучит мысль, что мы — христиане, потому что христианами были наши русские предки, то мы говорим по-другому: «Нам дороги наши предки, потому что они были христианами, были православными».

Наша партия восполняет возникший вакуум. Мы пытаемся соединить в одно целое демократию, последовательный антикоммунизм и «просвещенный патриотизм».

Что касается гонений... Сейчас, конечно, нас не возят в КГБ, не запугивают. Но противостояние мы все время чувствуем.

Допустим, после первого дня работы нашей учредительной конференции к директору клуба «Красная Пресня», где она проходила, нагрянули сотрудники КГБ и потребовали, чтобы нам не дали продолжать заседания.

Вообще еще в самом начале «перестройки» мы шутили, что нам надо открыть кооператив по ремонту московских клубов. Ибо, как только мы назначали какое-то свое мероприятие, в клубе, где оно было намечено, начинали твориться «чудеса»: один раз пришла пожарная охрана и обнаружила неисправную электропроводку, в другой — немедленно привезли линолеум и принялись настилать полы — этот клуб 10 лет не мог ничего получить, а с нашей помощью все устроилось очень быстро... Все делалось, чтобы христиане не могли нормально работать в политической сфере.

Есть и другие способы давления. Такие, скажем, как информационная блокада. У КГБ еще есть в распоряжении средства воздействия на средства массовой информации, и мы знаем ряд случаев, когда был прямой запрет на помещение материалов о нас.

Под особым контролем находятся наши спонсоры — кооперативы, которые нам помогают: против них ведется экономическая блокада.

Распространяются всякого рода слухи, компрометирующие руководителей движения. Скажем, председатель Либерально-демократической партии Жириновский вдруг ни с того ни с сего заявил, что РХДД и ЛДП вступили в блок и что он собирается отдать один из портфелей в правительстве, которое он уже формирует (?), Виктору Аксютину...

— *А что вы можете рассказать по поводу истории с Борисом Миллером?*

— Это очень серьезная тема...

— *О которой все советские масс-*

медиа промолчали как один.

— Было лишь оповещение ТАСС. КГБ как бы указало всем партиям на их место...

Борис Миллер — член Совета Народного-трудового союза. Многие годы НТС всеми силами компрометировался, о нем распространялась всевозможная ложь. Потом, набравшись смелости, «Аргументы и факты» напечатали очень интересное интервью с Б.Миллером — это было целое событие!

Он приехал в Россию, провел здесь 3 месяца, 6 раз выступал по ТВ, участвовал в разных мероприятиях, объездил 12 городов — и вдруг неожиданно был выслан.

— *Что же ему инкриминировали?*

— То, что он незаконно пытался проникнуть в «запретную зону». Нашему воображению сразу рисуется шпион, ползущий под колючую проволоку или же переходящий границу в медвежьей шкуре, правда ведь?

— *Как же было на самом деле?*

— «Запретная зона» — это... Свердловск. Ко встрече с Миллером готовился мэр города. Комитет Верховного Совета РСФСР по свободе совести ходатайствовал о том, чтобы Миллеру разрешили въезд в город. ОВИР выдал ему визу... которую на следующий же день отобрал. Миллер, естественно, никуда не поехал. А через полтора месяца после всего этого, 8 ноября, его вдруг высылают!

Другого члена Совета НТС, Юрия Брюно, выгнали из страны еще более простым способом: просто встретили на улице шесть молодых, отвели на квартиру, где он остановился, заставили погрузить вещи, заявив при этом, что он-де «ошибочно впущен в СССР»...

— *Я слышал, что и в случае с Миллером действовали «непарламентскими методами»?*

— Ломали дверь в доме, где он жил. И уже потом, после его «отъезда», вызывали в КГБ хозяев, у которых он остановился в Петербурге...

— *Кроме РХДД существует еще Христианско-демократический союз со сходной программой. Каково ваше отношение к этой партии? Что мешает объединению ХДС и РХДД — ведь пагубные последствия распыления сил совершенно очевидны?*

— ХДС был основан Александром Огородниковым раньше, чем РХДД. Но с самого начала эта партия стала «крошиться», так что история ХДС — это история расколов.

— *Идет как бы повторение истории большевизма 1903—1927 годов...*

— Да, аналогия есть. Мы и организовали свою партию, поскольку увидели, что ХДС ничем практически не занимается. Руководители ХДС только ругаются между собой.

Почти все крупные отколовшиеся от ХДС группы сегодня вошли в состав РХДД: Петербургское отделение ХДС во главе с Виталием Савицким, Московское — во главе с Виктором Ротом, Царицынское отделение (председатель — священник Дмитрий Нестеров), вышедшая недавно из ХДС молодежная группа и ряд других.

— Как на практике реализуется политическая программа РХДД?

— Мы — одна из немногих партий, которая реально выполняет свою программу. В принятых в апреле прошлого года «Основах политической программы» был религиозный раздел. Осенью он уже устарел, потому что практически все заявленное в нем выполнено.

По инициативе члена РХДД о. Вячеслава Полосина в Верховном Совете РСФСР был создан Комитет по свободе совести, вероисповеданиям, благотворительности и милосердию. Он упразднил Совет по делам религий РСФСР, что являлось одним из требований нашей программы.

В программе стояло: «Принять новый закон о вероисповеданиях».

И он был выработан в комитете, возглавляемом о. В. Полосиным, в котором работают еще несколько членов РХДД: В. Аксютин, о. Глеб Якунин, В. Крючков. Работа этого Комитета весьма повлияла и на Союзное законодательство...

— Подтолкнув Верховный Совет СССР в какой-то мере к большей либерализации своего закона?

— Проект, который они опубликовали, был очень консервативен. Когда они узнали о содержании проекта Верховного Совета РСФСР, они вынуждены были корректировать и свой закон.

Между прочим: то, что Рождество и Пасха объявлены нерабочими днями, — это инициатива депутатов от РХДД. «Широкие пожелания трудящихся», которым пошли навстречу власти, — в данном случае наше предложение...

— Россия сейчас переживает глубочайший экономический кризис — трагический итог 73-летия большевистского правления. Каковы основные пожелания программы РХДД в экономической сфере?

— Мы не отличаемся очень сильно в экономическом плане от других де-

мократических партий. Мы выступаем за равноправие всех форм собственности, полагая, что для этого необходимо сосредоточить внимание на развитии частной собственности.

Мы считаем, что христианская деятельность в экономике наиболее плодотворна, ибо она ограничивается не только соображениями прибыльности и целесообразности, но и сознанием ответственности человека перед Богом и ближними. В дореволюционной России купечество являло собой образец «православности» и за сравнительно небольшой срок, после отмены крепостного права, вывело Россию на одно из ведущих мест в мировой экономике. Можно только мечтать вести дело так, как вел его русский купец: без «бумажного» договора, на одном честном слове христианина.

Экономика и нравственность должны быть соединены, переплетены.

— Как РХДД относится к идее самоопределения составляющих СССР республик?

— Все народы нашей страны были поработаны одной и той же силой: коммунистической идеологией. Она перессорила все народы. И сейчас мы не можем толком разобраться, действительно ли тот или иной конфликт имеет национальную окраску или же он — следствие того политического положения, которое сложилось в стране. И в идеале надо сперва объединить силы всех народов нашей страны против коммунистической тирании, а уже потом в более-менее спокойной обстановке разобраться: действительно ли мы не можем жить друг с другом?

Если кто-то захочет выйти из состава СССР — не надо никого удерживать. Но я уверен, что для многих республик это будет губительным, а иногда просто безумным шагом. Шагом, в котором эмоции возобладают над здравым смыслом.

Скажем, когда об отделении говорит Армения, мне глубоко жаль многострадальный армянский народ. На что его толкают? Остаться в мусульманском окружении... Единственная страна, которая всегда защищала Армению, — это Россия.

Мы написали открытое письмо Ельцину по поводу подписания двустороннего договора с Украиной. Во многом мы его поддерживаем, но не во всем можем с ним согласиться. Такие вопросы нельзя решать без широкого обсуждения — потому что есть много спорного, в частности

вопрос территорий.

— Вспоминается сразу Крым, подавленный Украине Хрущевым в 1954 году...

— Да. Безумие одного из коммунистических деятелей сейчас приобретает силу закона. Крым, Виленская область, Казахстан...

Мы выступили в поддержку требования оренбургских казаков вынести на референдум вопрос о древнерусских казачьих территориях, ныне входящих в состав Казахстана.

Сейчас мы занимаемся разработкой вопроса о русской государственности. Ибо у русских, как это ни удивительно, просто нет государства. РСФСР — это не Россия, с одной стороны, и не государство русских — с другой.

И в письме к Ельцину мы призвали его не заключать никаких договоров до тех пор, пока не будет решен вопрос о русской государственности.

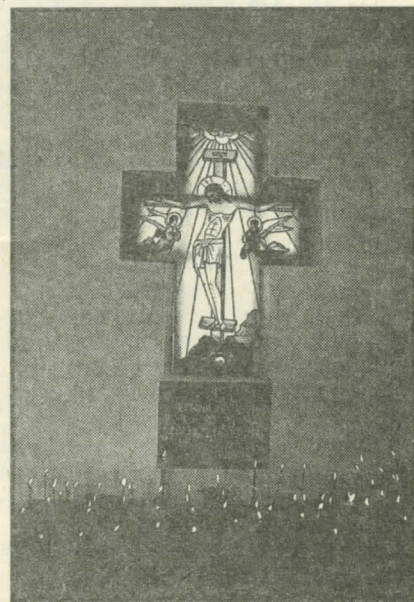
— Насколько реально для РХДД — одной или в коалиции — взять власть в стране, чтобы в полной мере воплотить свои замыслы?

— Мы ставим вопрос о власти. Вступили в блок «Демократическая Россия». Будем образовывать и другой, правоцентристский блок.

Рано или поздно обязательно будем выставлять своего кандидата в президенты или же на другую высшую должность в стране.

Скорее всего, увы, не на ближайших выборах...

Беседу вел Евгений ДАНИЛОВ
Фото Ю. ШТУКИНА

БАНКЕТ ПО-ЧЕРНОБЫЛЬСКИ

Как и большинство жаргонных словечек, «тусовка» имеет много оттенков и значений. Основное таково: собрать народу побольше, чтобы все имели возможность на людей посмотреть и себя показать.

Общественный форум «За решение глобальных гуманитарных проблем» прошел 5 марта в Круглом зале Дома Союзов и представлял собой классическую тусовку. Ее инициаторами были Всесоюзная общественная организация «За социальную экологию человека через массовое творчество» (известная как «Синее движение») и белорусский союз «Зничь» помощи жертвам Чернобыля.

В принципе цель у этой тусовки, конечно, была. Их было даже несколько. Во-первых, обсудить глобальные гуманитарные проблемы. Затем принять гуманитарный (вот ведь прицепились к слову!) манифест Чернобыля, состоящий из изнасилованных многолетним употреблением фраз. Еще — открыть объединение «Московский клуб», который будет заниматься наиконкретнейшим делом — «глобальными гуманитарными проблемами». И, наконец, учредить ассоциацию союзов, движений и организаций «Гуманитарные проблемы Чернобыля».

Вот эти два последних пункта навеяли невеселые мысли. Мысли невеселые и меркантильные, несмотря на всю «гуманитарность» тусовки.

После взрыва на ЧАЭС прошло пять лет. И все это время для пострадавших людей делается лишь минимум — потому что не хватает денег. Но при этом с невероятной быстротой появляются всевозможные «союзы, движения и организации», которые занимаются чернобыльским вопросом; причем те, что покрупнее, располагают порядочными средствами, выплачивая своим членам зарплату и регулярно устраивая трагически-благотворительные мероприятия.

На эти деньги наверняка давно уже можно было бы вывезти из той же самой многострадальной Белоруссии, на которую выпало 70 процентов чернобыльских осадков, если не каждого пятого (что, по мнению ученых, необходимо), то хотя бы каждого третьего жителя, причем дать самому жителю работу и жилье...

Но вот образована целая Ассоциация, которая включает в себя пока (!) около пятидесяти всяких организаций (дальше — больше?), и вот пышно презентован «Московский клуб». Вообще форум прошел по-богато. Аренда Круглого зала стоила тогда 50 рублей в час (а заседали там с 11 до 19), два раза участников форума радовали а ля фуршетными с сервелатом, ветчиной, хорошей рыбкой и сосисками (размах, конечно, не особый — вот на торжестве по случаю десятилетия «Синего движения» в конце прошлого года угощали черной икрой, — но, тем не менее, все были довольны и бодро жевали бутерброды), в перерывах музицировал струнный квартет, в роскошных вазах стояли роскошные цветы (в чем «синим» не откажешь — так это в изысканном вкусе), под музыку Вивальди по фойе фланировали дамы, на дамах сверкали и мерцали драгоценные и — соответственно — полудрагоценные камни, а в курилке пахло вирджинским табаком.

Все это было красиво и торжественно, но вряд ли имело практическую пользу. Как сказал митрополит Питирим (который, впрочем, в тот день стал одним из пяти сопредседателей Ассоциации), «от того, что мы выпустим еще одну декларацию и создадим еще один фонд, дело не сдвинется, как это ни печально».

А для того, чтобы дело решилось (или, как отметил Владыко, «сдвинулось»), нужно много чего: во-первых, чтобы у этого самого дела была коммерческая, банковская основа — тогда деньги будут делать деньги и

не станут растрачиваться на «мероприятия». Не мешало бы остановить третий Чернобыльский реактор, который до сих пор выбрасывает радиацию. Сократить военные расходы, а вырученные деньги отдать Чернобылю. В конце концов у нас с избытком хватает недемонтированных и незахороненных ядерных отходов, подводных лодок и крайне ненадежных АЭС, которые в любой момент могут бабахнуть. И если зацикливаться на «колоколе Чернобыля» и ничего не предпринимать, у нас будет не страна, а какая-то колокольня.

И совершенно точно, что меньше всего нужны эмоции и рассуждения о том, что (цитирую Гуманитарный манифест Чернобыля) «в огне взорвавшегося мирного реактора должны были сгореть скверны конфронтации, распри и розни и восстать из пепла обновленное, единое, подлинно гуманное человечество...»

Нужна государственная программа. И об этом, кстати, говорилось на форуме не раз. Но каким-то полуживым тоном: «Если человеку, который невероятно занят сегодняшними проблемами, который отвечает за страну и которому сейчас очень трудно, положить на стол точно разработанную программу и профессионально доказать, что она реальна, что решить ее можно минимальными затратами, но с максимальной отдачей, поверьте — нас услышат...» (из выступления Н.П. Машеровой, председателя союза «Зничь»). Однако конкретно об этой программе — кто ее будет разрабатывать и когда — так ничего и не слышно...

Так что же, будем учреждать новые ассоциации и надеяться, что «человек, который отвечает за страну», вспомнит, наконец, о катастрофе пятилетней давности и — так и быть — посмотрит чужую программу?

Елена АВЕРИНА

«Я ХОТЕЛ АРЕСТОВАТЬ ПОЛИТБЮРО»

«Только не считайте меня неудачником, — сказал он, прощаясь. — Просто у меня растет сын, хороший, честный парень: ему сейчас шестнадцать. Придет время, и он спросит: «Папа, а чем ты отличаешься от тех, которые были в 37-м?» Понимаете? Мне страшно.

СВЕТЛЫЙ ПУТЬ

Родился в 49-м, рос без отца. Мать, инвалид с детства, обманув медкомиссию, добровольцем прошла войну от Сталинграда до Вены. Потом, убрыв в комод ордена и медали, в едином порыве со всей страной строила светлое будущее. Лозунгами сына не пичкала, просто воспитывала — «как нормального советского ребенка». «Учиться, учиться и учиться», — говорила Родина активному комсомольцу Андрею Ястребову, и он старался, выполняя наказ. С красным дипломом закончил строительный техникум. Вступил в комсомольский оперотряд имени Дзержинского. Получал благодарности, помогая задерживать наркоманов и торговцев наркотиками еще тогда, когда официально им предписывалось обитать лишь на гнилом Западе.

После армии пришел работать на стройку. Поразился размаху воровства — прямо на совещании прорабам и начальникам участков указывалось, сколько кому приписать для плана. Старался привыкнуть, обмануть самого себя. Перепроцентаж делал только по тем позициям, где не нужно было списывать стройматериалы. Однажды не выдержал и пришел в ОБХСС. Там выслушали парня и предложили остаться работать.

«Вот вы спрашиваете, как я оказался в милиции. Я верил нашей родной коммунистической партии! Верил, что у нас много хороших людей и совсем чуть-чуть плохих. С плохими надо бороться: неисправимых — в тюрьму, остальных — пугнуть и спрофилактрировать. Я считал, что в милиции

работают самые лучшие, самые честные, самые умные. Был наивным человеком, шел бороться за идеалы. Я в них и сейчас... верю».

ПЕРВЫЙ ЗВОНК

Он прозвенел в 76-м году. В руках молодого, но уже хорошо зарекомендовавшего себя опера Ястребова оказалась крепкая информация на руководство Ленинградского исполкома столицы, где за взятки распределялись квартиры. Документы под грифом «секретно» с фамилиями «информаторов» легли на стол начальника ОБХСС. И вдруг эти люди, один за другим, начинают сообщать, что их вынуждают уйти с работы. «Спалить» же человека, сотрудничающего с милицией, по неписаным законам служебной этики считается гнуснейшим делом. Случайное совпадение? Это нуждалось в проверке.

Опытные коллеги подсказали: есть человек, порядочная сволочь, но за руку не пойман. Тоже вхож в исполкомовский круг. Напиши, мол, рапорт, что он сам на тебя вышел, дал информацию.

Сказано — сделано. А через несколько дней Ястребов узнает, что человека того свои же по пьянке заловили, партбилет собираются отнимать. Зато всем стало все ясно: начальник ОБХСС «сдал». Урок первый на тему «начальник — не отец родной» закончился.

Вызвал тот начальник приткого опера и предупредил: «Так мы с тобой, Ястребов, не сработаемся. Хватит тебе по строительству да по жилью. Иди-ка ты на ювелирный завод».

— Ох, — вздохнул мой собеседник и спросил в очередной раз, — можно закурить?

КАМУШКИ

22 января 1977 года Московский ювелирный экспериментальный завод на улице Лавочкина принял в свои распахнутые двери бесценный дар в лице оперуполномоченного район-

ного ОБХСС Андрея Ястребова, призванного (и всем сердцем стремившегося) блюсти соцзаконность. А через три года руководителям упомянутого завода пришлось срочно подыскивать себе новую работу.

Сначала был камушек. Бриллиант, валившийся на полу в коридоре. Его подобрала пожилая работница и вместо того, чтобы сдать в режимный отдел, как требовала инструкция, по простоте душевной из рук в руки отдала находку начальнице своего цеха. Событие обсуждалось, слухи дошли до Ястребова. Он выяснил: в режимный отдел камень не поступал.

Вызвал начальницу цеха. Разговаривали долго. Женщина стояла на своем: знать не знаю, ведать не ведаю.

А на следующий день пришел опер на завод, глядь, нет его пропуска, позвольшего ходить по всем режимным зонам. Говорят: пожалуйста к директору, он все объяснит.

Директор особо не церемонился. «Вы, — говорит, — товарищ Ястребов, занимаетесь антисоветской деятельностью». У Ястребова глаза на лоб: как так? А так. Оказывается, целый день цех, поставляющий продукцию на экспорт, оставался без руководителя, который мог бы дать ряд ценных указаний, которые способствовали бы успешному выполнению государственного плана, что упрочило бы экономическую мощь государства. И без обиняков: «Вы, простите, на какую разведку работаете?»

Ястребова аж пот прошиб, в голове пронеслось: «Может, я действительно враг народа?» А на дворе конец семидесятых...

Тут все понеслось, закрутилось, собственное начальство вызывает на ковер... А опытные да тертые нашептывают: повинись, скажи, что будешь заниматься только слесарями и ювелирами-первогодками, не то вылетит на улицу.

«Повинился я. Кожей почувствовал опасность. Хотя долго себя ломал: как же так? она же жулик! Потом только понял, какая, в сущности, это мелочь».

И я начал ловить «пескарей». Тем более, что все хлопали мне в ладоши. Сразу же Почетная грамота от начальника ГУВД, благодарности, премии. Зато начал потихонечку влезать в технологический процесс. Ведь сотрудник ОБХСС, если он профессионал, через год-два работы на предприятии может заменить и главбуха, и главного инженера. Идет война умов, и если ты «ванек» — ничего не поймешь».

На заводе был (и сейчас есть) экспериментальный участок, изготавливавший высокохудожественные изделия на экспорт. Из Гохрана туда прямым назначением шли бриллианты особой огранки, которые, оправленные в металл первоклассными ювелирами, призваны были за валюту тешить сердца капиталистов-миллионеров. Ни один камень экспортной огранки не должен был остаться в Союзе — на то имелись строжайшие инструкции Минфина и Совмина.

Ястребов очень уважал инструкции — его воспитала так мама. Поэтому всегда удивлялся, если видел бумагу типа: «В связи с возникшей необходимостью просим вас изготовить и продать ювелирные изделия (индекс...) в количестве 5 (а чаще 10 или 15) штук. Оплату гарантируем. Наш расчетный счет...»

В роли «просителя» выступало 9-е (ныне покойное) Управление КГБ СССР, которое охраняло... Ястребов знал кого.

Чуть ли не ежедневно у завода отдыхали усталые «Чайки», а их пассажиров с лицами, подозрительно схожими с портретной галереей из парткома, запросто можно было встретить в коридоре. Несколько раз нос к носу столкнулся с Галиной Брежневой. Держал в руках калькуляцию на колье из пяти бриллиантовых ниток для Подгорного. Изучил ювелирные вкусы народных любимцев из мира искусств.

Круг «левых» покупателей очертил для себя так. Первая и главная категория — «хозяйева жизни», перед которыми расшаркивались. Далее знаменитые артисты — их внимание льстило самолюбию заводского начальства. Наконец, полууголовные мафиози, торгаши — с тех шел прямой «навар». Скажем, кольцо стоимостью 10 тысяч за счет занижения группы сложности оценивалось в 5, которые поступали в кассу. А 2-3 тысячи сверху — непосредственно в чей-то карман.

И все это по оптовым ценам,

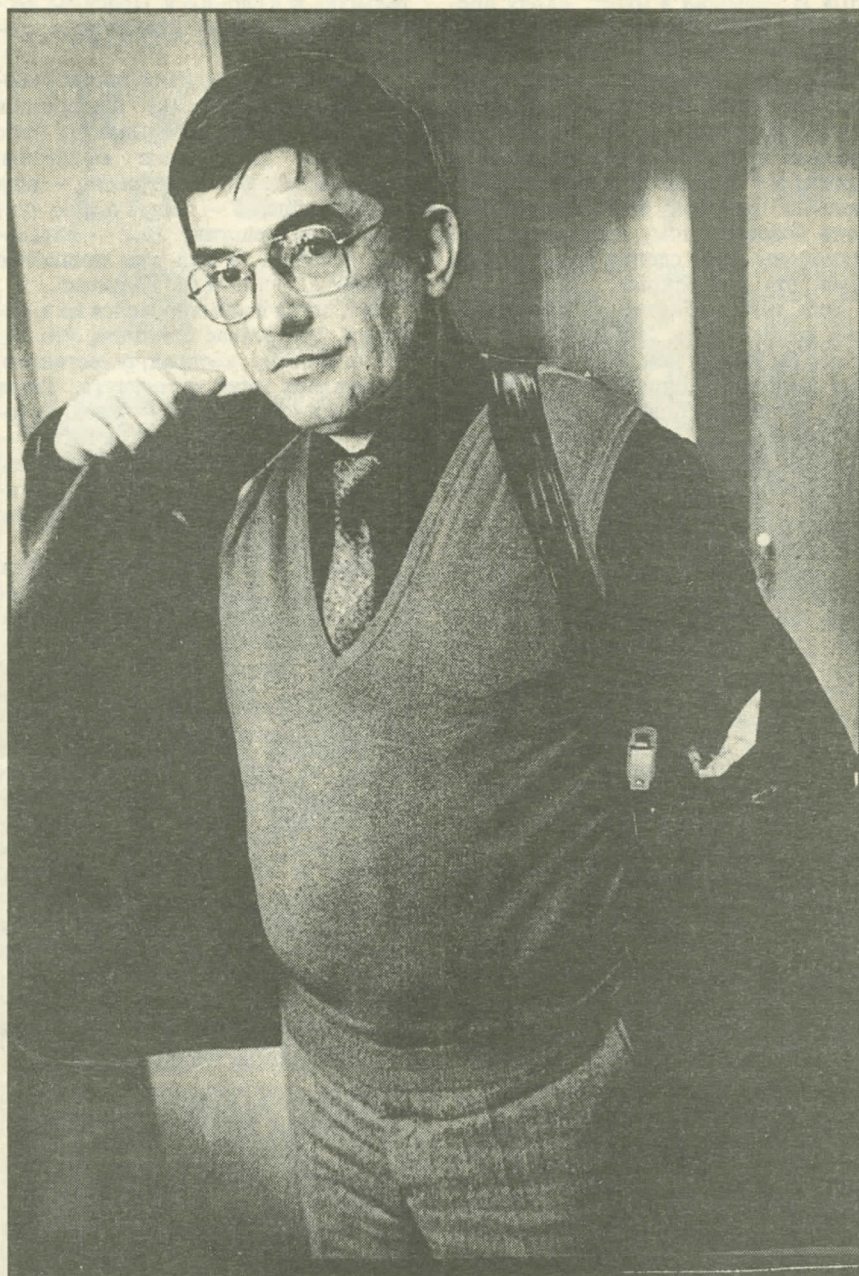

Фото Э.Кудрявицкого

тогда как розничные, известное дело, в несколько раз выше.

«Короче, прикинулся дураком и три года их «разрабатывал». Нюхом чуял статью 93 прим. (хищение в особо крупных размерах) на десятки миллионов по тем ценам! Понял, что когда изыму документы и начну «трясти» клиентов, по разнице в стоимости изделий смогу определить ущерб, нанесенный государству.

Я шел ва-банк. Это удел любого сотрудника ОБХСС — выбирать.

Или быть подонком, вписаться в систему, или калифом на час. И стогреть».

ВА-БАНК

Познакомившись с оперативными разработками своего сотрудника, начальник ОБХСС побелел и затрясся: «Василич! Не губи! Мне до пенсии всего ничего».

Начальник районного управления лишь сощурился: «Ты на кого идешь».

то?» И услышал в ответ: «Хочу арестовать Политбюро».

Ждать поддержки было бессмысленно. Это отчетливо осознал наконец наивный беспартийный опер, стоящий «в очереди» за партбилетом (давали по одному в год на отдел), с крохотной зарплатой и кучей собственных проблем, вздумавший сбегать безразличному государству его миллионы. Он сделал свой выбор, зная, что тыл открыт.

Есть такое понятие — «оперативная комбинация». Это когда ты сам вроде бы ни при чем и просто вынужден выполнять определенные действия. Ястребов позарез нужны были документы по экспериментальному участку, доступ к которым имело всего несколько человек на заводе. Легальный способ их изъять — уголовное дело. Только какое?

Стало известно, что один из руководителей завода берет элементарные, примитивные взятки. И Ястребов организовал ситуацию так, что тот взял очередную мзду «под контролем». Шум, гам, комиссия из вышестоящей организации. Люди вынуждены писать объяснительные, в которых всплывают все новые имена. И среди них одно — человека, имеющего доступ к документации экспериментального участка.

В общем, появились нужные показания на «совсекретный» участок, возбудили дело, влезли в святая святых — документы, повествующие, как кормились за счет страны ее «любимые дети». Фотокопии этих документов, кстати, до сих пор хранятся у Ястребова «про запас» в надежном месте.

Вот, собственно, и все. О громких разоблачениях десятилетней давности никто из нас не слышал. Даже директора завода арестовать не дали. Дело забрала прокуратура города, оттуда оно прямоком ушло в известный Комитет. «Верхушку» умело отсекали, «стрелочников» довели до суда и осудили. Честного следователя «ушли» в народное хозяйство. Погоны Ястребову спасли тогда те самые, припрятанные впрок документки. Куда там Сицилии с ее глупыми перестрелками.

НА ДНЕ

«Но условия создали невообразимые, — продолжает Андрей Васильевич. — На работу опоздал на три минуты — пиши объяснительную, пистолет плохо почищен — объясни-

тельную. И я сломался. Прогулял несколько дней, решил: пропади все пропадом!

Сразу суд офицерской чести: рекомендовать руководству из органов милиции уволить. Вызывает к себе начальник управления: «Ястребов, ты все понял? Вот тебе три дня — ищи место. Найдешь — дадим самую лучшую характеристику. Нет — фатальный исход». А я был уже личностью одиозной, знали и на Петровке...

Нет, тогда я разочаровался не в милиции. Это сейчас понимаю, что полез на систему, которая, естественно, попыталась меня отторгнуть. Тогда стало ясно лишь одно — мною руководят преступники. Служба БХСС — фигурный листок для народа. Дескать, не волнуйтесь, товарищи, не паникуйте. Есть специальные органы, они во всем разберутся.

Пошел я в 28-е отделение милиции участковым. 1522 дня пробыл в ссылке. 4 года 2 месяца и 12 дней. Первые полгода пистолет в руки не брал — боялся его, потому что морально был готов взять автомат. Ведь работа участкового — это самое дно советской милиции. Очень трудно не озлобиться, не спиться, остаться человеком. Помогли ребята, хорошие ребята попались, такие же «пахари»-участковые. Утешали: ничего, не ты первый. И еще надежда вернуться когда-нибудь в службу БХСС. Повторял, как заклинание: «Сегодня тебя сломали — уйди на дно, заглохни, завтра придет твой черед. Главное — выжить». Если бы тогда не остановился, как пить дать попал бы в лапы КГБ или в психушку».

«ПАЛКИ»-КОПАЛКИ, «ДЕСЯТКА» И ПЕРЕСТРОЙКА

А пришел Андрей Васильевич в редакцию вовсе не затем, чтобы просить помощи. Выжил он, выкарабкался, снова работает в ОБХСС, теперь зеленоградском.

Пришел он с миссией просветительской, потому как с «темным» народом работать хотя и проще, но уж коли снято табу со слов «права человека», коли глотнули люди головоружительного дурмана свободы, коли собственной шкурой проехал по шершавой доске бесправия, то некуда отступать.

— Как вы думаете, — спросил с порога, — есть у нас сейчас те самые трагически знаменитые суды-тройки? А каратели-одиночки? Так вот, это я. И закон предоставляет мне неограниченные полномочия производить

внесудебные расправы, вершить судьбы, брать взятки, наконец.

И Ястребов раскрыл Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР на статье 10-й — «Направление материалов без возбуждения уголовного дела для применения мер общественного воздействия».

«Смотрите, что получается. Я «накопал» на кого-то материал, но явно недостаточный для возбуждения дела. Сам понимаю: нет судебной перспективы. Или я плохо сработал, или там действительно нет состава преступления. Тогда я быстренько «леплю десятку» и передаю материалы в товарищеский суд или по месту работы. Как бы утверждаю: Товарищи, вот он, преступник, накажите его. Понимаете? Я один, исполнитель, принимаю решение. Но ведь преступником человека может назвать только суд, теперь-то мы все это знаем. А у меня полная свобода выбора. Могу испортить кому-то жизнь: для честного человека и товарищеский суд — несмыслаемый позор или из очереди на квартиру исключат. Могу увести от ответственности преступника, небезвозмездно, конечно.

Больше того, у статьи десятой есть второй абзац, который, как я выяснил, практически не читал никто даже из моих коллег. А в нем говорится, что если лицо, совершившее противоправное деяние, не согласно с моими выводами, то производство дела продолжается в обычном порядке. То есть оно, это лицо, должно озаначиться с моим «досье» на него. Для многих же сотрудников это оказалось просто открытием.

Вы спросите, а как же начальник РУВД, прокурор, утверждающие постановление об отказе в возбуждении уголовного дела?

Весь ужас в том, что «десятка» входит в уголовную статистику, царю наших умов. Скрывать преступления от учета сейчас не выгодно, бьют по рукам. А повышать раскрываемость за счет «десятки» — элементарное дело. Проступок, который не тянет даже на возбуждение уголовного дела, отказной материал, регистрируется как раскрытое преступление. И кто вам сказал, что прокуратура независима, что прокурору не выгодно выскокая раскрываемость в районе? Он же подписывает статотчет. А что легче: выявить одно серьезное хищение или «слепить» несколько «десяток»?

В 70-е годы по линии БХСС раскрываемость на 50 процентов делалась за счет «десяток». А ведь это миллионы, я подчеркиваю — миллио-

ны, незаконно репрессированных людей. И преступники, не понесшие уголовной ответственности. И развратившаяся милиция.

В конце 89-го сменилось наше руководство на Петровке. Пришел новый начальник управления Шестопапов. Он взял статистику и увидел, что средняя раскрываемость в Москве на одного сотрудника службы БХСС — 4,3 преступления в год. Из них примерно треть — «десятки», еще треть — облегченная протокольная форма, когда, минуя следствие, материалы по малозначительным преступлениям прямо из органа дознания передаются в суд. И максимум 40 процентов — уголовные дела, собственно, то, чем мы и должны заниматься.

Подумал новый начальник и сказал: «По Союзу 9,24 «палки» (раскрытых преступлений) на человека, по России — 7,32, в Ленинграде — 6,62, а у нас всего 4,3. Мы плохо выглядим в глазах министерства. Посему чтобы в 90-м году было 7 «палок» на сотрудника, неважно каких».

Я ахнул: в 37 тоже планировали, сколько человек расстрелять!

В мае приходит новая разрядка: 8 «палок», и по каким статьям — написано. Но ведь это же абсурд, это заведомо невыполнимо. Значит, нас подталкивают бежать по магазинам, делать контрольные закупки, выполнять план по «десяткам» и малозначительным преступлениям, чтобы нам некогда было трогать мафию. Я так это понимаю. Кстати, «десятки» уже несколько лет не делаю, а недавно вступил в милицкий профсоюз.

А за окном кричат: перестройка в органах, перестройка...»

ПРОГНОЗ

Фамилию свою скрывать мой собеседник не захотел, хотя, видит Бог, к «самоубийству» я его не подталкивала. И горжусь знакомством с ним. Чем мрачнее жизнь, тем сильнее греют душу светлые пятна исключений из того, что все мы привыкли считать правилом.

Прав он или нет, я пойму очень скоро. Как только пойдут в редакцию коллективные «письма протеста» и компромат, услужливо подкинутый руководством. Или узнаю, что Ястребов наконец-то уволен за дискредитацию советской милиции.

Тогда мне останется только выразить советской милиции сердечные соболезнования и сообщить об этом заинтересованным читателям.

Елена САЛИНА

Александр ТИМОФЕЕВСКИЙ КУЗЬМИЧ СО ВСЕХ СТОРОН

*Кузьмич... со всех сторон...
и слезы — повторил кто-то
смеясь.*

«Война и мир»

В последней статье для «Столицы» я недоумевал, что наши нынешние дворяне, проявляя излишнюю строгость вкуса, не хотят принимать в свои ряды большевиков и безбожников. Недоумевал, как выяснилось, напрасно. И хотя безбожникам не везет по-прежнему, к большевикам дворяне заметнее потеплели. Процесс дворянско-большевистской интеграции развивается лавинообразно. 28 февраля 1991 года газета «Советская Россия» зафиксировала его в заметке со знаменательным названием «За единую Русь, за единый Союз». Знаменателен и зачин: «Вчера в Москве прошла конференция общественно-политических и национально-патриотических объединений».

В ней приняли участие представители 26 партий, групп и движений самых разных направлений — от коммунистов России до потомков русского дворянства и монархистов...» И далее... «Перед участниками конференции выступили председатель правления Союза писателей РСФСР Ю.Бондарев, народный депутат СССР ткачиха Барнаульского хлопчатобумажного комбината Д.Миронова, генерал армии В.Варенников, иеромонах Свято-Данилова монастыря о.Кирилл, первый секретарь ЦК Компартии РСФСР И.Полозков, поэтесса Е.Андреева, народная певица СССР Л.Зыкина и другие».

Вот он, первый плод консолидации, к которой сейчас призывают и правые и левые — список, достойный «Поп-механики», — один генерал, один иеромонах, неизбежный Бондарев, знатная певица, знатная ткачиха и Иван Кузьмич всегда в ассортименте. Сама «Советская Россия» этому еще вяло сопротивляется, пытаясь отстоять чистоту своей марксистско-ленинской физиономии. Спустя две недели (13 марта) газета публику-

ет заметку «В защиту В.И.Ленина и ленинизма» с подзаголовком «Кошунство». Речь в ней о том, что на Кузбассе вознамерились на месте, где и поныне стоит Ильич, воздвигнуть монумент Александру III. «Это ли не кошунство — предлагать заменить памятник Ленину на памятник царю!» — возмущается автор заметки.

Возмущающая заметка, впрочем, не помеха на пути к консолидации. «Нам, патриотам своей земли и истории, — говорится в обращении к народам России, принятом на конференции, — следует на время забыть наши расхождения и несогласия, обиды и боли, нанесенные друг другу в ходе нашей великой и многострадальной исторической судьбы, следует простить несправедливости и гонения, коим мы подвергали друг друга, преувеличивая каждый свой идеал и веру, ибо один у нас идеал — Россия, одна у нас вера — в ее заветную судьбу. Только единство перед лицом российской беды, братство в годину российских нестроений смогут спасти Родину и народ».

Что такое «российские нестроения» — мне непонятно. Как непонятна «идейно-апологетическая элита», которую клеймил в своей речи на конференции Иван Кузьмич. Радетели всего русского, как правило, говорят на дурном русском языке — темно и вяло. Но смысл все-таки ясен. Смысл в том, что «комиссары в пыльных племах», которые в «сказочно короткий срок» (выражение Бунина) уничтожили все российские сословия, от дворянства до крестьянства, уравниваются со своими жертвами. Оказывается, ГУЛАГ и десятки миллионов репрессированных людей всего лишь «несправедливости и гонения, коим мы подвергали друг друга, преувеличивая каждый свой идеал и веру». Это как же понимать? Каким таким гонениям подвергали узники ГУЛАГа партийное и КГБистское начальство, в то время как те, в свою очередь, преувеличивали идеал и веру? И что стоит за деликатным словом «преувеличивали»? Скажем, если б уничтожены были не десятки

миллионов, а всего лишь миллион, это оказалось бы в самый раз — идеал без преувеличения?

Такова арифметика консолидации. Зря все-таки господ монархисты не взяли на себя труд вчитаться в обращение, которое подписали. Но, когда речь идет о године «российских нестроений», в которую нужно спасать Родину и народ, вчитываться в тексты уже нет времени. Абстрактному народу и несуществующему Союзу, то есть вполне литературным понятиям, приносятся в жертву конкретные человеческие судьбы, причем судьбы миллионов.

Здесь, собственно, водораздел. Он не в любви к демократии, которой клянутся все, не в признании рынка и частной собственности, что с теми или иными оговорками сейчас делают тоже все, не в отношении к коммунистической партии (вспомним Алксниса) и к Октябрьскому перевороту (возьмем тех же монархистов). Водораздел в другом. Он между западной, европейской (в том числе и петербургской) ценностью отдельно взятой личности и некой невнятной высокой «азиатской» общностью, которая все поглощает и уравнивает. Эта общность может быть любой — государственно-партийной (ортодоксально-коммунистический вариант), государственно-церковной (ортодоксально-монархический вариант), чисто государственной, внеидеологической (романтический вариант полковника Алксниса), наконец, либерально-имперской (парадоксальный вариант «третьего пути»). И там, и там, и там западная отдельно существующая личность приносится на алтарь всеобщего, сакрального. И там, и там, и там — могучее дыхание Азии. Самое печальное, что оно сказывается и у демократов, у тех, кто вроде бы горой стоит за отдельного человека.

В шестом номере родной «Столицы» опубликовано письмо «КГБ и наше будущее» — «обращение к Верховному Совету СССР, Верховным Советам республик, местным Советам, политическим партиям и движениям и всем гражданам». Адресат, под стать обращению патриотов к народам России, в никуда — городу и миру, сразу настроивает не на что-то конкретное, а на «документ эмоций» (выражение М.Туровской по другому поводу). На это же настроивают и подписи — профессор Афанасьев, артистка Ахеджакова, культуролог Баткин, диссиденты Богораз и Ковалев, публицист Нуйкин, писатель

Приставкин и снова артисты — Чурикова и Юрский. Чем это не наша «ткачиха, писатель, певица», наша либеральная «Поп-механика»?

Следы «документа эмоций» заметны на каждом шагу. Авторы обращения пишут: «Особенно отвратительно выглядят сегодня разглагольствования о заслугах и успехах на поприще борьбы с «антисоветчиками» мракобесов из нашей политической полиции и их приспешников — а мы по-прежнему слышим их по радио, с экранов телевизоров и читаем в газетах. И уж совсем безнравственно, когда эти люди заседают в Советах рядом со своими бывшими жертвами как новоизбранные народные депутаты.

Подобная демонстративность деморализует людей и вселяет серьезные сомнения в искренности руководителей страны».

С точки зрения моральной, с точки зрения «документа эмоций» трудно не согласиться с авторами письма. Но что конкретно они предлагают, обращаясь в Верховный Совет СССР? Запретить «мракобесам из нашей политической полиции» и «их приспешникам» выступать по радио, телевидению и в газетах? А, собственно, почему? Почему мракобесам нельзя иметь своих мракобесных газет, свои мракобесные каналы на радио и телевидении? Безнравственно, когда палачи заседают в одном парламенте со своими жертвами, утверждает в письме. Слов нет, безнравственно. Но что делать, если они — действительно избранные народные депутаты? И причем здесь искренность руководителей страны? Народные депутаты РСФСР, среди которых полно мракобесов, избраны не от общественных организаций, а всеобщим, прямым, равным, тайным голосованием, не зависящим от искренности — неискренности руководителей. И как вообще можно писать политическое обращение, апеллируя к чьей-либо искренности?

Дело, к сожалению, в том, что пишется не конкретное политическое обращение (с чем конкретным — помилуй Бог! — можно сегодня обратиться в Лукьяновский Верховный Совет?). Пишется «документ эмоций». Высказывается Высшая правда, объединяющая всех честных людей, от Афанасьева до Юрского. И эта демократическая Высшая правда строится по тем же законам, что и Высшая правда патриотов. Она также изначально известна, также не нуждается ни в логике, ни в конкретности. Более того, логика и конкрет-

ность ей противопоказаны. Она передается от души к душе, складываясь из набора позывных, которые воздействуют на сознание, как звук полковой трубы на готовящуюся к сражению лошадь. Разница только в наборе позывных: у патриотов — Россия, Родина, Союз, у демократов — КГБ, мракобесы, неискренность руководителей страны. Правда с большой буквы — обожествленная демократическая общность — враждебна отдельно взятой личности, как любая другая обожествленная общность. В письме «КГБ и наше будущее» это проявляется с драматической наглядностью.

Завершая свое обращение, авторы предлагают буквально следующее: «Архивы ЧК — ОГПУ — НКВД — КГБ, включая собранные этой организацией досье на миллионы советских людей, должны быть рассекречены и общедоступны».

Что значит рассекречены? Что значит общедоступны? Как авторы письма представляют это КОНКРЕТНО? Надо полагать, из миллионов досье на советских людей будет создана специальная библиотека типа Ленинской, куда можно будет прийти и попросить папочку на Чурикову или Ахеджакову? И, действительно, зачем читать всякие кинокритические глупости, продираясь сквозь вздохи об образах и характерах, когда можно получить досье и узнать... Даже страшно подумать, что можно узнать. Страшно и сладко. Никакой Крючков не мог бы сочинить столь изощренного издательства над отдельно взятой личностью, как наши демократы с их обожествленной Правдой.

Грустно это говорить. Грустно потому, что под письмом стоят подписи людей, многих из которых я бесконечно уважаю. И остается надеяться, что они просто не вчитались в текст, как не вчитались в текст своего письма монархисты, консолидирующиеся с Полозковым.

Как не вчитался в текст к нему обращенного письма другой Кузьмич — толстовский Сергей Кузьмич Вязмитинов. Слезы Высшей причастности, слезы изначального знания, слезы благодарности государю-императору, удостоившему его своим благосклонным вниманием, душили Сергея Кузьмича. И он все не мог осилить самого послания, много раз начиная чтение, всхлипывая, рыдая и снова принимаясь за дело, повторяя одну и ту же фразу и не в силах сдвинуться с места.

Елена БОЛДЫРЕВА

Фото Ю.Штукина

ПОДУШКА

Все мы — хоть раз, хоть однажды — были просителями. Или жалобщиками. Чтобы решить свои проблемы — от мелких, бытовых, до самых серьезных, — надо идти по инстанциям. И когда мы вступаем на этот кремнистый путь, то прежде всего попадаем в приемную. Приемные в стране — все на одно лицо. Стены, стулья, дверь. И те, кто пришел сюда — те, кто сидит, или переминается с ноги на ногу, или ходит от стены к стене, — все одинаково смотрят на дверь. В нее заходят по одному.

В приемной Моссовета — по двое.

В трех маленьких узких комнатах посетителей принимают консультанты, к которым изо дня в день, с утра до вечера идут и идут люди: у одного неприятности, у другого — горе, у третьего так все запутано, что и не разобраться, а у четвертого и вовсе беда. Они приходят за помощью к власти.

В тесном кабинетике два консультанта, две Ирины — Ирина Викторовна и Ирина Владимировна — ведут прием.

— И тогда соседка мне говорит... — это у стола Ирины Владимировны.

А женщина, которая сидит перед Ириной Викторовной, захлебывается в плаче:

— Ну что, что же мне делать теперь!

— К сожалению, мы не в силах вам помочь...

Эта история — про деньги. Опять про деньги. Все еще про деньги. Обменная акция, на три дня остановившая работу по всей стране — никакой забастовки не надо, — акция, по поводу которой давным-давно отшумели все газеты, которая многими уже и подзабылась, для приемной Моссовета все еще — Акция. Московским пенсионерам правительство милостиво разрешило продлить обмен купюр до 15 февраля, правда, не более ста рублей. Народ тут же окрестил их «склерозными». Разрешение на обмен этих денег старики должны были получить только в Моссовете, как раз в этой самой приемной.

Почему вообще глобальное это издевательство с деньгообменом обрушилось на Советы? Дан был Указ, и нарушилась нормальная работа всех райисполкомов — комиссии сидели до ночи, принимали деньги, заполняли бумаги. А к моссветовской приемной в те дни, до 15 февраля, страшно было и подойти. Милиционер с мегафоном, громадная толпа, запрудившая улицу, — толпа измученных стариков и старух. Обмороки, сердечные приступы, слезы, «Скорая помощь» — здесь было все. Не кончается и до сих пор...

Иноземные банкиры и главари отечественного тенезбизнеса уже и забыли эту павловскую акцию, продолжают наращивать свои капиталы. Те же, для кого несколько пятидесятирублевых — деньги, и немалые, не могут прийти в себя до сих пор. Давно уж и обмен «склерозных» закончился, а люди все идут и идут, надеясь на что-то.

Разные ситуации, разные обстоятельства, из тех, что не предусмотреть, не просчитать... «Сам я на Дальнем Востоке живу, отцу телеграмму послал, чтоб обменял свои сотенные, а он ее не получил, а что в три дня надо было сменить, не понял». «Я за соседка пришла. Он болен, давно уже лежачий. Когда обмен был, я ему предлагала помочь, а он все отнекивался, мол, нет у меня денег, откуда им взяться. А вчера вдруг из-под матраца и вытаскивает, сменяй, говорит. Я ему объясняю, что поздно, не верит. Может, вы поможете? Деньги-то ведь какие большие — триста пятьдесят рублей...»

У женщины, что сейчас плачет в кабинете, своя история. Год назад умерла мать. Кое-что от нее осталось, кое-что дочь подкопила, сложила все вместе — на памятник. Тысяча рублей.

— Обмен начался — мне и ни к чему. У меня в памяти, будто вся тысяча — двадцатипятирублевками. Как мелкие накапливались, я их, так мне помнилось, на четвертные меняла. А тут днями полезла, они у меня на полке

лежали, за книгами, господи, деньги все сплошь — по пятьдесят! Неужели так и пропадут?

Ирина Викторовна в который уже раз объясняет, что обмен давно кончился, даже для пенсионеров, что сейчас разрешение дается лишь тем, кто был в долгих командировках, за границей, и больше никому, и ничего уж тут не поделаешь, ничем не поможешь.

— Ведь мне уж никогда столько денег не скопить. А муж на памятник не даст — он мать терпеть не мог. Ну что, что же мне теперь делать!

— К сожалению, мы здесь бессильны. Не надо плакать. Берите ручку, записывайте адрес. Москва, Кабинет министров, товарищу Павлову Валентину Сергеевичу.

— Да разве поможет?

— Поможет, нет ли, но пусть там хоть видят, что они с людьми делают...

От денежных потрясений приемная не оправилась и по сей день. С чем

еще идут сюда? Процентом восемьдесят всех посетителей — по поводу жилья. Еще, конечно, — прописка. Жалуются на работу коммунальных служб. На милицию. На торговлю. Правда, сейчас меньше: жалуйся не жалуйся, ничего не изменишь. Бывает, и с пустяком приходят, с мелочью. Только ведь это со стороны — мелочь. А человеку такая малость всю жизнь может отравить. Вот он и идет сюда, к властям, за помощью.

Много лет приемная была исполкомовской. С прошлого же года стала приемной Моссовета. Об этом есть специальное решение президиума Московского городского Совета народных депутатов — 21 июня 1990 года его подписал заместитель председателя С.Б.Станкевич. «В целях совершенствования работы с избирателями, — говорится в нем, — президиум Московского городского Совета народных депутатов РСФСР решил создать приемную Моссовета...» Обозначены задачи, стоящие перед ней: «...Содействие гражданам в осуществлении их законных прав и интересов; организация приема граждан членами президиума Моссовета и руководителями служб Мосгорисполкома; работа с предложениями жителей по улучшению качества жизни в городе Москве; консультирование граждан по различным вопросам».

Можно сказать, что пункты эти в основном выполняются. Действительно, «прием граждан», вместе со штатными работниками, ведут и члены президиума, и депутаты Моссовета. И «консультирование по различным вопросам» тоже осуществляется — недаром здесь в штате работают профессиональные юристы.

Как происходит прием? Сначала посетитель попадает к консультантам правовой службы. Относятся к нему здесь внимательно. Все толком объяснят, растолкуют, скажут, какие документы нужны, к кому обратиться. А обращаться большинству посетителей надо к своим районным властям. С тем они и уходят. Если же в родном райисполкоме человек уже побывал и там ему отказали, работники приемной посылают в этот район запрос. Не отвечают? Тогда в действие вступает служба контроля. Здесь ведут тщательный учет всех жалоб, по истечении срока для ответа шлют повторный запрос, а если опять не отвечают, обращаются снова и снова... В сложных случаях консультанты направляют «заявителя» на прием к депутату, к члену президиума и — в особо сложных — к руководителям служб Мосгорисполкома». Так что «содействие гражданам в осуществлении их законных прав и интересов» — налицо.

...А в тесный кабинетик все идут и идут люди. Муж с женой спрашива-

ют, нельзя ли как-то «припугнуть их ЖСК» — чтобы освобождающаяся квартира досталась именно им. Ветеран войны с медалями на стареньком пиджаке просит «повлиять на районные власти», чтобы не сносили гараж, где стоит его, инвалида, «Запорожец». Мать офицера, служащего за рубежом, выясняет, может ли он оттуда прислать документы на вступление в кооператив. И опять — по обмену денег. Молодая женщина в пушистой шубке.

— Надеюсь, я не опоздала? Была за границей, мне ведь обязаны помянуть?

— Когда вернулись?

— Недели три назад. Или нет, уже месяц.

— Почему ж так долго не приходили?

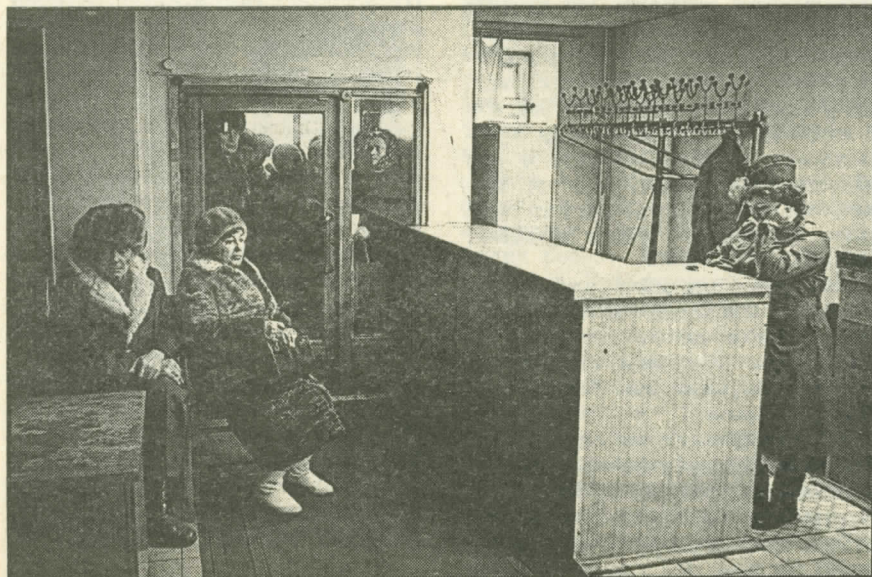
— Да все как-то недосуг...

Пожилая женщина с тяжелым вздохом опускается на стул.

— Скажи-ка, милая, неужто уж поздно? Я с пенсии по пятерке, по грешке в чайник складываю. Большой у меня чайник, старинный, только носик отбитый, я туда и кладу пятерки, коплю помаленьку. Вчера вытрясла, дай, думаю, пересчитаю. А на самом дне — пятидесятирублевка. Видать, когда-то я пятерки свои на нее сменяла да и забыла. И как теперь?

— Поздно, бабушка, закончился обмен.

— Совсем-совсем?

— Сейчас только тем меняют, кто уезжал надолго. За рубеж, в командировку.

— Вот беда-то! Это ж столько денег — целых полсотни!

— Пишите адрес. Москва, Кабинет министров...

— Что ты, что ты! Со своими делами, да в самое правительство!

Старик с палочкой. Обижен, губы дрожат.

— Полтора часа за маслом простоял. Дали триста граммов на мою визитку. А у меня еще жены визитка, она больная, из дому не выходит. «Нет, — говорят, — на вторую визитку не положено». Еще и нагрубили. А фамилия у нас одна, почему не положено? Скажите, ведь есть такой закон, чтоб на жену можно было масло купить?

— Вы подождите немного, у нас как раз сейчас ведет прием депутат из комиссии по торговле, я посоветуюсь.

Вернувшись, Ирина Викторовна объясняет, что формально продавец прав, нет такого распоряжения — отпустить продукты на две визитки. Вздыхая, старик уходит. К какой графе отнести этот визит? «Работа с предложениями жителей по улучшению качества жизни в городе Москве?»..

Вприемной Моссовета я провела несколько дней. И — уверю вас — здесь работают хорошие, чуткие люди. В тесные комнатухи я заходила вместе с другими, маскируясь под просителя. И ни разу не видела грубости, раздражения или желания отмахнуться от человека. Но многое ли они могут? Да, выслушивают, да, объясняют, да, обращаются в районы. Еще раз обращаются и еще. А там, в районах, — самостоятельность, им приемная не указ, им и Попов-то не указ, и Лужков со Станкевичем. Впрочем, некоторым помогают. Только в масштабах громадного города — это капля в море.

Власть нынче — какая-то непонятная для людей. В теории-то — хорошая. Демократическая, нами самими выбранная. Но человек от нее будто стеклом отгорожен. Или приемной.

По вторникам в каждый московский дом приходит то Гавриил Харитонович, то Юрий Михайлович, то Сергей Борисович — вот они, на экране, в нашей квартире, говорят с нами душевно, и все мы так близко уже с ними знакомы, кажется, запросто можно зайти, рассказать о бедах своих — помогут. Да разве зайдешь? Вход в Моссовет теперь деревянной стойкой перегороден, милиционер стоит.

При прежней, «аппаратной», власти этого барьера не было. (Был, правда, другой, невидимый. Барьеры есть всегда.) Конечно, конечно же мы понимаем: у руководителей Моссовета никакого времени не хватит всех нас принять, не тот у них масштаб забот, на них — острейшие проблемы города. Потому и говорят они нам с телеэкрана: решайте все в своем районе, идите к своим депутатам, идите в исполком.

Я все допытывалась у консультантов приемной, у усталых этих женщин, скольким людям они могут действительно, реально помочь. Предположим, пришло сто человек, сколько из них решат здесь свои проблемы? «Ну... человек тридцать. Или двадцать...» И еще я спрашивала: сами-то они получают удовлетворение от этой работы? И мне говорили: конечно. Ведь даже просто выслушать человека — и то уже очень важно. Помочь советом, подробную консультацию дать. Направить туда, куда нужно. И лишь одна их них вздохнула:

— Да что говорить! Конечно же, мы — подушка. Между людьми, что сюда приходят, и начальниками. Теми, кто только и может помочь. Но просителей так много! Вот для чего — приемные.

Подушка... Не слишком ли мягко сказано? Кому — подушка, а кому — стена.

ПРОГРЕСС РАЙОННОГО МАСШТАБА

В Москве сложилась весьма щекотливая обстановка, связанная с появлением совместных предприятий. На первый взгляд, это «внедрение прогрессивных технологических процессов», но на второй, более внимательный, — полная неизвестность. Непонятно, станут эти совместные предприятия загрязнять окружающую среду или нет?

В газетах пишут, что «зарубежные технологии работают на безотходное производство». Но как это проверить учреждениям, которые призваны следить за чистотой среды обитания человека? В «Положении о государственном санитарном надзоре в СССР», которое было утверждено постановлением Совета Министров СССР 31 мая 1973 года № 361 и которым мы, санитарные врачи, руководствуемся в своей работе, говорится, что «основной задачей государственного санитарного надзора в СССР является осуществление контроля за проведением санитарно-гигиенических и санитарно-противоэпидемических мероприятий, направленных на ликвидацию и предупреждение загрязнений внешней природной среды (водоемов, почвы, атмосферного воздуха)».

Как же «осуществлять контроль», если проектная документация на совместных предприятиях чрезвычайно скудная или отсутствует вообще? Самое удивительное при этом, что отсутствие подписи санитарного врача на акте приемки совместного предприятия вовсе не препятствует его открытию. Районную санэпидстанцию обычно не ставят в известность о том, как собирается работать то или иное совместное предприятие. Нам не дают описания технологического процесса, возможных выделе-

ний вредных веществ, отсутствуют паспортные данные на импортное оборудование и сырье. Таким образом выходит, что, получая «перспективное» совместное предприятие, ни жители, ни даже мы, санитарные врачи, не знаем, хорошо это на самом деле или плохо, останемся ли мы живы и здоровы?

Почти все совместные предприятия создаются на, так сказать, двусторонней основе: ведомством и зарубежной фирмой. Экологическая обстановка в районе, где будет работать совместное предприятие, не учитывается совершенно! Районная служба даже не оповещается об их создании. Она просто оказывается перед фактом. На наших глазах стихийно возникли совместные предприятия по переработке вторичного сырья из полиэтиленовой пленки «Софропласт» (СССР—Франция), конноспортивный комплекс «Арка» (СССР—Голландия) в парке «Царицыно», загадочный «Моссед» (СССР—Греция), крупная установка по производству антибиотика цефалоспорины «С» на экспериментальном заводе ВНИИ антибиотиков (СССР—Италия)...

Конечно, хочется верить, что с эксплуатацией этих объектов окружающая среда не ухудшится, но кто это может гарантировать? Наша СЭС ничего гарантировать не может. С нами не советовались. Стало известно только, что на фабрике «Пролетарий» (СССР—Италия) установлены фильтры с пластинами из платины — со сроком эксплуатации всего один год. А что жителей района ожидает год спустя?

Санитарные врачи, как и весь советский народ, не против прогресса. Но пренебрежение мнением государственного санитарного врача свидетельствует о слабости государства, и ни о чем другом.

П. АННЕНКОВ,
главный государственный
санитарный
врач Красногвардейского района

В. ОСИПОВА,
заведующая отделением гигиены
окружающей среды

Леонид ЗЕЛЬЦМАН

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ СТРОЙБАТ

Фото В. Шипова

Кто сказал, что в Москве военнораспределенным квартирам не дают? Дают. Вот совсем недавно к солидному кирпичному зданию, строительство которого заканчивается в центре города, подъехала черная «Волга», из нее вышел импозантный офицер — генеральский адъютант. Генерал во всем положился на своего молодого секретаря — доверил ему подобрать для него квартирку. А еще приходила роскошно, но со вкусом одетая дама. Она попросила хорошенько укрепить дверную коробку квартиры. В доме еще и дверей-то нет, а она уже знает, на каком этаже будет жить. На даме, конечно, не написано, что она офицерская жена, но кто, кроме них, умеет так просить, словно отдает приказ?..

Об этих первых посещениях будущих жильцов мне поведали в тесном прорабском вагончике во дворе дома по Лесной улице. Оказывается, его возводят без всякой спешки уже года четыре. Второй срок солдатской службы заканчивается. А куда спешить? Те, кто получит здесь квартиру с так называемой улучшенной планировкой, слава богу, и сейчас живут не в окопе и даже не в скандальных коммунальках. Хотя, конечно, им и не терпится справиться новоселье. А почему бы и нет: трехкомнатная квартира, за которую плата будет взиматься за каких-то там 57 квадратных метров «жилой площади», имеет почти вдвое большую общую площадь: кухня — 12 метров, солидных размеров холл и ванная, несколько кладовок. Да что там трехкомнатная — в однокомнатной «землянке» есть где разгуляться: более полусотни метров...

Меня всегда озадачивало: почему в столице страны, где так много говорится о социальной справедливости, типовые проекты жилых домов — только из железобетона, а те, индивидуальные, что отнюдь не для исполкомовских очередников, — как правило, из кирпича, того самого строительного материала, который Н.С.Хрущев счел анахронизмом и немало преуспел в деле ликвидации кирпичных заводов? Почему «индивидуальные» красавцы почти всегда возводятся у станций метро? Уж не для жильцов ли дома на Лесной, кстати, сейчас роют второй выход из станции метро «Белорусская» — кольцевая и спуск в него будет чуть ли не у подъезда? Почему в таких домах окна делают почти во всю стену, а для того, чтобы в зимнюю стужу высокопоставленные жильцы не замерзли, устанавливают не жестяные «гар-

мошки», которые тепла не дают, а настоящие чугунные батареи со множеством секций? Одну такую батарею с места на место передвигают человек десять солдат. Я уж не распространяюсь об очень удобной и прочной заморской сантехнике, высоких потолках, паркетных полах и всяческих подсобках.

Самое удивительное в другом: почему дом, в котором менее сотни квартир, строится так долго? Конечно, хорошая отделка сродни штучной работе и требует времени. Но скорей всего загадка кроется в том, что у дома поменялся хозяин. Первоначально, в соответствии с решением исполкома Моссовета № 2861 от 8 августа 1985 года, заказчиком дома было Управление делами ЦК КПСС. Через четыре года, однако, в недрах исполкома родилось новое решение — № 22, по которому этот земельный участок передан объединению единого заказчика Мосстройкомитета. То есть хозяином стало некое НИБО, Научно-Исследовательское Базовое Объединение, под названием «Наука» — полузагадочная организация, которую в Москве непросто отыскать, так как вывеска у нее не на фасаде, а внутри здания.

В первом решении исполкома Моссовета, когда земельный участок отводился партийной структуре, пункта о распределении площади нет: и так было ясно, для кого жилье. А во втором он вдруг появился: Управлению делами ЦК КПСС — уже всего 50 процентов (вероятно, сыграло роль сокращение партийного аппарата), Минмонтажспецстрою — 35 процентов, оставшиеся 15 процентов — Моссовету.

Возведение дома поручено стройбату — военной строительной организации, которая подчинена не Министерству обороны, как другие стройбаты, а... Минмонтажспецстрою. Выходит, солдат не всегда призывают в армию, иногда и в Минмонтажспецстрой? Значит, у Минмонтажспецстрою есть свои войска? Это что-то новенькое.

Честно говоря, я не собирался писать о доме на Лесной. Мало ли у нас элитарных домов строится! Вот, например, на Каляевской улице, у метро «Новослободская», поднимаются этажи кирпичного красавца для работников республиканского Совмина. Правда, аппаратчики, видимо, потеряли к нему всякий интерес: стройка ни шатко ни валко идет с 1983 года и едва поднялась до среднего — шестого — этажа на одном кор-

пусе, лишь показался первый этаж на другом. Причины, конечно, как всегда, найдутся: менялись подрядчики, переделывался проект... А может, кому-то хочется переждать смутное время? Глядишь, наступит день, когда опять можно будет поменять хорошую квартиру на еще лучшую? Хороша на Каляевской поменьше тех, что строит для руководящих партийцев подневольный стройбат: «полезная площадь» четырехкомнатных апартаментов там слегка превышает сотню метров. Зато отделяют их, как пятизвездные отели, — по высшему классу. Да и обслуживают такие дома не пошлые РЭУ, которым ни одного нормального дома доверить нельзя, а почтенное МГХО по эксплуатации высотных административных и жилых домов — отдельное подразделение городской исполнительной власти...

Газеты уже писали, за кем обычно бывают расписаны безразмерные квартиры. Скажем, в доме на улице Димитрова, в том самом, где квартиры захватили многолетние очередники. Мне же хочется предупредить события; Фрунзенский район, в котором тысячи очередников, не получил в доме на Лесной, занимающем 0,6 гектара на его территории, ни одной квартиры. А между тем, как мне рассказали в том же прорабском вагончике, недавно на стройплощадке появились двое энергичных людей, назвавших себя «инициативной группой очередников района». Нетрудно догадаться, что это не что иное, как «группа захвата». Так, может, не стоит ждать, пока очередники, измученные многолетним ожиданием, станут захватчиками?

Владимир ВОЙНА

ГРУЗИНЫ, ОСЕТИНЫ... И «ТРЕТЬЯ СИЛА»

Фото В. СВАРЦЕВИЧА

Другой взгляд на трагедию

Знакомый журналист, человек широко мыслящий, либеральный, в растерянности:

— Как могут грузины так обращаться с осетинами? Неужто с нас дурной пример надо брать?

Это далеко не худшее из того, что я слышу, читаю сегодня. Хор осуждения соединил несовместимое, собрал всех — от «Правды» до демократов, от Русской православной церкви, владыка коей со страниц «Известий» взывает к милосердию грузин, и до живущего за рубежом Валерия Чалидзе, видного правозащитника, до «Памяти»...

Никому, кажется, нет дела до того, чтобы внимательно выслушать доводы и другой, грузинской, стороны. Даже когда центральная печать предоставляет слово Председателю Верховного Совета Республики Грузия Звиладу Гамсахурдиа, тут же печатается подборка материалов с обвинительным уклоном из московских газет. Читаем, например, такое:

«По данным пресс-центра, в областной больнице Цхинвали зарегистрировано свыше 180 пострадавших, из них свыше 80 человек — с огнестрельными ранениями, число погибших осетинской национальности (!) составляет более 20 человек, 47 находятся в качестве заложников у боевиков, есть пропавшие без вести».

Это перепечатка из «Правды» от 6 февраля 1991 г. Вопрос: а сколько погибло «неосетинской национальности»? Их не жаль, они не достойны милосердия?

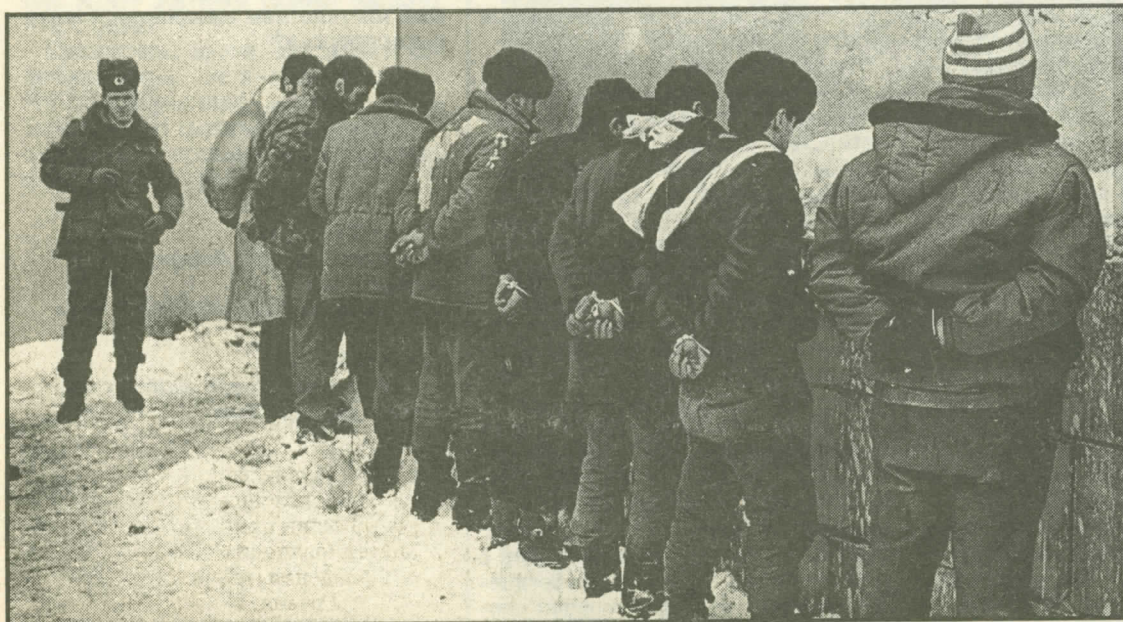
Информационная блокада

Соккрытие и искажение информации достигается разными способами.

Скажем, по ЦТ показывают сожженную школу, разграбленные и сожженные дома в Цхинвали. Кто это сделал? Видеоряд сопровождается информацией типа приведенной выше, о жертвах среди осетинского населения, и у зрителей естественная реакция: бесчинствует другая сторона, так? Нет, не так, школа-то грузинская, да и дома уничтожены цхинвальцев-грузин, обратившихся в бегство; в городе практически не осталось грузинских семей, их сегодня принимает вся республика...

А если и сообщается о сожжении грузинской школы, текст хитроумный: «Здесь дымится школа — грузинская. Кто поджег, неизвестно; от нее остались только черные провалы окон» («Московские новости», 20 января). Об убитых грузинах сообщается так: «12 декабря в 16 часов из «Жигулей» неизвестными лицами по стоящему рядом автомобилю был открыт пулеметный огонь. Погибли...», далее следуют имена. Кому могли помешать эти люди, члены Общества Ильи Праведного и Общества защиты флоры и фауны? Виноваты опять и опять «неизвестные лица»?

Если же беда приходит к другой стороне, эти «лица» всегда известны — «вооруженные грузинские боевики», которые не прекращают налеты на мирное население («Правда», 8 февраля). Или же — «террор», начавшийся

«с вводом трех тысяч милиционеров в Цхинвали» («Мегаполис-Экспресс», 31 января). Двойной стандарт!

Вышеупомянутый призыв Алексея II к милосердию, обращенный к Католикусу — Патриарху Всея Грузии Илие II, был опубликован в «Известиях» раньше, чем письмо дошло до адресата. Адресат ответил, но прочитаем ли мы это послание в той же газете? Нет, печатать ответ и не планировалось, ведь в ходе этой информационной войны удары сыпятся только в одну сторону.

Можно ли представить себе футбольный матч с отсутствующими вторыми воротами? Абсурд? Но почему именно так ведут себя средства массовой информации, отказывающиеся печатать то, что может нарушить цельность картины, включая ответы высших официальных лиц на выдвинутые в их адрес обвинения, обращения грузинской интеллигенции, общественности, — в ответ на обращенные к ним послания из Москвы и т.д.

Бесконечный монолог, в котором иногда попадают и прямые угрозы. Например, статья «На фруктах далеко не уедешь» Льва Басина, автор которой, в частности, полагает, что кроме цитрусовых и чая Грузии нечего будет предложить мировому сообществу, да и себя ей не прокормить тоже. Такой, значит, снисходительно-покровительственный тон: уж куда вам... Но три года, до аннексии ее большевиками в 1921 году, справлялась же Грузия без СССР, так, может, проживет и без трогательной заботы Льва Басина?

Тот же автор пишет: «Грузия находится, пожалуй, в самом начале «эйфории самостоятельности», и, может быть, следовало бы учитывать, где на этом пути оказались «начавшие первыми» Прибалтика, Молдова». Задавили, дескать, гусеницами танков, раздолбали — чтоб и вам не повадно было, чтоб забыли о самостоятельности! Вот каким языком шантажа говорит с Грузией и о Грузии газета «Консенсус» (номер за 4 декабря прошлого года), а с нею и многие другие источники информации, «справа налево».

По большевистскому сценарию

Только несведущему человеку этот конфликт кажется межэтническим, «национальным». На самом же деле он политический, военный, сопровождаемый экономической блокадой Грузии с севера; осетинское население на севере используется как «пятая колонна» для удушения демократии и независимости страны, как орудие в насильственной борьбе за сохранение ее в прежних границах империи. Причем ничего нового в этом противостоянии нет, оно разворачивается по сценарию, разработанному еще большевиками. Полное повторение истории!

Вот о чем повествует «Грузинская Советская Энциклопедия» (Тбилиси, 1981) в главе, посвященной Южной Осетии.

Сразу же после революции 1917 года в России большевики Южной Осетии начали вооруженную борьбу против меньшевистского правительства независимой Грузии. «Повстанцы разгромили войска правительства, заняли Цхинвали и установили там революционный порядок. Меньшевистские власти стянули сюда крупные силы... В тяжелых условиях 1919 г. трудовой народ Юго-Осетии под руководством большевиков продолжал борьбу против меньшевиков за установление Советской власти. В период всеобщего вооруженного восстания в Грузии в Рукском районе восставшие свергли местную администрацию и провозгласили Советскую власть... С весны 1920 г. происходила усиленная подготовка вооруженного восстания

в Грузии, особенно в Юго-Осетии, где 23 марта решением ККК РКП(б) был создан первый в Грузии Ревком, возглавленный большевиками. В апреле того же года вспыхнуло восстание в Рукском районе Юго-Осетии, где была установлена Советская власть... Вскоре Советская власть была провозглашена на всей территории Юго-Осетии. Но без поддержки со стороны она не могла устоять против крупных вооруженных сил меньшевистского правительства... Повстанцы и большие группы населения Юго-Осетии перешли через перевалы на Северный Кавказ, где Советская власть по указанию В.И. Ленина оказала им помощь... Победившая в Грузии Советская власть дала трудящимся Юго-Осетии полную свободу и широкие права. Свободу — от кого, права — для кого?

Сие означало, что усердие большевиков Юго-Осетии, активно способствовавших поражению независимой Грузии, было по заслугам оценено, им предоставили возможность установления этнократии. Не только подарили господство в этнически неоднородном районе (в единственном городе, Цхинвали, жило тогда лишь несколько осетинских семей, да и вокруг были грузинские села, осетинские же располагались по периферии, их население тоже составляло в искусственно выделенном районе меньшинство в те годы), но и, главное, приставили пистолет к голове Грузии, готовый снова выстрелить, как только она вновь заговорит о независимости. Область Шида Картли, «Внутренняя Грузия», коей она была тысячелетиями, стала «Юго-Осетинской автономной областью».

Сегодня, перечитывая эту хронiku событий, можно лишь удивляться совпадениям!

Свидетельствует история

Связи между грузинами и осетинами уходят в глубь веков, но когда посол русского царя Бориса Годунова посетил в 1604—1605 годах Грузию, в верховьях Терека и Большой Лиахвы он обнаружил лишь два осетинских села. «Гонимые малоземельем и нищетой» (по словам известного осетинского ученого В.Абаева), они только в XVII-XVIII веках появились здесь — в качестве присельников. Из северокавказской равнины их вытеснили татаро-монголы и Тимур...

Предки осетин, аланы, имели в IX-XIII веках на Северном Кавказе сильное государство, поддерживавшее связи с Грузией, Киевской Русью, Византией. Но затем под ударами завоевателей оно распалось, а люди стали искать спасения не на родных просторах Северного Кавказа, а двигались на юг, в Грузию. Как пишут историки, «в конце 13 — начале 14 вв. большая группа осетин, оказавшаяся на равнине Картли, попыталась закрепиться здесь в качестве независимой от грузинских феодалов политической силы, но в борьбе с грузинскими феодалами потерпела поражение и вновь была оттеснена в Кавказские горы. Здесь, в высокогорной части Центральной Грузии, постепенно накапливалось осетинское население, отсюда в 17—18 вв. они расселяются в предгорной и равнинной зоне Грузии. Таким образом, на северной окраине Шида Картли обосновалась часть осетинского народа, исторические судьбы которой органически переплелись с судьбами грузинского народа».

Далее цитируемая мною «Грузинская Советская Энциклопедия» приводит многочисленные свидетельства совместной борьбы грузин и осетин против иноземных завоевателей, культурного взаимодействия... Историк Вахушти Багратиони писал о владении многими осетинами грузинским языком; о роли Грузии в распространении

христианства и письменности среди осетин тоже хорошо известно. Люди жили дружно, делили хлеб, осетины постоянно переселялись дальше, расселялись по всей Грузии; сегодня их проживает там порядка ста тысяч, две трети от общей численности, и лишь треть закрепились в Юго-Осетии. Рассорили же два народа большевики, создавшие уникальный вариант автономного образования (кстати, даже лидеры грузинских коммунистов в тот момент сопротивлялись неоправданному, с их точки зрения, выделению Юго-Осетии в качестве автономной области).

Вспомним — Грузия никогда не аннексировала чужих земель, только теряла: миллионы грузин оказались за пределами родины, в Турции, в результате Брестского мира; значительные территории были «подарены» Москвой соседним республикам. Грузия никогда на протяжении своей истории не посягала на чужое, сама же служила жертвой захватов и переделов, которые осуществляли Персия, Турция, потом Россия.

Приведенные выше выписки взяты из издания, в работе над которым участвовали и грузинские, и осетинские историки. Кому понадобилось переписывать заново историю теперь, представляя дело таким образом, что, дескать, от стоянок первобытного человека, представителя кобанской культуры, и до наших дней земля эта принадлежала только осетинам? И что грузинам ныне пришла пора «убираться» с одной восьмой части своей земли? Так утверждают сепаратисты, изгоняющие конкретных людей с их земельных наделов, поджигающие грузинские дома и школы. В карманах у бандитов документы с прописками отнюдь не местными, нет, их мобилизовали, подготовили, заслали извне. Дирижирует их операциями «третья сила», пытаясь поставить Грузию на колени, найти пределы для ее полной оккупации.

Владеть Кавказом...

Сепаратисты в Грузии, как и «интерфронтовцы» в Прибалтике, просто агентура центра, они говорят и думают «по-русски», и те и другие. Их усилиями, собственно, русский язык и стал языком сепаратизма.

В «Русской правде» П.И.Пестель бесхитростно (или, точнее скажем, цинично) изложил имперскую программу кавказской политики центра: требуется, писал он, завести в кавказской земле русские поселения и русским поселенцам раздать все земли, отнятые у прежних владельцев, буйных жителей, дабы сим способом изгладить на Кавказе все признаки прежних его обитателей и обратить сей край в спокойную и благоустроенную область русскую.

Северный Кавказ давно уже русифицирован, усмирен, поделен «поселенцами», осталась теперь Грузия... И уже не надо русских, коли могут все сделать для империи те же осетины, абхазы. Чужими-то руками даже удобнее!

Осетины-сепаратисты убеждают, что они — арии, богоизбранные арийцы, дело которых не умерло. Но почему же тогда они не запротестовали против переименования столицы Северо-Осетии, когда ей вернули название Владикавказ (от «владеть Кавказом»), символ колониальной политики России в этом регионе? Почему не вернулись к осетинскому — Дзауджикау?

Между прочим, до 1933 года Владикавказ принадлежал Ингушетии — пока ингушей не стали со своей земли изгонять, готовя почву для лишения их государственности, что и произошло в 1934 году. Затем, в 1944 году, их подвергли преступному геноциду, депортации в северные районы Казахстана, где половина их погибла. Только в 1957 году

восстановлена Чечено-Ингушская АССР, но от Ингушетии отрезали ее древнейшие земли — 46 процентов территории! — с тем же Владикавказом, передав их... Северо-Осетии. И надо ли удивляться тому, что ингуши сегодня лучше других понимают трагедию Грузии, протягивают ей руку. Кто же их рассорил с осетинами, неужели грузины? Или же это сделала «третья сила», Империя Зла?

Землю не только делили и «дарили», был и другой способ рассорить народы Кавказа. Скажем, карачаевцы и балкарцы — один горский народ, а черкесы и кабардинцы — тоже один народ, равнинный; между первыми и вторыми пролегал историческая память со старыми обидами, религия (одни — мусульмане, другие — христиане), разница в языке и культуре, обычаях... Оба получили автономию, но как, по какому признаку? Их «развели», потом без любви «женили» — так, чтобы напряженность закрепились — между карачаевцами и черкесами, кабардинцами и балкарцами. Вместо того чтобы соединить братьев: какой злой дух так придумал? «Разделяй и властвуй!» Когда народы чувствуют себя обездоленными, обиденными в границах, разлученными с братьями, имперская держава

может спать спокойно: «Да вы разве обойдетесь без нашей армии? Дай вам волю — тут же передеретесь! Рановато думать о самостоятельности, свободе, сперва порядок навести надо...» И — танки, для наведения порядка. Вот почему так выгодно срашивать народы, как бойцовских петухов. И братья дерутся — до смерти...

Скажем, жестокая, кровавая русификация («советизация») Западной Украины в послевоенные годы осуществлялась отнюдь не русскими, а самими же украинцами, с Востока. Гибли сами, убивали своих — в карательных экспедициях, уличных перестрелках... Великая держава при этом умывала руки. Вот и сейчас осетин натравили на грузин, пусть дерутся люди, веками жившие как братья по всей Грузии, делившие радость и горе...

В Грузинском постпредстве в Москве я встретился с участниками политической голодовки протеста, беженцами из Юго-Осетии. Одна из них сказала:

— Хотя и намучились мы немало от осетинских начальников, при галстукке и с папкой в руках, терпя всяческие унижения, ни один грузин никогда не переносил чувство обиды на весь осетинский народ. Да у нас каждый ребенок

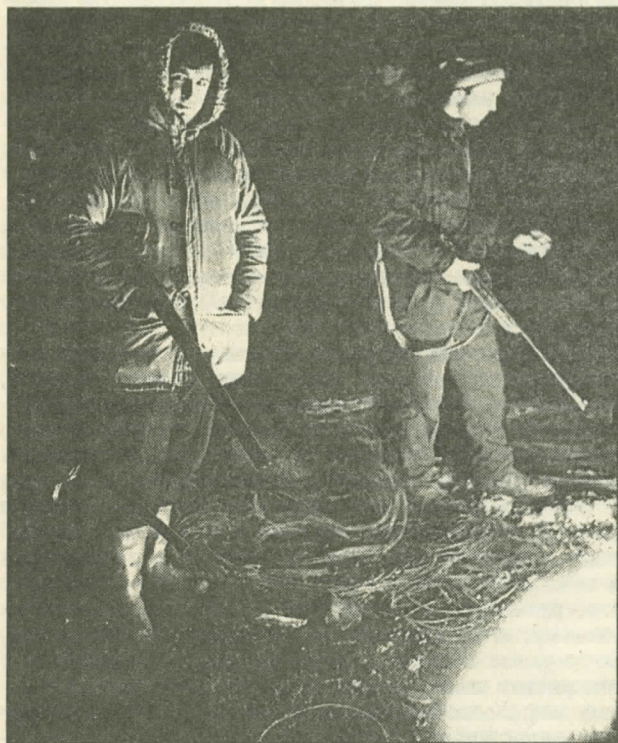
знает, что матерью грузинской царицы Тамар была осетинка, что вышла она замуж за осетина, выдающегося деятеля в истории нашей страны. Не держали никогда камня за пазухой, не завидовали соседям-осетинам, которые зачастую жили побогаче нашего, ладили, дружили... Но потом началось такое, о чем и не расскажешь. Детей наших избивают на улице: зачем говорите по-грузински? Ребенок еще, 12 лет, и — убил грузинского милиционера... Армейцы с их детьми ласковы, возят кататься на бэтэрах, к нашим — холодны, враждебны, ну а это поощряет в ребячьей среде драки; ведь мы в Цхинвали в меньшинстве, детям страшно: поджоги, убийства, грабежи... Теперь там и вовсе наших не осталось, все были вынуждены бежать. Имущество наше украдено, перевезено во Владикавказ: это стоит тысячу рублей нанять бэтээр и перевезти награбленное. А дома — сожжены...

Женщины наперебой рассказывали о чудовищных преступлениях, называя села, даты, фамилии и имена жертв, подробности событий. По правилам журналистской этики я не могу ссылаться на то, что не видел своими глазами, не перепроверил тщательно на месте происшествия. Уж не говоря о том, что насилие рождает насилие — а я, сидя в Москве, не имею возможности дать предельно полную и предельно объективную картину того, как одно зло порождает, вероятно, другое. Но и выписок из книг, статей мне тоже не хватает... Так вот, пусть меня сто раз обвинят в «прогрузинской» пристрастности (а я ее не скрываю, но не потому, что плохо отношусь к осетинам, Боже упаси, а потому, что понимаю, какую им роль уготовили), все равно рискну назвать какие-то из тех преступлений, о которых мне рассказали. В конце концов после такого избобилия односторонних материалов можно же предоставить слово и другой стороне!

Я услышал рассказ о парализованной старухе, которую выбросили со второго этажа на улицу. О мужчине, который повесился после того, как изнасиловали его жену и детей. О том, как автоматными очередями отрезали жертве голени. Как спалили дом, откуда кричал живой еще ребенок...

Я бы с радостью воздержался от публикации даже этих скупых на подробности строчек. Я бы предпочел сеять человечность, находя совпадение интересов обеих наций. Двух наций, которым угрожает общий враг: тот, который вооружает осетинских боевиков пулеметами и даже ракетами (а у грузинских милиционеров — табельное оружие, объяснять не нужно, каково им приходится), тот, кто прячет этих боевиков, укрывает от милиции в местах расположения воинских частей, кто всячески ей противодействует в наведении порядка, поддержании комендантского часа, поиске и задержании преступников, кто пытается силой освободить лидеров сепаратистского движения, находящихся под арестом. Ведь они — «сотрудники московского КГБ», как сказал 23 марта на пресс-конференции Звиад Гамсахурдиа.

Эти лидеры и развязали конфликт, провозгласив «Южно-Осетинскую Советскую Демократическую Республику», входящую в СССР. Иными словами, «выходящую» из Грузии. Это произошло 20 сентября прошлого года. Затем 2 декабря они провели выборы, узурпируя власть. В результате 11 декабря Председатель Верховного Совета Республики Грузия подписал закон об упразднении Южно-Осетинской автономной области, учитывая, что она была образована в 1922 году вопреки воле проживающего там грузинского населения и что осетинский народ имеет собственную государственность на своей исторической территории, в Северной Осетии, а в пределах бывшей ав-

тономии проживает лишь малая часть осетинского населения, остальное рассеяно по всей Грузии, причем это отнюдь не лишает осетин прав на культурно-национальную автономию.

Конфликт перешел в войну. Особенно много разговоров — об энергетической блокаде Южной Осетии. Но только ли она пострадала при этом? Ведь Грузия получает энергоносители из Советского Союза. Но отключили газ, блокируют поставки всего необходимого. В Тбилиси то и дело отключен свет, телевидение работает три часа в сутки, в родильных домах температура, как на улице (а в Южной Осетии, в горах, где еще холоднее, она значительно ниже нуля). Кто виноват? Только одна сторона, грузины, как нам говорят?

Главное же — присутствие армии. С благословения командиров можно взять автомат у армейских на ночь, напрокат, за 200 рублей... Люди убеждены: без армии порядок был бы наведен быстро. Или такая деталь, к сведению тех журналистов, кто отправится в «горячую точку планеты»: как только военным становится известно о прибытии гостей, ночные охоты и выстрелы чудодейственным образом стихают...

Народ без языка?

Есть и еще одна сфера противостояния, которая мне лично представляется едва ли не из числа самых важных.

Лидеры сепаратистов хотят присоединить Южную Осетию к Северной, где осетины не просто находятся в меньшинстве, но еще и забыли родной язык, почти поголовно перейдя на русский. Там им грозит вполне вероятное растворение, национальное, культурное, духовное оскотление, жертвой которых стали многие автономии, да и целые национальные республики.

Газета «Правда» 21 января нынешнего года опубликовала интервью с Председателем Верховного Совета Северо-Осетинской ССР А.Х. Галазовым, в котором тот предъявляет свой счет обид к Грузии. Газета «Вестник Грузии» 29 января обстоятельно ответила ему; увы, и этот ответ не был, не мог быть опубликован в «Правде», потому что уж слишком разительны приведенные в нем факты. И, пожалуй, сильнее всего звучит выписка из статьи самого же профессора А.Х. Галазова, которую опубликовала та же «Правда» 11 ноября 1989 г. Вот что тогда писал профессор:

«Мне всегда искренне жаль молодых людей моей национальности, когда, несмотря на знание иностранных языков и мировой цивилизации, они чувствуют себя неуютно дома в силу незнания элементарных основ осетинской культуры.

Национальную молодежь, к примеру, лишили ее родного языка. До прошлого года в Северной Осетии фактически не было ни одной школы с осетинским языком обучения, в городских школах уроки осетинского языка включались в расписание факультативно. Всякое обращение к этим вопросам рассматривалось отдельными «деятели» как покушение на интернациональные основы Советского государства».

А вот выписка из публикации педагога Ирины Дамбековой в «Собеседнике» (№ 49 за 1989 г.):

«Нам нужна действительно национальная школа — в том виде, в каком она прекратила свое существование сорок лет назад, то есть с преподаванием общеобразовательных предметов на осетинском языке.

...Национального сектора высшей школы в республике нет. Куда идти выпускнику осетинской школы, если даже в родном крае перед ним захлопнутся двери вузов и техникумов?

Но ребенок, забывший свой язык, отлучен и от духовной культуры народа. Специальные знания не могут ее заменить. Поэтому пробудить утерянное национальное самосознание, рассказать народу, какой благоприятный, возможно, последний шанс для самосохранения ему дан, — это дело чести интеллигенции».

Статья называлась «Последний шанс».

А вот выступления за «круглым столом» с участием писателей РСФСР и сотрудников «Литературной России» в г.Орджоникидзе (ныне — Владикавказ) в июне 1988 года:

А. КОДЗАТИ: «В одной из крупнейших школ города из шестистот учащихся-осетин кое-как изъясняются на родном языке семьдесят, и лишь восемь свободно владеют осетинским языком... Преподавание в школах ведется на русском языке; родному отводится два-три часа в неделю, как, скажем, немецкому, английскому».

А.БАСИЕВА: «Наш древнейший язык за какие-то тридцать лет оказался на грани исчезновения. На телевидении почти нет передач на осетинском языке, тем более для детей».

З.ХОСТИКОВА: «Мы сегодня жалуемся, что у нас нет молодых писателей. И не будет при таком отношении к родному языку. Многие из нас стараются говорить дома с детьми только на русском, хотя и сами-то не очень владеем им, но хотим показать, что культурные, а культурата эта в кавычках».

Остаться осетинном...

Конечно, эта самая страшная беда, какая только может постигнуть народ, произошла с осетинами не в силу их собственного выбора, а в результате четко спланированной по-

литики. Скажем, национальную школу по соседству закрыли, а в отдаленную от дома ребенка возить неохота, вот и идет он в русскую. В отдаленной стало мало детей — ее и закрыли за ненадобностью. Потом ненужными стали кадры педагогов, факультет родного языка в педвузе. Меньше потребности стало и в литературе. Писатель решил обойтись без переводчиков, писать сам по-русски, пусть плохо. Да и кто будет читать его дома? И Москва не заметит, не оценит, не издаст массовым тиражом. Людям перестали волновать легенды о героях, сладкие звуки поэзии, они не ходят в музей этнографии (а потом и его закроют), забыли историю... Одно влечет другое, вытекает третье, но все по плану.

Знаю по собственному опыту жизни в послевоенном Киеве, по школьным годам. Русский язык давал ключ к любой мало-мальски престижной сфере деятельности, от продавца в магазине до руководящих постов. Можно сделать карьеру и в другом регионе, потом поискать лучшую долю в третьем. Он — символ избранности, образованности, лояльности (верности партии и народу), подтверждение того, что ты лишен «отрыжек буржуазного национализма». И студенты педвуза, вчерашние селяне, вместе с деревенским платьем торопятся выбросить и языковой, смешной и убогий, презираемый ими провинциализм, побыстрее перейти на так называемый суржик, тарабарскую смесь испорченных русских и украинских слов. Школьники смеялись презрительно над украинским, над тем, что мы называли «телячей мовой», считая, что это язык «кугутов», мешочников на рынке. А когда кто-то из горожан смел говорить на родном языке в общественном месте, на улице, вслед ему несло: «У, бандеровец!» Все это я пережил — и едва ли бросил бы камень в осетин, если и мои земляки шли десятилетиями тем же путем — в никуда, забвение, растворение.

Зато преклоняюсь перед нациями, которые вопреки любому нажиму сохранили и отстояли язык, не испугавшись обвинений в патриотизме (или, по принятому в те годы официальному эвфемизму, в «буржуазном национализме»), спасли и самоуважение, и душу народную. Или помог опыт самосохранения в условиях жесточайшего многовекового господства других народов и государств? И грузины, и армяне, и западные украинцы, и прибалты не сдались, выстояли в крепких объятиях «старшего брата»: политика тотальной русификации дала осечку...

И только здесь, в Грузии, среди народа, считающего, что поэзия — это божественное начало, а язык — ценность, выше которой почти что нет ничего на свете, народа гостеприимного и уважительного к чужому языку и стилю жизни, обычаю, смогли так хорошо сохранить свою культуру, традиции, религию и, конечно же, язык русские староверы и евреи, армяне и греки, те же осетины... Только здесь они и смогли остаться осетинами.

Вот выдержка из интервью бывшего первого секретаря Юго-Осетии Анатолия Чехова, опубликованное еще в 1989 г.:

«На осетинском языке преподают в школах и институтах автономной области, в филиале Грузинского политехнического института, ведутся исследования в области экономики, культуры, истории и языка в Юго-Осетинском научно-исследовательском институте Академии наук Грузии. Широкою известность в стране и за рубежом снискал Юго-Осетинский государственный ансамбль песни и пляски «Симд»...»

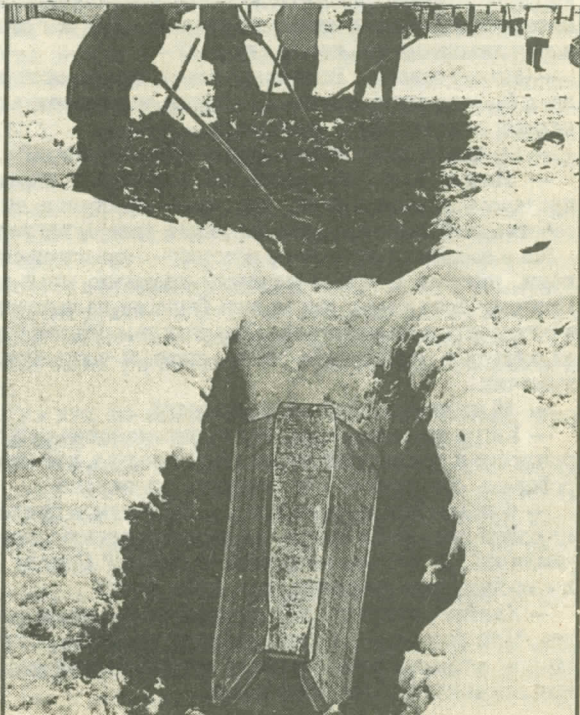
В самом деле, есть чем гордиться: сегодня на территории Грузии действуют 97 осетинских школ, из них 90 — в самой Юго-Осетии, остальные — в Лагодехи, Карели, Боржом,

Тбилиси; кадры для них готовит Государственный педагогический институт в Цхинвали, есть и Институт усовершенствования учителей. И результат: по переписи 1979 года из 65.077 осетин, живших в Юго-Осетии, только 820 не владели родным языком, едва ли не лучший показатель по Союзу для любой этнической группы!

Но и этого мало, в принятом республикой постановлении от 15 августа 1989 года предусматривалось распространение осетинского языка на дошкольные воспитательные заведения, значительное увеличение часов в школе для изучения его, а также «Истории Осетии». Намечены были конкретные меры по изданию специальной литературы, словарей, пособий... Завершен и передан в печать 4-томный толковый словарь осетинского языка, тоже предмет зависти для многих народов, населяющих Союз, событие и для мирового осетиноведения. Смешно даже сравнивать ситуацию с изданием книг на родном языке в Северо-Осетинской АССР и в Грузии; хотя коренное население первой значительно превышает число осетин в последней, но именно в Грузии — и капитальные монографии ученых, и детские сказки, и проза, поэзия, драматургия. Добавьте деятельность музыкальных учреждений, театра, библиотек, художественного, медицинского, музыкального училищ и сельскохозяйственного техникума, прессы, радио и телевидения на родном языке...

В основе сегодняшнего противостояния, как и десятилетия назад, лежит конфликт между большевиками и Грузией. Он — как нож в спину, причем обоим народам, перед которыми наконец-то открылось будущее. Как только мятежные вожди откажутся от роли «агентуры центра» и задумаются, в чем же подлинный интерес их народа, пламя спора быстро угаснет.

ОТ РЕДАКЦИИ. Когда этот номер готовился к печати, появились сообщения о попытках провести переговоры между сторонами, вовлеченными в конфликт в Южной Осетии; состоялась встреча З. Гамсахурдиа с Б.Ельциным. Остынут ли страсти в одной из самых «горячих точек» страны? Пойдем ли, ради чего и ради кого они вспыхнули?

Станислав ГОВОРУХИН:

«БУДУЩЕЕ У РОССИИ ЕСТЬ, ТОЛЬКО НАМ ЕГО НЕ ДОЖДАТЬСЯ»

— После «Места встречи...» вы стали классиком отечественного детектива и могли бы, я полагаю, эксплуатировать эту жилу и свои способности до конца жизни. И вдруг вы разразились серией статей, сделали один публицистический фильм, снимаете второй... Для вас это такая же неожиданность, как и для нас?

— Ну, не совсем... Если бы не конец хрущевской оттепели, я бы стал журналистом. Но понял, что говорить правду нельзя, а врать было противно.

— А что, в кино тогда можно было не врать?

— Можно было. Не врать, не вступать в партию, не предавать друзей... А те, кто врал, «наступая на горло собственной песне», пусть не велят теперь на режим.

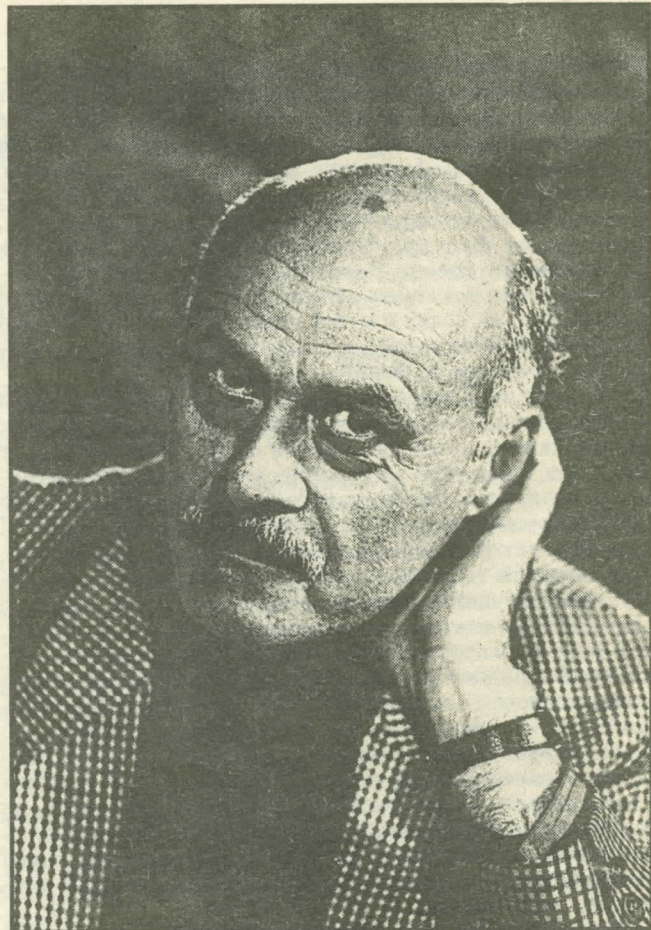
Но и эзоповым языком не говорил — изъясняться намеками, прятать мысль в подтекст противно моей натуре. Поэтому брал темы, где можно было не насиловать себя и приносить пользу людям... Вместе с тем приход Горбачева значил в моей судьбе очень много. Я вспомнил, что я газетчик...

— И не забыли, что вы режиссер?

— Когда до меня дошло, что я одновременно приличный режиссер и приличный журналист, я решил, что надо попробовать совместить эти качества на экране.

— Фильм «Так жить нельзя», в сущности, и представляет собой речь публициста, иллюстрированную киноматериалами... А тот, что вы снимаете сейчас? Правда ли, что вы собираетесь показать, как надо жить?

— Хватит с нас учителей, которые точно знали, «как надо». Мой фильм — это впечатления человека, который в зрелом возрасте начал изучать историю своей страны. И эти впечатления ошеломляющие...

— Можете поделиться?

— Я знал о России то, что считали нужным сообщить советские учебники. Ну, скажем, что если бы не было революции, то не было бы Днепрогэса, Магнитки, Гагарина, что Россия была бы сермяжной и лапотной страной...

— Эту точку зрения излагают, увы, не только учебники, имеющие понятное предназначение любыми неправдами восхвалять коммунистический строй, но и мыслящие люди, доказывающие, что без диктаторских мер историческая задача индустриализации России не могла быть решена...

— Да чушь это! Доклад о строительстве каменной плотины на днепровских порогах был представлен еще в 1830 году полковником Шишовым. В начале века Россия построила восхитивший мир великий сибирский путь — втрое длиннее трансамериканской магистрали, планировала соединить Дальний Восток с Северной Америкой, прорыв тоннель под Беринговым проливом. Что она, Днепр бы не перегородила, если б захотела погубить реку? Все бы сделала, притом с меньшим потом и без крови!

— Кровь потому и лилась, что задачи XX века коммунисты решали древнеегипетскими методами...

— Притом выдаваемыми за последнее слово прогресса. Недавно Алексей Герман привел прекрасную фразу Ходасевича: «Историю убиенных часто пишут их убийцы». Вы замечали, кстати, сколько улиц в наших городах названо именами убийц? Улица Желябова, улица Перовской, улица Халтурина, улица Урицкого... Давайте, коли такое дело, и улицу Каннегиссера — убийцы Урицкого, и улицу Конради — убийцы Воровского...

— Поддерживаю и вношу дополнение: во всех городах,

где есть улица Ленина, одну из пересекающих ее переименовать в улицу Фанни Каплан...

— Слова Ходасевича относились к Павлу, но смысл их гораздо шире. Ведь кто такой Павел? Антидворянский царь, желавший наделить крестьян землей. Дав послабления крепостным, он вызвал ненависть душевладельцев, был ими убит и оболган. А Николай II, которого оболгали еще больше? Известно ли вам, к примеру, что он еще в 1898 году обратился ко всем государствам мира с призывом к разоружению? Горбачев должен бы помнить, кто его предшественник...

— С Николая публицистика нынче иконы пишет, а ведь этот миролюбец в 1914 году ввязался или дал себя ввязать в войну, которая в конечном счете стоила ему короны и жизни, потворствовал погромам... Да и расстрел 9 января 1905 года на его совести, как расстрел 13 января 1991 года на совести столь же миролюбивого Горбачева. И как один, вместо того чтобы стравливать пар из перегретого российского котла, сидел на крышке и ждал взрыва, так и другой уселся на нее в расчете на свой вес...

— Конечно, вины с Николая снимать нельзя. Он не был готов к царствованию и не годился на эту роль. Но Кровавым его все же не назовешь. Если кто и был кровавый диктатор, так это Ленин, с жестокостью которого не сравнится ни один Чингисхан и о котором до сих пор никто не может сказать правды...

— Кто же мешает?

— А вы попробуйте попасть в ленинский архив! Тогда поймете... Да и напечатать можно не все.

— Напечатать — в настоящий момент — можно все, только не в любом издании (естественно, «Правда» не напечатает правды о человеке, чей профиль изображен рядом с ее названием). А вот значимость архивных тайн, мне кажется, вы сильно преувеличиваете. Там много интересного, но, полагаю, ничего существенно нового, как и во всем, что появилось за последние годы. Тот, кто хотел знать общую картину российской истории XX века, мог ее узнать всегда — были очевидцы, был сам- и тамиздат. Но вы заговорили об убийцах, стало быть, в вашей новой ленте есть криминальный элемент?

— По жанру фильм исторический, а по форме — расследование запутанного дела об убийстве прекрасной страны...

— И последующей фальсификации этого дела? Красивый ход. Но неужели и здесь, как в классическом детективе, убийца обнаружится лишь в конце, притом из числа персонажей, которых никак нельзя было подозревать?

— Особых неожиданностей я вам не обещаю, но и выдавать тайн следствия не стану. Если всерьез, я убежден, что погубили Россию не жида, как было бы приятно услышать антисемитам, и не только большевики, как было бы приятно услышать антикоммунистам, а гораздо более широкие слои, не исключая либерально-демократическую интеллигенцию и депутатов всех четырех Дум. Кстати, история повторяется...

— Тогда нельзя исключить ни царского правительства, ни тогдашней бюрократии, ни военных. А что вы скажете о роли его величества народа?

— В том-то и дело. Это еще Бунин спрашивал: вот, валят вину на тех, на этих — а народ? А народ не виноват?! Как мог этот христианский народ единодушно откликнуться на призыв к грабежам и убийствам? А потом кивать на соседа и на еврея — они, мол, подбили...

— Таким образом, не исключается и версия самоубийства?

— Пока следствие не закончено, не исключается ничто.

Кроме версии заговора темных сил, кого бы на эту роль ни сватали. Может, это сам Господь провел на нас эксперимент...

— Господь изощрен, но не злонамерен, говорил Эйнштейн. Стало быть, должен он дать нам шанс возродиться?

— Если бы я не надеялся, я не делал бы своего фильма. Мне кажется, этот шанс — в обретении прошлого. Помните, у Оруэлла: кто владеет прошлым, владеет и будущим. Люди без корней, без исторического опыта не способны встать на путь воскресения из мертвых. Какое-то время я был очень оптимистично настроен насчет возвращения отнятой у нас истории, но сегодня, боюсь, этот процесс может остановиться...

— У многих создается впечатление, что вы — сторонник твердой руки и чуть ли не апологет диктатуры. И надо признать, что ваши резкие высказывания, непоколебимый вид и не в последнюю очередь усы и трубка это впечатление скорее поддерживают, чем опровергают...

— Да, я мечтал бы о твердой руке. Но не о кровавом тиране вроде Ленина или Сталина, а о гражданской диктатуре во главе с цивилизованным и культурным человеком, каким-нибудь новым Столыпиным.

— С одноименным «галстуком»?

— Если вас интересует, стою ли я за сохранение смертной казни, то да. И меня возмущала шумиха в прессе против смертных приговоров убийцам и против плохого обращения с преступниками. У нас же общество абсурда: преступность растет, а тюрьмы пустеют. Преступления ужесточаются — наказания смягчаются... В здоровом обществе, конечно, обязан возникнуть разговор о смягчении отношения к преступникам. Но в здоровом!

— Я тоже не против смертной казни за убийства, хотя нисколько не верю, что эта мера сдерживает их число. Просто в этих случаях смертная казнь удовлетворяет мое языческое чувство мести или справедливости. Соображения же о том, что своевременно, а что нет, вовсе не должны останавливать журналиста...

— Где же, интересно, были эти журналисты, когда в тюрьмах сидели невинные люди? Что-то я не помню, чтобы тогда писали о том, как плохо им живется. А когда в тюрьмах остались одни виновные — тут все засуетились!

— Ну, вы ведь тоже раньше не снимали фильмов о том, что КПСС — преступная партия, а ведь тогда она была куда опаснее и преступнее, чем теперь, когда опасна только ее агония...

— Можно спросить и с меня, я себя не выгораживаю. Конечно, КПСС теперь не та, что прежде. И тем удивительнее, с каким упорством она цепляется за дискредитировавшие себя в глазах народа идеи социализма и коммунизма. И зачем руководство КГБ упорно называет своих работников чекистами? Что оно, не знает, чем была ЧК? Впрочем, может, и не знает — в силу своей необразованности...

— Ну а кто, по-вашему, мог бы, получив соответствующий мандат, стать «гражданским диктатором»?

— Нет таких на горизонте. Горбачев человек сильный, но мягкий и обнаруживший свою несостоятельность. Кроме того, он и не имеет права быть президентом с неограниченными полномочиями, поскольку избран не народом, а кучкой депутатов...

— А никто больше его и не выбрал бы — даже тогда, а тем более сейчас. Ну а Ельцин?

— При всем моем уважении к этому человеку я не верю в него. Как талантливый полководец ничего не может без армии, так и талантливый государственный деятель ниче-

го не может без государства. А государства у Ельцина нет, и в ближайшее время, видимо, не будет — для этого нужно, чтобы Россия стала суверенной. Пока этого не в состоянии добиться даже Литва...

— *Вы считаете для России нецелесообразным оставаться в СССР?*

— Конечно. В СССР ей не возродиться. Когда летом мне предлагали войти в российское правительство министром культуры, я долго думал, но пришел к выводу, что это бессмысленно. Если уж Ельцин бессилён, что говорить о министре? Единственный путь для России — потеря колоний. Туркестан, Кавказ, о Прибалтике и речи нет — все это колонии. Зачем они нам? Да и не могут христианские нации ужиться с исламскими в одном государстве!

— *Тем паче, что они и друг с другом не очень уживаются... Отчасти поэтому, кстати, коммунисты и стремились переplавить все нации в едином котле и отлить «новую историческую общность», но потерпели крах, потому что шли — как всегда — против человеческой природы...*

— То, что сейчас в Средней Азии, — цветочки. Там будет мощное исламское государство...

— *В чем вы видите несостоятельность Горбачева?*

— Он недалекий человек и к тому же аппаратчик. Мы же знаем, как делается карьера в аппарате — ее не сделаешь не промолчав, когда надо кричать, не сподличав и не предав.

— *Разве это не относится ко всем нынешним перестройщикам, сделавшим к началу реформ партийную карьеру, — к тем же Ельцину, Шеварднадзе, Яковлеву?*

— Вероятно, это так, но дело в том, что Горбачев — и мы это уже видим — не способен переделать себя, перепрыгнуть «аппаратное» происхождение, хотя и разглагольствует о «новом мышлении». Как аппаратчик он наделен всеми отрицательными качествами аппаратных вождей. Ну не может он вынести возле себя талантливых людей. Не может назначить вице-президентом человека типа Яковлева или Шеварднадзе — ему надо назначить такого, который по всем качествам ниже его и никакой конкуренции ему не составит. И я подозреваю, что истинная причина роспуска Президентского совета именно в том, что Горбачев не устраивал совет людей более умных, чем он...

— *А я вспоминаю его первое появление по ТВ — это было нечто невероятное: коммунист с почти что человеческим лицом... Тогда он был впереди страны и сдернул ее с места — теперь она его обогнала, а он застрял на социалистическом выборе, которого народ не делал, и на коммунистической перспективе, которую он в гробу видел. Ну а какую перспективу видите на ближайшее время?*

— Я давно предвижу, что хаос и беспорядок приведут к тому, против чего боролись. И не нужен для этого никакой военный переворот, да я в него и не верю, так как знаю, на каком уровне организационной бездарности находятся те, кто был бы заинтересован его совершить. Все произойдет само собой и начнется с того, что встанет транспорт, парализовав страну. То, что выращивается, не собирается, что собирается — не вывозится, что вывозится — не разгружается, что разгружается — не довозится до магазинов. На повестку дня встанет милитаризация транспорта, затем милитаризация труда, ибо кто будет работать без принуждения, когда нет положительного стимула к работе?

— *Похоже, что в возможностях демократии вы разочаровались...*

— Я разочаровался в наших «демократах», но не в демократических идеях. Случилось самое страшное — рази-

тельные перемены к худшему народ связывает с демократизацией, и демократии опять надо начинать с нуля, чтобы завоевать авторитет. Мы оказались недостойны ни свобод, ни демократии. Все случилось по предостережению Солженицына: «Если в нации иссякли духовные силы — никакое наилучшее государственное устройство ее не спасет... С гнилым дуплом дерево не стоит. Среди всевозможных свобод — на первое место все равно выйдет свобода бессовестности». Еще Столыпин говорил: свобода нужна, но сначала нужно создать граждан, достойных свободы... Другой разговор — демократы ли все это наделали? В том смысле, что люди, сегодня называющие себя демократами — Ландсбергис, Гамсахурдиа, Снегур, и те, кто помельче, — вряд ли истинные демократы. Скорее всего, это якобинцы. До настоящих демократов дело еще не дошло. Но они обязательно придут к власти. Вот тогда и поговорим.

— *Как вы полагаете, Запад может нам помочь выбраться из кризиса и войти в цивилизацию?*

— Запад помогает нам для того, чтобы иметь не просто бедного соседа, но соседа в долгах и чтобы мы продолжали экспериментировать со страной. Вы знаете, что моя картина вызвала на Западе жуткую злобу? Я предполагал, что она может не понравиться, но чтобы она спровоцировала такую ненависть к автору — не ждал.

— *Что же им не понравилось, по-вашему?*

— Как раз то, что я объявил преступными партию и ее эксперименты над обществом. Они, люди Запада, как бы говорят нам: прав ваш Горбачев, вы не тот социализм строили, попробуйте построить другой, гуманный, с человеческим лицом. Деньги мы вам на это дадим, а если и на этот раз не получится, то напишем на наших заборах: «Sozialismus — niemals!». Я наткнулся на такой плакат в Западной Германии. Нарисован Карл Маркс, который говорит: «Пролетарии всех стран, простите меня!», а наискосок — эта надпись.

— *Вы описываете реакцию леворадикалов, которым интересно, чтобы мы довели вивисекцию до конца. Но ведь все реальные западные политики желали бы иметь дело с ССР, а не с СССР. А уж для банкиров ссужать деньги под социализм — все равно что выбрасывать их на свалку... Однако что же у нас получается? Социализм вам не мил, капитализм не симпатичен, демократия нынешняя отвратительна — но и возврата к старому вы не хотите...*

— Так и есть. Но, видите ли, если бы Бог предложил мне выбрать для себя между раком и радикулитом, я бы выбрал радикулит, как меньшее из зол. По такому же принципу я выбираю капитализм, хотя предпочел бы, не употребляя идеологических клише, говорить об «обществе здравого смысла»...

— *Как с точки зрения здравого смысла вы расцениваете советскую «челночную» дипломатию в районе Персидского залива?*

— Горбачева звали в хорошую компанию — Миттеран, Тэтчер, Рейган, теперь вот Буш. Но его тянет к своим — Саддам, Арафат, Кадафи... А насчет советской дипломатии, об успехах которой вдруг затрещали, — что тут говорить? У нас и профессии-то такой не было. Знание языков, истории, культуры нашему дипломату не было нужно. Послами назначали проштатившихся аппаратчиков! И вдруг — неслыханные успехи советской дипломатии?! Лучшие дипломаты мира не могли договориться с Хусейном. А нашим — удалось. Почему? Саддам Хусейн — убийца, садист, бандюга. Цивилизованного языка не понимает, говорит на своем — блатном. Ни американцы, ни англичане, ни французы по фене ботать не умеют. А мы умеем.

«ЛАВ» С ДИПЛОМОМ

Амстердамская «проститутка по вызову» Беа Овинг, 31 года, на собственном опыте узнала, что многие мужчины не имеют никакого представления о настоящей любви. Чтобы исправить положение, она с одним из своих клиентов, доцентом психологии Лео Зандвлиетом, организовала так называемую «Вильгельм Райх Академию». Ученики Беа всего за 3200 марок постигают науку и практику высокого искусства соблазнения. Во время 52-часового курса ее подопечные тренируются, например, в мастерстве чувственных движений и технике дыхания, обсуждают с психологом свои успехи. Выпускники семинаров любви получают от Беа диплом.

«ШТЕРН», ФРГ

И ЭТО — РАСИЗМ?!

Уже долгое время любовь Виллема де Клерка, сына президента ЮАР, к некоей Эрике Адамс находится в центре внимания как в самой республике, так и далеко за ее пределами. Поскольку избранницей 24-летнего Виллема стала девушка с темным цветом кожи. Виллем и Эрика познакомились полтора года назад в университете города Кейптауна, где оба занимались на факультете социологии. Молодые люди пытались скрывать свои отношения, но тщетно. Эрика отличается от своего жениха не только цветом кожи, но и социальным происхождением: ее родители живут в гетто, тогда как Виллем всю свою

жизнь провел в богатстве и роскоши. Президент ЮАР Фредерик де Клерк подтвердил, что он в курсе событий, но сразу подчеркнул — сын его уже взрослый человек и может делать собственный выбор. «Я не имею морального права мешать своему сыну обрести счастье», — заявил руководитель государства, долгие годы считавшегося центром апартеида.

«ОДЖИ», Италия

ПОЧТИ КОСМИЧЕСКИЙ БРАК

Американские астронавты Марк Ли и Джэйн Дэвис, вероятно, станут первой супружеской парой, которая отправится в космос. Произойдет это на следующий год. Если только НАСА не внесет изменений в компоновку экипажей кораблей. Ли и Дэвис полтора года назад зачислены в экипаж, полет которого на новом корабле «Эндивер» запланирован на сентябрь 1992 года в рамках программы научных исследований «Спейслэб». Недавно они поженились. Этот оригинальный случай почти космической любви находится под наблюдением НАСА. «Мы никогда раньше не включали в один экипаж семейные пары. Это было неписаным правилом», — заявила представитель НАСА Барбара Шварц. «Эта история уникальна», — добавила она. Марк Ли, 38 лет, уже побывал в космосе в 1989 году. 37-летняя же Джэйн Дэвис еще ни разу не летала на космическом корабле.

«ПЕПЛЬ», Бельгия

ДОСТОИНСТВО ЖЕНЩИНЫ — В ЕЕ НЕПОЛНОЦЕННОСТИ

В центре очередного крупного скандала стала в США изданная недавно книга Шахразад Али «Пособие для черных мужчин по завоеванию сердца черной женщины». Эта книга стала бестселлером с первых же дней своего выхода в свет. Чем можно объяснить такой феноменальный успех Али? А дело в общей социальной обстановке в Америке: большинство женщин с темным цветом кожи открыли для себя все абсолютные прелести идеи феминизма и воплотили их в жизнь со свойственной им настойчивостью. В итоге мужская половина темнокожего населения почувствовала себя обделенной. Шахразад Али утверждает, что мозг темнокожей женщины намного меньше, чем у ее собрата-мужчины, увлечение же идеями феминизма вскружило ей голову и заставило потерять чувство меры. Вернее, чувство своей природной неполноценности. Именно эта мысль книги явилась причиной споров среди журналистов и писателей. По их мнению, произведение Али призывает к насилию над женщиной. Споры вокруг книги достигли такого уровня, когда некоторые книжные магазины отказываются выставлять ее на продажу. Но Али не сдается. Недавно она заявила, что уже готова к печати ее новая работа «Пособие для черных женщин по завоеванию сердца черного мужчины».

«ДОННА МОДЕРНА», Италия

«Малина» с «малиной» всегда договаряется. Как Горбачев бросился защищать Хусейна! О гибели мирных жителей заговорил. Когда Саддам убивал курдов — он молчал. Когда вешал коммунистов — молчал. А тут, когда 100 самолетов, бомбя город, убили одного (!!!) штатского, он заговорил. Да как! Не мирных жителей ему жаль — убийцу...

— Как вы оцениваете итоги войны?

— Она обнажила для всего мира гнилость и глупость нашей системы и разрушила миф о могучей Советской Армии. По большому счету — это гипотетический сценарий войны между ней и НАТО (если без ОМП). Армия Саддама даже покрепче: есть дисциплина. У нас ее нет. Был у них и боевой дух. А у нас? Ну кто из наших солдат пошел бы воевать против французов, англичан, американцев? И стратегия Саддама — наша. Забросать противника своими трупами. Победа над Саддамом — победа над советским оружием, над устаревшей технологией.

— Выводы для нашей армии?

— Догнать армию США невозможно — в стране разрушена экономика. Значит, разоружаться к чертовой матери! Зачем держать многомиллионную армию, если — а это уже очевидно! — она будет разбита за несколько недель? Страшный урок! И Горбачев еще делает вид (правда, с трудом), что он лидер сверхдержавы. Никакой сверхдержавы уже нет. Есть нищая страна с огромной, но небоеспособной армией, во главе которой стоят далеко не самые талантливые полководцы.

— Похоже, что ВПК делает обратный вывод — вооружаться, несмотря ни на что. Парадокс — без реформ ему НАТО не догнать, а реформ он не хочет, ибо они ведут к уничтожению ВПК в нынешнем виде. Восторжествует ли тут здравый смысл?

— Восторжествует. Но боюсь, что прав Некрасов: «Жаль, только жить в эту пору прекрасную (...) уж не придется ни мне, ни тебе...»

Беседу вел Виктор МАТИЗЕН

«Я СЧАСТЛИВ, ЧТО ОН ПОМОГ МНЕ ИМ ПОМОЧЬ»

Фото Л.Ковалева

Так сказал о своей встрече с одним из сыновей эмира Кувейта (в Женеве, в ООН) наш французский гость господин Дайе. Возвращение эмира на трон невозможно без становления в Кувейте демократии, заявил сын эмира. «Отлично, давайте делать это вместе», — откликнулся господин Жан-Мари Дайе, депутат Национального собрания Франции, основатель и президент международной неправительственной организации «Демократия без границ». Центр организации находится в Женеве, там же, где и Комитет по правам человека при ООН. Господин Дайе по приглашению журнала «Столица» посетил Москву, где встретился с советскими политическими деятелями и коллективом нашей редакции.

Вот что рассказал он о себе, о своей миссии как руководителя организации за «безграничную» демократию.

— Я бывший журналист, работал в религиозном еженедельнике. Политикой увлекся благодаря человеку, который считается отцом объеди-

ненной Европы, — Роберту Шуману. Интеллектуальным же отцом новой европейской политики является Жан Моне. Я не оптимист, я просто решительный человек, говорил он. И самое важное — делать так, чтобы люди работали вместе. Показать им, что, несмотря на все различия, у них есть общие интересы.

Поэтому я здесь, в Советском Союзе. Нашу организацию «Демократия без границ» англичане называют «Глобальная демократия для тысяч». Символично, что идея ее создания родилась здесь, в Москве, на международном экологическом форуме в январе прошлого года. Концепция такова — войны на земле провоцируют только диктаторы, а никогда — демократы. Последний тому пример — Саддам Хусейн. Еще до катастрофы в Персидском заливе мы выдвинули новый лозунг, переиначив Маркса: «Демократы всех стран, соединяйтесь!» Наша конечная цель — построить глобальную мировую систему демократии.

Нас поддерживают политические деятели, ученые, интеллектуалы

многих стран мира. Такие, как Лех Валенса, далай-лама. Мне сочувствует в моих убеждениях президент моей страны Франсуа Миттеран. Когда я узнал о прекращении огня в Персидском заливе, я передал письмо президенту. Изложил свои взгляды, которые проповедаю в разных формах уже много лет: люди мира должны сами определять свою судьбу. Мои идеи принципиально отличаются от положения о самоопределении, которое допускает право диктаторов навязывать свою волю народам. Я призвал президента предпринять какие-то шаги во имя исчезновения диктатуры на земле.

Наш «метод борьбы» — это политическая поддержка нарождающейся демократии, признание политического, культурного, религиозного плюрализма. Реальная помощь другим странам, которую мы сегодня уже осуществляем, — наше присутствие на выборах в качестве наблюдателей, своего рода контролеров свободы. Трижды я летал в Сальвадор, где проходили всеобщие выборы. Мы побывали в Румынии, Болгарии, в Чили. Только в Румынии, к сожалению, не произошло по-настоящему свободных выборов. В какую бы страну мы ни приезжали, люди благодарили нас, ибо «Демократия без границ» — залог их свободы.

Мы еще в самом начале своего проекта. Очень рассчитываем на мировую общественную поддержку. Материально мы существуем благодаря частным вложениям. Среди капиталистов не так много глупцов. Предприниматели понимают свою выгоду в демократии. Авторитарные режимы развитию экономики не способствуют.

И вашей стране без демократии не подняться. Поэтому я — ваш гость, гость весьма заинтересованный в том, чтобы плюрализм в Советском Союзе не стал вчерашним днем. И я очень надеюсь — скоро появится русская секция «Демократия без границ».

Николай КЛИМОНТОВИЧ

ТОРЖЕСТВО ПУСТЫНИ

Для начала — старая театральная сказка, старая потому, что не было, кажется, в последние годы советской газеты, которая бы не излагала ее: кто левой, кто правой рукой. В годы оны в Москве наряду с театрами на Таганке и Эфроса, Ленкомом и на Юго-Западе были и другие зрелищные заведения. Скажем, в театре «Современник» дерзал молодой режиссер Валерий Фокин и его спектакли пользовались немалым спросом у публики. А в другом месте, под боком отеля «Интурист» на бывшей ул. Горького, ныне Тверской, прозябал театр им. Ермоловой, хоть и награжденный орденом Трудового Красного Знамени, но спросом не пользовавшийся. Памятные всем ветры перемен кой-что поменяли в этом раскладе: молодой Фокин оказался на месте немолодого В.А. Андреева, а тот в свою очередь переместился руководить Малым театром, что кому-то может показаться и фундаментальнее, и престижней. Текла театральная жизнь. Года через три об умиравшем недавно Ермоловском захлеб писала критика, народ валил валом, а немолодой Андреев без лишнего шума из Малого был убран и сделан профессором ГИТИСа, как издавна у нас заведено. Пошел, как говорится, передавать опыт молодым. Жизнь продолжала течь и, как пишет газета «Правда», ставить все на свои места. Причем буквально: немолодого Андреева она вновь водворила руководить краснознаменным театром, публика разошлась по домам, вот только режиссер Фокин вряд ли вернется в «Современник» — есть такие судьбы, которые, как рубль, не конвертируются.

Морфология сказки

Прямо по Проппу: злые силы выгнали героя из дома, пострадал он по свету, явился обратно неузнанным, а потом все решилось, к общей радости. Вол-

шебная сказка, и так у нас во всем. Лучше других это начинают ощущать сегодня антагонисты; вот и Фокин обмолвился в интервью: страна живет по принципу — пойдти туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. Но это только ему так кажется. Настоящие герои сегодняшнего дня точно знают — куда идти, кому и сколько нести.

Скучно излагать сказочный подтекст. Вот Фокин — новый человек в старой труппе, — привада с собою нескольких «своих» актеров, открывает в театре вторую, малую, сцену и называет ее «Свободной». И поскольку ставит на ней «Приглашение на казнь», то и «свободная» она, должно быть, в набоковском смысле, в том смысле, что искусство — «сказочно, фантастически свободное дело». Но старая труппа спрашивает, риторически, конечно: «свободная от чего? от театра, в котором угнездилась, от обещаний, от ответственности, от морали, от совести». Даже жаль, что оборван этот ряд, но все равно восхитительно, особенно эта, угнездившаяся, как змея, сцена.

Вот Фокин роняет в каком-то интервью: «Театр — это живой процесс». А в ответ ему: он рушит традиции, покушается на святость русской культуры, «я не буду выступать в кабаре перед иностранцами», заявляет актриса немолодых лет. А другая возмущается, что у Фокина в планах открыты на крыше круглосуточный буфет, — то, что все долгие годы ее служения искусству в фойе торговали кислым пивом, ее, должно быть, никогда не смущало. Но это, конечно, эвфемизмы, вопрос надо бы ставить не так, а по старой схеме: живой в каком смысле? в том, что мы, мол, мертвы? фокус не пройдет: или все живы, или — всем умереть.

И не так важен факт, что Фокин задумал реставрацию театра с помощью западных партнеров, превращение его в театральный центр, что и вызвало поток «патриотических» инвектив, важно, что при этом он совер-

шил, на мой взгляд, ряд роковых промахов. А на поверку — один-единственный промах.

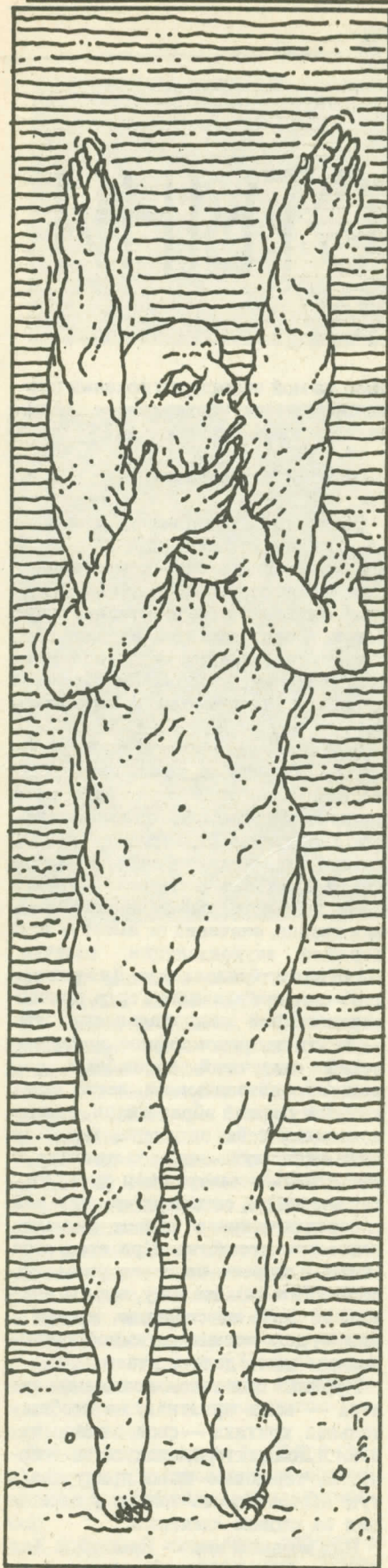
Ошибки антагониста

Сказочные злодеи всегда проигрывают, ибо не способны понять логику добра, красоты и счастливого конца. Они полагают, что «и все такие», а потому в конечном счете остаются в дураках. Фокин, скажем, не понимает структуры сознания своих оппонентов, сознания, материалом которому служат лишь символы и мифологемы.

Возьмем невиннейшее понятие — театр. Для Фокина, по-видимому, это место, где он с актерами-единомышленниками по возможности талантливо разыгрывает пьесы, которые сообщат отобранные, а народ потом приходит посмотреть. Гостилица ли рядом, симфонический зал или казино, значения не имеет — при хорошей звукоизоляции, конечно. Не то для его оппонентов. Для них театр — это прежде всего Театр, причем определенной национальности. Это — почти антропоморфное существо, некий сказочный волшебный помощник, позволяющий вести привычный уютный образ жизни, иногда показывая себя на сцене, меняться женами и мужьями, сплетничать и «не думать о завтрашнем дне», что, как мы знаем, есть верх «социальной справедливости» в нашем социалистическом отечестве. При этом этот самый Театр — не силен умом, его легко сбить с панталыку, так что должен он жить обособленно, и союз с ним — дело весьма интимное, посторонним здесь делать нечего.

Публика при таком понимании театра — вещь приятная, но необязательная, критика — своя, с ней выпивают в Доме актера, а искусство — понятие, теряющее свою придурковатую абстрактность только в сочетании со словом «деятель».

Или возьмем имя — Ермолова. Для Фокина, скажем, это — великая рус-

ская актриса, если судить по отзывам ее современников, которую он по молодости лет никогда не видел на сцене. Но в силу традиций, скорее всего языческих, этой фамилией можно назвать театр, в котором она никогда не играла. Как именем «товарища Нетте» — пароход, на котором тот никогда не плавал, именем графа Толстого — поезд «Москва—Хельсинки», хоть последний и назывался в то время Гельсингфорс, а псевдонимом основателя партии большевиков — вообще что угодно. Поэтому трудно взять в толк, отчего гостиницу при Культурном центре нельзя назвать именем Ермоловой — по-иностранному «Ермолофф». И здесь вновь открывается бездна непонимания логики светлых сказочных сил.

Ермолова — это не старинная актриса, но — святыня, символ, кумир. Для каждого русского актера. Нет, бери выше — для каждого русского человека. Но в интимном театральном смысле — это такая звезда, отблески которой хочешь не хочешь ложатся на всякого члена труппы театра ее имени. А то ведь что получится: ее спрашивают — вы где работаете, в Ермоловском, это что — в отеле?

Или, наконец, тот же орден Трудового Красного Знамени. Да Фокину ни за что не отгадать — как это понимать: то ли в том смысле, что знамя честно заработано, то ли — что само из трудящихся. А если учесть, что орден — знамени, то вообще головоломно. К тому ж этот орден присвоен театру, прикалывается опять же на знамя, и оба красные. Тут-то и проверяется — наш или не наш: кто отгадает загадку, тот и настоящий герой, как в «Принцессе Турандот». Да и знает ли Валерий Владимирович, где у него в театре хранится знамя. А вот т. Андреев В.А. знает наверняка. Поэтому и понимает, что название «Московский международный театральный центр им. М. Н. Ермоловой» — слабовато, а вот «ордена Трудового Красного Знамени театр им. М. Н. Ермоловой» — уже хоругвь, а уж как размахивать хоругвями — нас учить не надо... Короче говоря, когда старая часть труппы отделилась, призвала опять Андреева, а Фокин уступил ей все краснознаменные регалии — он сделал страшную ошибку. И, размахивая знаменем, плюнув на логику, договоренности, вообще здравый смысл, новорожденный театр ринулся в бой, представляя дело так, что не

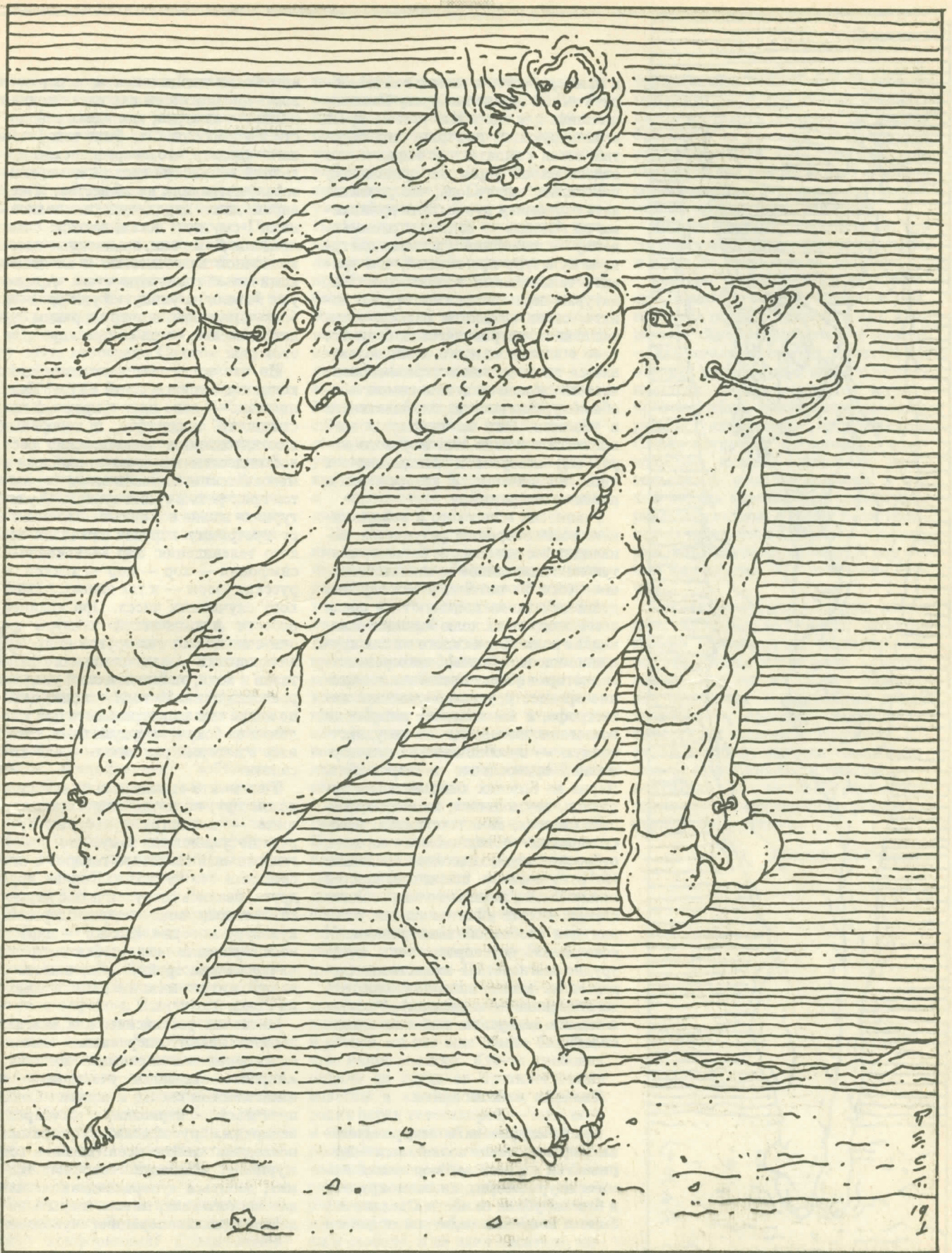
Фокин поделился с ними деньгами, помещением, но — что это он «угнезвился» у них за пазухой. Как в том старом анекдоте, когда странник попросился в избушку — воды напиться. Потом попросил и поесть. А потом полез к хозяйке на печку.

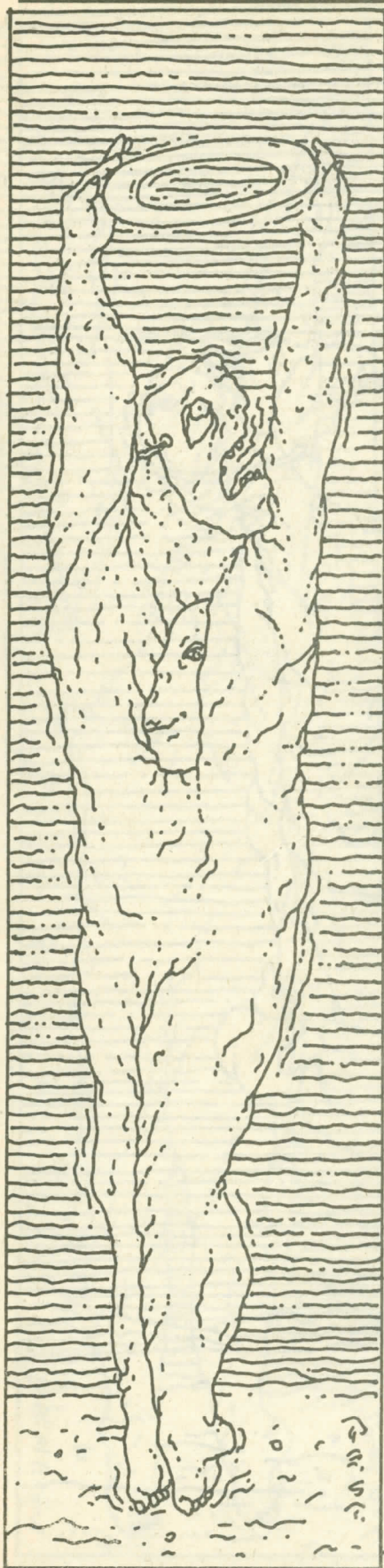
Лучше быть бедным и больным

Итог: еще вчера немецкая фирма «Корона» готова была реставрировать и переоборудовать одно из красивейших зданий в Москве, выстроить рядом хороший отель, отчислять валютную прибыль от его эксплуатации с тем, чтобы в итоге отель вообще перешел в собственность города. При этом в театре работала бы не одна — три сцены, причем оборудованные не керосиновыми лампами и озвученные не бубном с баяном. Не говоря уж о театральной видеотеке, нескольких кафе, выставочных залах. И сделать все это бралась за два года. Сегодня уже лет десять назад зарекомендовавшая себя недееспособной труппа осталась хозяйкой объявленного аварийным, не ремонтировавшегося сто лет здания, разваливающегося на глазах (к слову, основная сцена закрыта еще в конце прошлого сезона). На восстановление ни у города, ни у «культурных властей» тем паче нет ни сил, ни средств. Начало ремонта назначено на 95-й год, ну а конец — он пригнется во мгле русской эсхатологии...

Здесь как в капле воды — сегодняшняя наша ситуация, и не только в культуре. «Павловские реформы» — это водворение на прежнее место режиссера Андреева в масштабе страны: под теми же стягами охранительства. Причем наша отечественная реакция — это не какой-нибудь безобидный, даже чуть чудачковатый викторианский консерватизм. Это — своего рода коммунистический ислам большевистской окраски: недаром у наших правых в такой чести Садам Хусейн.

Конечно, человек, в четырнадцать лет впервые застреливший другого, превративший в руины оазис на краю отведенной ему пустыни, залитый нефтью целое южное море, может вызывать лишь симпатию. Даже любовь. А люди плоско-либерального сознания, трепещущие от всех этих похвальных деяний, — лишь презрительную усмешку. Они, эти дутые европейцы, не понимают второго закона термодинамики, но полагают, что,

к примеру, жить в маленькой демократической стране на берегу Балтики полезнее для здоровья, чем на краю агонизирующей империи; что богатый сосед симпатичнее бедного; что отдать землю фермерам практичнее, чем сидеть впроголодь; что разваливать экономику дурно, бить дубинками по головам — больно, принимать ванну — гигиенично, а иметь цветущую культуру престижнее, чем травить талантливых художников. Им, натурам недемоническим, трудно понять, сколь сладостен развал, тлен, священное патриотическое безумие, хаос в конечном итоге, если пользоваться этим словом в строгом физическом смысле как синонимом всеобщей уравниности, одноцветности и убогости. Они не чувствуют всей прелести пустыни или мертвого моря, над которым и птицы летают лишь по команде, в котором рыбы плавают по ранжиру.

Ревнителю всяческого и повсеместного роста энтропии, разумеется, ненавидят все здоровое и богатое, цветущее, талантливое и самостоятельное. Хотя бы потому, что в глубине души отчетливо понимают — среди всего этого на их долю выпадет незавидная роль. Для каждого из них крушение идеологии всеобщего равенства, которая обеспечивала им положение «равнее других», — личная катастрофа, и все надежды теперь они возлагают на идеологию государственную — на обновленные самодержавие, православие и народность. Чернь из бывших комсомольцев, топтунов, неудачников, людей неудовлетворенных, комплексующих, несостоявшихся объединилась сегодня, отбросив иерархические градации. Но этот заговор посредственностей может быть удачным только в одном случае — если уничтожить все условия для свободной конкуренции. И если делать переворот в тени, когда трудно разглядеть — кто есть кто (недаром же многочисленные «комитеты спасения» — анонимны). Уничтожить же эти условия можно только силой.

Таланты и полковники

Армия одурочена и деморализована. Парламентские полковники — марionетки в руках заговорщиков. Армию изуродовали, лишили красоты и блеска, убили ее честь. Сделано это было с помощью нехитрой подмены:

армейская дисциплина и иерархичность представлены как идеал подчиненности каждого, как идеал стабильности и несвободы. Это было тем более легко сделать, что на армии лежит недавний афганский грех. А деморализовав, натравили на общество. И недаром даже парламентские полковники смутно догадываются: нас предали. Даже они, опыненные телевизионной известностью и зловеще-комической популярностью. Армию уже вывели на улицу, ей уже раздали боевые патроны, и очень горьким будет похмелье, когда ее предадут и на этот раз.

Но что же делает интеллигенция, когда под ее окном стоят БТРы? Куда ни глянь — дело идет к прежней пустынности ландшафта, и либералы-шестидесятники, возмнившие себя восьмидесятниками, во второй раз с мазохистским наслаждением готовятся проиграть и сушат сухари. «Культурная» жизнь все больше напоминает программу передач крапченковского телевидения: хор — хоккей — симфония — хор — хор — хоккей — русские узоры — и так дальше, по закону случайных чисел. При крайней робости политической цензуры — она еще только раз-другой попробовала коготки — налицо паралич фантазии и воли, энергетический упадок, рост энтропии. Интеллигенцию даже по холке еще не потрепали, а она уже лежит на боку и высунула язык, готовясь в который раз лизать хозяйские сапоги.

Только что аплодировали актеру и режиссеру, воспитаннику Таганки, а ныне — министру культуры. Чуть раньше умилялись тому, что новый генеральный секретарь говорит с писателями без бумажки. Толкая друг друга, рвались сотрудничать с партией, которая еще недавно держала культуру за горло. Как же — партия ведь «признала свои ошибки», это она начала «перестройку». Да, память у нашей интеллигенции длинна лишь на стихи Тютчева...

Писатели российские, как всегда, держат пальму первенства: левые оды сменились правыми воплями. «Апрель» отказался участвовать в писательском съезде и оставил Союз писателей патриотам, государственнымникам, русофилам. Программа последних крайне ясна: сделать все журналы «Нашими современниками»; добиться «упорядочивания» издательского дела, то есть закрыть издательскую кооперацию; «упорядо-

чить» и распределение бумаги, с тем чтобы она поступала по разрядке в государственные издательства по фиксированным ценам и гарантированно; и полностью захватить власть в литературном департаменте, что, собственно, уже и сделано. А уж там вешать друг другу на лацканы ордена пролетарских знамен. «Павловские» указы, налоги — все способствует выполнению этой программы, и непокорные журналы, которым приходится идти за бумагой на биржу, уже умирают один за другим.

«Право писать плохо» вот-вот будет опять отвоевано Союзом писателей. Неблагодарный читатель, который предал Бондарева и Анатолия Иванова, кинувшись на Набокова, Гроссмана и «Доктора Живаго», весьма скоро при таком развитии событий вновь окажется в культурной, интеллектуальной блокаде. И во вновь организованной пустыне вновь будет сосать саксаул, только во сне вспоминая, что на этом месте недолгое время цвел сад.

Божья роса

Как же случилось так, что не прошло и шести лет, как пустыня вернулась, а река времени потекла вспять?

Эйфория, энтузиазм, благодарность партии были очередным предательством интеллигенции — самой себя. Невозможно без стыда перечитывать постановление «обновленного» Союза театральных деятелей — своими целями он провозглашал «проводить в жизнь» решения партийных съездов. А двое из реформаторов театра, поклонники бесцензуры и «свободы творчества», стали членами ЦК.

Не о блоковском «хрустальном звоне» речь — о здравом смысле, элементарном вкусе, чувстве самосохранения наконец. Профессора-экономисты бросились в политику, побросав свои кафедры. В политике они — мальчишки, а вот в университетах за эти годы должно было восстановить дух вольности, независимости и интеллектуального достоинства. Куда там: атмосфера в университетах сегодня, быть может, еще более душная, чем в брежневские годы, а трещина между студенчеством и профессурой расширилась, превратившись в пропасть.

Что изменилось за эти шесть лет в Академии наук? Она отказалась от своего конформизма? Стала менее бюрократичной и коррумпирован-

ной? Она сбросила зависимость от аппарата и расправила плечи? Да ничуть не бывало! Именно в годы перестройки стал директором академического института и членом-корреспондентом АН Ф.Ф. Кузнецов, которого даже в Союзе писателей уже невозможно было использовать. И это — отнюдь не единичный пример. Под крышей Академии возникли кооперативы и совместные предприятия, что укрепило финансовую базу все разрастающегося аппарата. Быть может, от этого окрепли академические институты, высвободилась наука, выросло хоть до единицы количество Нобелевских призов — не за «мир», но за научные открытия... Говорить об академической независимости, о научной этике, о самостоянии интеллекта, о защите чести ученого на этом фоне так же смешно, как слышать из большевистских уст о «приоритете общечеловеческих ценностей».

Ни одного бастиона не воздвигла интеллигенция за эти годы, ни одного независимого клуба не организовала, не создала ни одной новой, действительно интеллектуально свободной, цивилизованной структуры. Единственное, что мы имеем, — Союз кинематографистов, к помощи которого прибегают теперь по всевозможным поводам — от организации юбилея либеральной газеты до выступления историка-эмигранта, да несколько десятков независимых изданий, которые сдует первый же сквозняк реакции.

Члены того же писательского «Апреля» — вышли ли все как один из Союза писателей после печально известных российских шовинистических писательских пленумов? Ни один. Создали они свой Союз, потребовали свои деньги у Литфонда, обрели независимость и право на речи о свободе, которыми провалялись пять лет на сцене ЦДЛ?

Мы митинговали, взахлеб читали «свободную» прессу, сидели перед телевизорами в дни пленумов, съездов и сессий, но это еще самые безобидные наши занятия. Кто-то требовал медаль на грудь за противостояние властям в «эпоху застоя», скромно роняя перед телекамерой — мол, есть и моя доля усилий в нынешней перестройке, кто-то подсчитывал партийный стаж соседа, и все мы — благодумствовали, прикрывая растерянность. Нам было непривычно жить вне катакомб, мы не были готовы к свободе, и не один писатель, кинематографист, режиссер театра

признавался, что он просто ума не приложит — о чем теперь сочинять пьесы и ставить фильмы. Но все мы бросились за границу — строить из себя европейцев, хоть посылать надо было туда как раз редакцию «Нашего современника» в полном составе. А нам — нужно было работать.

Вышло наоборот. Работали те, кто готовил новое наступление пустыни, и здесь им надо отдать должное.

Сегодня у нас отберут Ермоловский, и многие пожмут плечами: мол, невелика потеря, пусть Фокин с Андреевым сами разбираются, и вообще — как устали мы от этих склок. Но его отберут именно у нас, можете не сомневаться. Завтра закроется журнал по философии, послезавтра новоизбранное начальство писательского Союза потребует на просмотр издательские планы столичных издательств. А послепослезавтра в какой-нибудь независимой киностудии раздастся звонок, и тихий голос предложит принести в Главлит все сценарии, намеченные к запуску. А под окном киностудии БТР стоит уже сейчас...

Поразительно, но в армии, милиции, КГБ нашлись люди, которые громко требовали деголитизировать все эти органы. Но не было, кажется, никого, кто так же громко потребовал неучастия в партийных делах творческих союзов, издательств, киностудий и театров. Напротив, играть в политику интеллигенции казалось не менее забавным, чем детям — в игральные автоматы. Но сказки, которые мы теперь слышим, оказались отнюдь не детскими.

Рисунки П. Стуенко

ЛЕО СПИТ МЕНЬШЕ, ЧЕМ НАПОЛЕОН

«Я хорошо чувствую рынок» — так утверждает австрийский бизнесмен Лео Шпильман. Именно поэтому он занялся, как это ни покажется странным многим нашим соотечественникам, гостиничным бизнесом в СССР.

Одно из его начинаний — отель «Москвич» в Текстильщиках. Он арендовал в шестнадцатизэтажной гостинице АЗЛК для иностранных специалистов всего два этажа. Оборудование — сантехника, мебель, стройматериалы — из Австрии. Рабочие — наши. На вопрос, трудно ли работать с ними, он ответил: «Нормально. Со всеми можно договориться». Лео работал менеджером в «Макдоналдсе» после окончания торговой академии и считает, что успех Макдоналдса — прежде всего в умении дипломатично общаться с рабочим персоналом.

Именно в «Москвиче» проживал Боб Фанстраален — представитель фирмы «Филипс», приехавший в Москву для установки в Кремлевском Дворце съездов электронной системы, при помощи которой голосовали депутаты. Каждое утро к подъезду подъезжала «Чайка» с представителем Верховного Совета СССР, личным помощником президента и каждый вечер привозила господина Фанстраалена обратно.

Президент знаменитой нефтяной «Хатсон-ойл-компани» 85-летняя Мэри Хатсон тоже проживала в гостинице и осталась довольна.

Лео любит своих клиентов. Он старается обеспечить их всем необходимым. Удобные апартаменты, завтрак в постель, в любое время года стоящий из свежих молочных продуктов и овощей. Телефон, как внутренний, так и международный, факс, транспорт. Причем для проживающих минимум полгода — бесплатно. Можно взять машину напрокат. Имеется закрытая автостоянка. Буфет, ресторан, бар, оказание различных услуг — заказ билетов на внутренние рейсы, развлекательные программы, доброжелательное отношение служащих, встречи и проводы в аэропор-

ту, стадион, бассейн, теннисный корт.

Лео считает, что заниматься бизнесом в СССР — дело выгодное, и говорит, что это не только его мнение, но и мнение всех крупных бизнесменов.

«Я пошел по стопам Арманда Хаммера. Я глубоко уважаю этого человека, был лично знаком с ним, недавно встречался с его сыном, который продолжает дело отца.

Когда мне говорят, что здесь слишком много трудностей, я отвечаю — а у кого их нет? Главное — не оста-

навливаться, спокойно и уверенно делать свое дело. Всегда.

Я сплю 3 часа в сутки. Для того чтобы в России, да и где бы то ни было, преуспеть, надо спать меньше, чем Наполеон».

Несмотря на такое малое количество свободного времени, Лео Шпильман успел в России влюбиться в русскую девушку. 26 марта у него свадьба. Поздравляем!

О. ПЕРЕГУДОВА

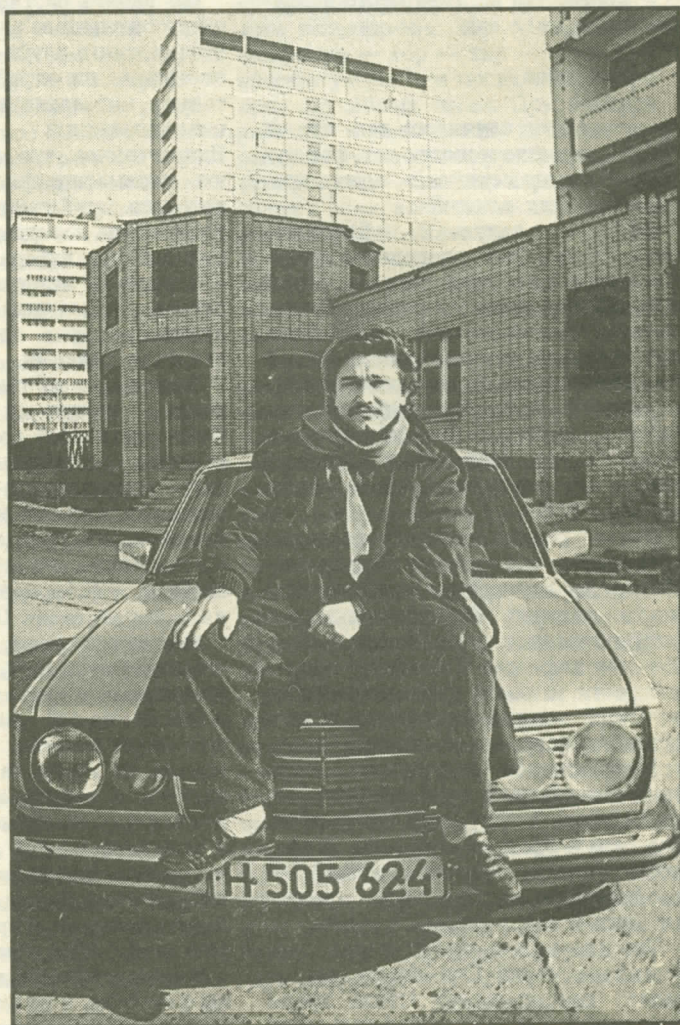

Фото Ю. Штуккина

КРЕСЛО ИЗ ТОПОРА

Поговорка «Голь на выдумки хитра», наверное, всегда будет у нас актуальна. Она применима и к дизайнеру из Харькова Владимиру Бондаренко, чья выставка мебели «Дизайн-арт» не так давно состоялась в московском Дизайн-центре (витрины под зданием «Известий»).

Большинство работ Бондаренко из отходов: всяческие деревянные щепки, кусочки, ненужные доски и еще — пробки аптечные. Но это не значит, что Володя делает что-то низкопробное и непотребное. Из того, что попаставится достать, у него выходят вещи красивее, дороже и, главное, оригинальнее, чем у иных из ценного материала.

Суровость и идиотизм жизни навевали Бондаренку этакий «стебный» аспект творчества. И он сделал «Рабочее кресло П...» (оно представляет собой очень милый «ля рюс» — березовые полена, пилы, топоры). А у Володи есть еще «Парадное кресло П...» — с серпами, молотами, дровками и подушечкой из бархатного переходящего знамени — чтобы повыше сидеть.

Все остальное, что делает Бондаренко, — тоже, на мой взгляд, «стеб», но издевательство тут уже более

тонкое: это просто слишком хорошая, уютная и качественная мебель. Но, увы, такая, которая никогда не будет стоять — не знаю, как у уважаемого читателя, но у меня точно — в гостиной и на кухне. Не будут стоять стулья «Александр», кресла «Виктория», «Сфинкс», стол «Золотое с красным» (а на нем — замысловатые шахматы), гарнитуры «Старая волна» (тут хочется снять шляпу и зарыдать от безысходности).

Это все муки творчества. Жалко, что на творчество остается слишком мало времени, поскольку оно уходит на воплощение этого самого творчества: надо строгать, точить и шлифовать, потому что проекты в виде бумаги у нас мало кого интересуют.

И поэтому поездка в Австрию перепыхала Володю до глубины души тем, что там интересовались (а интересовалась фирма «Витман» всем, что он делает, — в том числе и проектами).

Так что, боюсь, уедет скоро дизайнер Бондаренко к австриякам и будет там удивлять избалованных буржуев своей классной мебелью в стиле ядерный «ля рюс».

Ну, что тут сказать кроме: обидно и горько, господа-товарищи. Тем более, что, судя по всему, не он последний, кого так ценят ТАМ...

Елена АВЕРИНА

ПРОСТИТУТКА В РОЛИ АКТРИСЫ

«Не желаете познакомиться с русской актрисой, играющей роль проститутки?» — спрашивает по-английски девушка иностранца у входа в «Интурист». Да, конечно же, он желает, и с удовольствием.

Таков один из эпизодов документального фильма Тофика Шахвердиева «Умереть от любви».

Эта картина фантастически достоверна. С одной стороны — документальная, с другой — совершенно непонятно, как проститутки, убийцы, сутенеры согласились в ней сниматься. С третьей — фильм не о них, просто о людях, о нашей советской жизни.

Когда просмотр в Центральном Доме художника закончился, после действительно продолжительных аплодисментов режиссер вышел на сцену и с ним стали разговаривать зрители.

Одни спрашивали, что он этим фильмом хотел сказать. Он отвечал — ничего, и улыбался. Другие его хвалили, и он очень радовался. Равнодушных не было. В конце концов один молодой человек сказал: «Это не документальный фильм, я вам не верю. У вас там все сплошь актеры».

Вдруг... произошло неожиданное. На сцену вышла девушка. И все в ней узнали одну из героинь фильма, ту самую, которая спрашивала: «Не желаете ли познакомиться...»

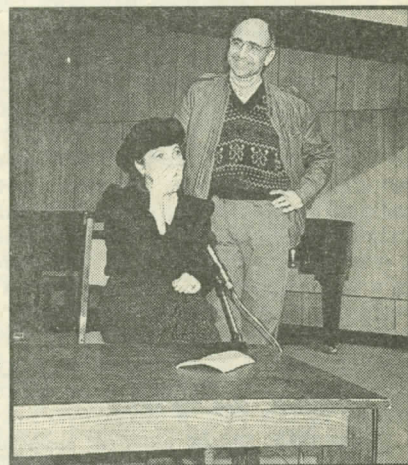
Она взяла микрофон и сказала: «Я вынуждена заступиться за свой фильм. Я считаю его своим детищем. Я не актриса. Я проститутка. Я знаю, что вы сейчас будете меня размазывать по стенке». И она не ошиблась. Из зала раздались женские выкрики: «Бесстыдница! Это же стыдно! Где совесть? Вы заражаете наших мужчин СПИДом!».

«Во-первых, — ответила девушка, — ваши могут спать спокойно, а во-вторых, проститутки пользуются лучшими презервативами в мире!»

Девушка продолжала: «Я сейчас ужасно волнуюсь, во время фильма пила валерьянку. Моя мама сначала хотела пойти со мной, но потом испугалась, потому что вспомнила, что в фильме есть эпизод, где я на митинге кричу «Долой КГБ!», «Позор коммунистам!», а я глакала и говорила: «Ну сколько можно их бояться! Почему мы должны их бояться!» Девушка заплакала. В зале раздались аплодисменты.

После окончания дискуссии девушка с огромным букетом цветов уехала в черном лимузине в сопровождении поклонников.

О. ПЕРЕГУДОВА

Юрий ГАЛЬПЕРИН

ГОСТЬ — ОН НЕ ТО, ЧТОБЫ СОВСЕМ ЧУЖОЙ

Я родился летом 1947 года в послевоенном Ленинграде, на улице Социалистической, бывшей Ивановской. Улица Социалистическая начиналась в тупике и тупиком заканчивалась. С улицей Правды она пересекалась под прямым углом. Наш дом стоял на углу.

Такова топография моего детства. Я вырос в семье, где все любили друг друга и старались не лгать. И в моем сознании память о детстве связана с ощущением счастья. Правду о времени я узнал рано: отец сидел в лагере перед войной, прошел фронт от Дона до Кенигсберга, он был три раза ранен, что трагическим образом сказалось на его судьбе джазового музыканта. Джаз не был запрещен, но то, что играл мой отец, не вызывало у властей доверия. Были все основания опасаться повторного ареста. В такой атмосфере мы жили и все-таки были счастливы.

Мое поколение — дети великой эпохи, наследники победителей. Несмотря на всю правду о том времени, во мне живет уверенность, что мы не скоро сможем оценить его по достоинству: когда говоришь о русской истории, выдержать спокойный, ровный тон чрезвычайно трудно. Дистанция необходима, ведь человеку великой эпохи остаться человеком особенно нелегко. Требуется сила, чтобы не уступить эмоциям и не уронить достоинства. Еще труднее сберечь чувство единства истории и природы.

Конфликт со временем начался в школе. Я еще не знал слов К.Маркса о том, что идеология есть ложное сознание. Но старания учителей навязать питомцам верный взгляд на вещи начисто отбили доверие к официальной истории и литературе. Попытки смотреть на мир своими глазами вызвали у них если не отчаяние, то ярость. Учителя были не злые люди и желали мне добра. Но с тех пор я осторожно отношусь к доброжелателям. Еще хуже было в университете. И совсем тошно в армии: после отказа участвовать в подделке партийных документов последовал ряд столкновений, дабы разрубить этот узел, я отвел взвод строем в самовольную отлучку, на танцы, и после года образцовой службы в образцовой воинской части угодил на два года в штрафную роту.

Природные драмы юности: заброшенный университет, первая любовь, исключение из комсомола и, наконец, штрафная рота — в каждом случае болевой шок. Но я пережил все как бы под наркозом. Уже тогда мне приоткрылся тайный выход из любой ситуации: я уходил на

страницы рассказов. В семнадцать лет я написал свой первый рассказ и заболел этой «высокой болезнью». Она дала мне чувство независимости, научила безответственному отношению ко многим обязательным в обычной жизни вещам и сделала свободным в худшем смысле слова. С тех пор при малейшей угрозе извне я ухожу, погружаюсь, удаляюсь в эту параллельно существующую реальность, мой собственный мир, который хотя и имеет отношение к жизни вообще, но все-таки живет по своим законам.

Первые рассказы были опубликованы в городской многотиражке в Заполярье, когда мне исполнилось двадцать лет. По возвращении из армии я успел еще кое-что напечатать в Ленинграде. Но меня быстро остановили. Именно то, что я смотрел на мир своими глазами, а не через отрегулированные идеологические очки, делало рассказы непроходимыми. Я никогда и никому не показывал фиги, тем более фиги в кармане. В этом преуспело поколение тех, кто постарше. Я просто описывал, что Бог на душу положит. Но такая проза не соответствовала идеологическому стандарту. Она не проходила по ГОСТу. Вот и все дела.

Непечатание есть форма изгнания писателя из общества. Меня неоднократно изгоняли из школы, из вуза (при хорошей успеваемости), исключили из комсомола, турнули из образцовой воинской части, выставили с гауптвахты и даже из штрафной роты убрали, а после отъезда из Союза принудили к постоянному жительству за границей и уговаривали поменять советское гражданство на швей-

царское. Швейцарцы тоже хотели уволить меня из музея, куда я устроился, за то, что думаю о литературных делах в рабочее время (такая формулировка), но у них номер не прошел благодаря заступничеству доброго профессора Женевского университета Ж. Нива и французских интеллектуалов. Жена утверждает, что, если я издам книгу о Швейцарии, меня изгонят из «земного рая». Наверное, она права, но это уже не будет неожиданностью. Скорее подтверждением, что пока все идет нормально.

Может быть, я изгой, но не беглец и не изгнанник. Я не искал в Альпах политического убежища: от идеологии нельзя укрыться ни в одной стране. Я нуждался в литературном убежище. И я его получил.

Мне подвернулось место в Бернском Историческом музее. Русские историки здесь не нужны. И я помогаю, кому делать нечего, но главное: пишу и читаю. К этому привыкли и смотрят на мой советский стиль работы сквозь пальцы, со своей стороны я тоже стараюсь не наглеть.

Почти четырнадцать лет назад в поезде Ленинград — Таллинн я познакомился со студенткой изерна. Ночная метель. Снежные заносы. Поезд опаздывал. Утром мы разговорились в коридоре. Молодая славистка занималась современной прозой, интересовалась новыми именами. От А. Битова она слышала об одном безнадёжном типе из Питера. Она рассказала мне... обо мне. Красивая получилась история, прямо «Доктор Живаго». Через несколько лет мы поженились и решили жить в Ленинграде. Но тут мне перекрыли кранты. Шеф отдела прозы журнала «Звезда», когда узнал, кто моя жена, больше не давал мне рукописи на отзыв (я занимался самотеком), а режиссер театра, где собирались ставить мою пьесу, честно сказал: «Ты однажды уедешь, а меня попросят из театра...» Скоро дышать стало нечем. И мы собрали чемоданы.

В Союзе я написал книгу рассказов, три повести (первая настолько слаба, что ее пытались опубликовать журнал «Юность») и две пьесы (для денег). В Берне — роман и вторую книгу рассказов. Кроме того, разные статьи и эссе по заказу для западных журналов.

Иностранцы писатели приезжают в Альпы доживать: уютная Швейцария — зеленое кладбище мировой литературы. Здесь умерли Р. Музиль, Ф. Ницше, Дж. Джойс, Г. Гессе, В. Набоков, Р. М. Рильке, Т. Манн, Х. Л. Борхес... Если у художника есть слава и деньги, ему тут рады. В стране Кальвина и Цвингли писательский труд — терпимая форма паразитизма. Правильные люди подозревают писателя в подрыве устоев. В принципе, они правы. Но по сути дело не в писательстве, а в устоях. Рецепт политической стабильности, которой так гордится маленькая конфедерация, прост — материальный достаток при минимуме культуры. «Свободно говорить правду в Швейцарии может лишь тот, кто экономически независим», — сказал однажды местный писатель Георг Штайнер. Прокормиться литературным трудом нелегко. Нужен успех. Или работа. Русскому писателю, если он хочет сохранить независимость, успеха не достаточно (рынок эмигрантской литературы мал), поэтому я хожу на службу. Многие швейцарские художники и литераторы живут за границей: в Париже, в Берлине, в Мюнхене, в Риме и в Вене. С некоторыми из них — в Берне и в Цюрихе — я знаком, но друзей как не было, так и нет: мне не по вкусу идеологическое бирхер-мюсли. Здесь полно замечательных людей, но никто из них не в состоянии заменить тот круг, что я утратил, покинув Россию. Есть невозполнимые потери. Эта — одна из главных.

Последние годы я больше читаю по-немецки, чем на родном языке. Европейская сцена многокрасочна и гран-

диозна. Но если приглядеться внимательно, то приоткрывается изначальная сторона, отпугивающая, как и всякая правда.

Мало кто из издателей смеет придерживаться собственного мнения в работе, которую теперь не случайно стали называть издательской политикой. Подобно современным политикам, не рискующим предлагать аудитории новые идеи, современный издатель не рискует и не пытается воспитывать у читающей публики вкус, он превратился в менеджера, изучающего вкусы и требования читателей, и старается этим запросам угодить с единственной целью: продать побольше книжек.

Если учесть еще и невероятное по силе пропагандистское насилие, настоящую кампанию насилия, задачей и окончательной целью которой в той или иной мере является оглушение чуткой к средствам массовой информации публики и преарание аудитории в управляемую, охотно и неразборчиво покупающую, восхищенную политическими монстрами и не слишком рассудительную рыночную толпу, — если все это принять всерьез, то удивления не вызовет то обстоятельство, что как издательства, так и книжные магазины, журналы по искусству и литературе, галереи и выставочные залы забыты произведениями, о которых в Союзе говорят: «бездуховное искусство».

Советские журналы я давно перестал читать. Теперь, когда они стали интересней, я ими основательно займусь. Пока из прочитанного выделил для себя повести ленинградца Б. Дышленко и рассказы москвича В. Сорокина. Из опубликованных в эмиграции книг мне всегда нравилась «Школа для дураков» Саши Соколова и, может быть, еще «Дневник неудачника» Э. Лимонова. Из авторов старшего поколения (по обе стороны) мне близок единственно И. Бродский, удивительно одинокий, мудрый и горький поэт.

Эмиграция — пусть это лишь литературная эмиграция — никому не проходит даром. Повреждения души непоправимы. Теперь мои вещи начинают печатать на родине, но остается чувство, словно бы перевелся еще на один иностранный язык. Теперь мне позволяют ездить домой. Но за одиннадцать лет в Советском Союзе столько переменялось, что я чувствую себя дома в гостях. Это уже другая страна. Наверное, она лучше, чем та, которую я покинул, но другая. Страны, в которой я родился и вырос, больше нет, осталось название. Я чувствую себя матросом с утонувшего корабля — бедолага загулял в кабаке, не вернулся на борт, а корабль ушел без него в океан и пропал без вести в Бермудском треугольнике. До рези в глазах и вглядываюсь в горизонт и постепенно начинаю понимать, что ждать нечего. Все прошло, и надо жить тем, что есть. А ностальгия, в конце концов, — всего лишь тоска по желанию.

Домой можно ездить в гости. Гость, он не то, чтобы совсем чужой. А быть не совсем своим вошло у меня в привычку. Мама шутила, что я уродился в отцовскую породу. Отец серьезно думал, что у меня характер материной родни. Евреи обычно причисляли меня к русским, а русские подозревали, что я еврей. Редакторы упрекали в пристрастии к модернизму, а приятели-авангардисты не могли простить любви к традициям. Власти считали леваком и упрекали в неоязычестве. А политически ангажированные друзья возмущались, когда я звал на их опасных дискуссиях. Список можно продолжить — суть сводится к тому, что от всего этого легко задвинуться.

Можете мне поверить: жить чужаком в чужой стране, среди чужих людей — не сладко. Но, как минимум, нормально. А также излечивает от иллюзий. Ну а если стано-

вится совсем неумогу, то, как и в прежние времена, я ухожу своими путями тихо, словно кот, — очень далеко приходится уходить за хорошим и точным словом. В ящике письменного стола лежат подробные разработки трех новых романов и более тридцати рассказов. И, может быть, действительно, мне не осталось ничего другого, как

жить, словно бы никакой России, никакой Швейцарии нет и не было. И ничего не случилось. Жизнь едина и неразрывна. Литература — мир. Надо создавать свой мир, свою Швейцарию, свою Россию.

Берн. Февраль 1991 г.

Лопарский поселок

РАССКАЗ

Машина дров стоила шестьдесят рублей. За самосвал давали сорок: кузов короче. Пыжиковую шапку лопари уступили за сорок. Оставалось два червонца, но отдавать их никто не собирался.

— Привезите еще, будет две шапки, — сказала лопарка. — Каждому.

У Спиридонова уже имелась лисья шапка на дѣмбель. Федя Панов брал себе эту. А Тиме не полагалось. Он отслужил только год. Ему предстояло еще тянуть и тянуть. Да и парень он был не из запасливых.

— Две красненьких, — хрипло сказал Федя Панов. — Гони червонцы, и хоре бакланить.

Маленькие глаза его остановились и сблизились. Он как бы прицеливался. Капюшон был надвинут низко на лоб. Пар от дыханья оседал на усах, побелил брови. Панов был тяжелый, как статуя. И хотя он стоял неподвижно, снег скрипел под валенками. Если Федя спрашивал двадцать копеек на станции Оленья, ему давали полтинник. Но на женщину ни его бас, ни фигура не произвели впечатления.

— Может, шкурку вдобавок возьмете? Хорошая, песец? — Бабе? — Саня Спиридонов скосил глаза на Панова. — На воротник согдится.

Он был шофер — ноги мерзли в сапогах, да и мотор быстро остывал на морозе.

Тима тоже посмотрел на Панова с надеждой. Он помнил смуглую, черноглазую, с золотыми, выгоревшими под кубанским солнцем косами, худенькую казачку, навестившую Федю летом, — редкий случай, чтобы жены в такую даль приезжали повидаться.

— Обойдется, — сказал Панов и с тоской оглядел двор, заваленный мерзлым лесом.

Торговаться надо было раньше, машину они разгрузили. Он переступил с ноги на ногу и надвинулся на женщину.

— Нет у меня денег. Нет, — сказала она. — Что хотишь забирай: шапку, воротник, малицу, чулки оленьи. А денег нет.

День выдался хмурый, морозный, короткий. С утра договорились с сержантом за бутылку, чтобы не было секи, отвалили с работы, нагрузили машину лесом на просеке, где работал чужой отряд, чужим лесом. И рванули в поселок к лопарям.

С лопарями было условлено: самосвал дров — пыжиковая шапка. Но они привезли больше, здоровую машину. И дрова никто не брал. Деньги у лопарей не держались. И никто не хотел связываться с солдатами. Неизвестно,

чем бы все кончилось, если бы не эта женщина. Она прибежала к машине с шапкой. Пыжик понравился Панову. Она говорила по-русски хорошо, правильно, чуть смягчая гласные. И они поверили ей, дрова сгрузили во дворе. А теперь она не хотела платить. Должно быть, деньги у нее на самом деле не водились. Оставить сгруженный лес солдаты не соглашались. И деть его было некуда. Шапку добыли, но сержант ждал бутылку, которую купить пока было не на что.

Мотор остывал. Трубки радиатора сухо потрескивали. Саня Спиридонов переминался с ноги на ногу. Он не носил валенки даже в сильные морозы, не любил управлять машиной в валенках. Прошлой зимой он подморозил пальцы. И теперь на холоде ноги болели, они быстро замерзали в сапогах.

— Нет денег, водку ставь, — предложил Спиридонов. Панов с Тимофеем одобритительно переглянулись. Они взмокли на разгрузке и уже начали зябнуть.

— Водка хорошо, — закивала лопарка, и лицо ее смягчилось: румяные скулы раздвинулись шире, в уголках глаз побежали морщинки, а сами глаза сузились и засветились синим. — Хорошо, только...

— Что только? — грубо оборвал Федя. — Пить здесь только, — спокойно договорила она. — У меня пить будете. В развоз не продаю, и, заметив недоумение солдат, добавила: — Водка своя.

— Что у тебя тут, кабак? — хмуро спросил Спиридонов. — Кабак, кабак, — засмеялась она. — Водка своя, закуска своя, дочки две, да я сама. Хватит?

— Комплект, — усмехнулся Тима и тотчас пожалел. — Комплект, комплект, — подхватила она. — Комплект.

Саня и Панов, не сговариваясь, двинулись к крыльцу. О дровах они забыли.

— Одну бутылку дашь с собой, — уточнил Федя. — Командиру.

— Командиру дам, — согласилась она, — командиру, пожалуйста.

Тима шел сзади. На крыльце перед дверью, когда женщина вошла в дом, они остановились.

— Договоримся насчет девок, — предложил Саня. — Увидим, тогда решим, — сказал казак.

— Когда увидим, поздно будет делить, — невозмутимо возразил Спиридонов, он был из Торжка и на гражданке работал шофером у районного начальства, так что понимал толк в делах.

И Панов согласился:

— Мне какую потолще, — сказал он.

— А хозяйку молодому, — засмеялся Спиридонов.

— Тетка в соку, — одобрил Федя и оглянулся на Тимофея. — Опыту набирайся.

Тима не нашелся ответить. Он кивнул. Ему хотелось в тепло. Хотелось посидеть за столом и выпить. Хотелось забыть, что впереди два года солдатчины, что к вечеру надо вернуться в отряд, в казарму, что утром все опять пойдет неспешной чередой. А еще год назад это выглядело иначе, казалось иначе. Теперь давние, минувшие времена хотелось забыть. Забыться, было единственное желание. А лопарка и то, что ему предстояло с ней, в тот момент маячило так далеко, что ни за что бы не удалось соединить это в единый образ, в картинку, — увидеть.

Тима вошел в дом за товарищами, притопывая ногами, сбивая снег с валенок. Сеней не было, только холодный коридор, голая лампочка качалась под потолком на проводе. Он повесил бушлат на гвоздь рядом с бушлатами Панова и Спиридонова и шагнул в полутемную комнату, где хозяйка уже шустрила у раскаленной печи, заливая водой очищенную картошку, гремела чугунами и ухватом. В комнате было жарко, и если бы не голод, Тиме захотелось бы спать.

Девки оказались молодые, девятнадцать и двадцать один. Обе плотные, румяные, с льняными волосами, белесыми бровями и бледно-голубыми вымороженными глазами. Они обрадовались солдатам и быстро собрали на стол. Старшая внесла большую трехлитровую бутылку, почти полную, плотно закупоренную газетной затычкой. Младшая расставила тарелки и стаканы, спустилась в погреб за огурцами и моченой брусничкой. Ягоды, яркие и крепкие, плавали в багряном соке. Обе работали ладно, быстро, толково, исподволь поглядывая на солдат. На Спиридонова и Федю Панова они глядели с уважением. Тима им не понравился.

Тима угадал это. Понял нутром, уловил безошибочно, что не нравится им. Они не принимали его всерьез. А ему они понравились. Обе. По его понятиям, красавицами они не были, но его влекло к ним. И чувство было теплое, здоровое. «Телки», — подумал он.

— Садитесь, что ли, — крикнула хозяйка, она хлопотала у плиты, за занавеской.

Федя сел со старшей, а Спиридонов на углу. Младшая бегала по комнате. Тима выбрал дальний конец стола. Он сидел там один.

Хозяйка вернулась в комнату. Теперь, без ватника и платка, она выглядела мягкой и домашней. И совсем не старой. Странно было видеть, какие у нее взрослые дочери. У печи она раскраснелась, распарилась и теперь хотела пить. Она поставила на стол фаянсовые чашки и разлила по чашкам брусничной настой. Ягоды выплеснулись из банки и плавали в чашках.

— Запивочка, — сказал она. — Мужскую силу подымает.

Она выпила настой и налила себе еще. Потом принесла картошку в чугунок, обмотав его грязной тряпицей, и принялась раскладывать по тарелкам закуску.

— Что сидите-то, участвуйте!

Федя протянул руку и выдернул газетную затычку из бутылки. Спиридонов положил ему на тарелку огурец. Потом себе, потом Тиме. Девки обслуживали себя сами. Панов налил водки им и матери, потом друзьям. Рука у него была уверенная и честный глаз.

Хлипкий стол шатался, и водка в граненых стаканах радужно сверкала. Хозяйка закончила с картошкой, накрыла чугунок и, обтерев ладони об юбку, подседа на угол к

Тимофею. Он нравился ей, такой городской и скромный, совсем зеленый парнишка. Она положила на него глаз. Всем это было ясно. Только Тима пока не понимал. Он ее не чувствовал. Он сидел одиноко и ждал, когда можно будет сделать глоток и приступить к еде.

— Ну, поехали, — Федя Панов поднял стакан.

— Пора, — поддержал его Спиридонов.

Они пили и ели много и быстро. И опять пили, и наливали друг другу, и подкладывали на тарелки, и не спрашивали друг у друга имен.

— Мужика у тебя нет, что ли? — поинтересовался Спиридонов.

— Был, — сказала хозяйка.

— Был, да весь вышел, — пошутил Федя.

— Не знаю, — сказала хозяйка, — может, живой.

— Как это?

Дочери молчали. Они молча жевали хлеб. Скулы у них трещали. Тима подумал, что нехорошо так прямо расспрашивать. В том недоставало деликатности. Но ему тоже стало интересно.

— Бригадира он подранил. На охоте. Ну и подался в лес. На финскую границу. С тех пор ничего не знаю.

— Давно?

— Четыре года.

— И не поймали?

— Ни слуху ни духу. Может, в Финляндии.

— Финны выдают наших, которые бегут, — авторитетно сообщил Спиридонов. — Норвеги, другое дело.

— То ваших, а его не выдадут.

Солдаты посмотрели на нее недоверчиво.

— Родня у него там. Спрячут.

— Ты откуда по-русски так хорошо знаешь? — спросил ее Федя Панов. — Мужик, что ли, русский был?

— Саами, — она засмеялась хитро и указала на дочек.

— Мать у меня русская. Ссылная. Прижилась в тундре. Пригрелась. Вышла за лопаря.

— А бригадира он того, не нарочно? — спросил Тимофей.

— Кто же его знает? — сказала она и задумалась, и лицо ее на секунду стало грустным. — Однако бригадир известный гад был. Не поверит никто, что случай.

Самогонка Тиме понравилась. Она была лучше казенной водки из магазина. И казак тоже похвалил продукт. Он сделался пунцовым, лицо горело. Спиридонов тоже покраснел. Девушкам было весело. Они хихикали. Хозяйка подливала.

Тима не почувствовал хмеля. Ему стало жарко, он растегнулся до пупа, но градуса не чувствовал. Он выпил еще стакан и со стекленеющей отчетливостью сообразил, что напрасно старается — не опьянеет. Сегодня не получится. Нервы натянуты. С ним такое случалось. Это началось после госпиталя. С тех пор, как он угодил в штрафную команду, такое случалось уже четыре раза. Нервы слишком напряжены, и он не почувствует алкоголя, пока не свалится, пока не станет худо.

Он посмотрел на друзей и порадовался за них. Они были сильно на взводе. На женщин водка действовала меньше. Или они лучше держались. Утром они не работали на воздухе, на морозе. И питались лучше.

— А я тебя запомнил, — среди общего шума сказал Саня Спиридонов старшей сестре. — Запомнил, запомнил. Ты приходила в дивизию на танцы. В Дом офицеров, а?

— Летом приходила, — сказала она.

— Что, парней у вас тут мало? Не хватает?

Она смутилась.

— С солдатами интересней?

мягкая и умелая женщина. Хорошая женщина. То, что нужно. «А я ее рассматриваю», — подумал Тима и понял, что ему никуда не деться.

Игорь Павлиско, смуглый гуцул из Львова, рассказывал, что в таких случаях он вспоминает другую женщину. Одну и ту же. Всегда одну. Просто старается представить, что он опять с ней. Вообразить. И если удастся, все идет путем.

Тима так не мог. У него это было иначе. Он знал, если вспомнит хоть что из прежней жизни, у него вообще ничего не выйдет. Не получится. Он это понимал. Он сидел за столом совсем спокойно и не вспоминал. Лучше было не вспоминать.

В комнате стало сумрачно. Лопарка подошла к нему сзади и обняла. Губы у нее были мягкие и вкусно пахли огуренным рассолом. И сама она опратно пахла простым мылом и крахмалом. В комнате было жарко, и на виске у нее Тима заметил бусинки пота. Пот ее пах приятно. Тима и это отметил. Он все отмечал про себя и знал, что так не хорошо. Он чувствовал себя подло и был спокоен.

Она начала раздеваться. Она раздевалась очень быстро. «Тут нет кровати, — подумал он. — Даже лавки нет». Она стояла перед ним в длинной зеленой майке. На ней была только майка, и Тима рассматривал ее короткое крепкое тело. Она подошла близко, еще ближе. Она стояла перед ним совсем рядом и не смеялась. На белом, округлом плече ее Тима разглядел шрам, круглый и старый, и она поняла взгляд.

— Девчонкой еще. Собакахватила.

Ему стало жаль ее.

«Не могу же я делать это из гуманных соображений», — подумал он и положил руку на гладкое голое плечо. Рука у него теперь была холодная, и он сам был холодный.

Лопарка вздрогнула. Она сказала сочувственно:

— Городской. Небось, по молодым сохнешь.

Тима опять кивнул. Он встал и пошел к двери.

В коридоре он отыскал свой спецачок, легонький, но теплый, украденный Спиридоновым для него, для Тимы, у летчиков. Он накинул спецак на плечи и вышел во двор.

Когда товарищи в белом солдатском белье — Панов в валенках, а Спиридонов в черных хромовых сапогах — вывалились на крыльцо, Тима заканчивал складывать дрова в штабель.

— Отстрелялся уже?

— Быстро ты!

Они помочились в сугроб прямо с крыльца и закурили папироску на двоих. Тима молчал. Они курили, и что-то доходило до них.

— Пойди сюда, молодой, — позвал Саня Спиридонов и протянул ему бычок. — На, докури.

Тима снял рукавицу и нервно затыкнулся. Ему опять было жарко. Теперь от работы. Да и мороз помягчал. В воздухе редкими хлопьями кружилась легкая снежок.

— Мотор не остыл? — спросил Саня, он забыл про воду и теперь спохватился, как бы не разморозило блок.

— Долил горячей, — успокоил Тима.

— Все в порядке? — спросил Спиридонов.

— Нормально.

— А ты не брешешь? — не поверил казак.

— Честное пионерское.

Солдаты рассмеялись. Они ушли в дом. Через пять минут Спиридонов, уже одетый, выглянул и позвал его:

— Иди, зачифирим.

Тима спокойно подобрал последние поленья. Оглядел сложенный лес, отряхнул с робы дровяную труху и снег. Он не торопился.

В комнате было прибрано. И на столе прибрано. Вокруг ковшика с дымящим варевом опять стояли стаканы. Рядом валялись две пустые упаковки грузинского чая. Женщины сидели притихшие и от чифиря отказались.

Тима не смотрел на хозяйку. Он был по-прежнему спокоен и делал так для нее. Она тоже старалась на него не смотреть. И водку для сержанта в пустую поллитровку переливала неохотно.

Тима сделал глоток горького чая. Ему понравилось. Он залпом выпил все. Скоро он поплыл. Он заторчал неожиданно. Это было как подарок.

Прощания Тима не запомнил. Он не прощался. Он был под балдой и не помнил о приличиях. Иногда он хихикал. И Саня Спиридонов радовался за него.

У машины они долго возились, закрывали борта. Лопарка вышла проводить. В толстом платке, теплой кофте и телогрейке, она опять была похожа на шар. Она помахала им рукой и засмеялась. Тима был за это ей благодарен.

Снег падал больше и больше, легкий и сухой. Двор был уже белый, скрыло следы, и щепки, и обломанные ветки. И грузовик белый. Но мотор не остыл.

— Что? — Спиридонов кивнул на аккуратно сложенный штабель. — Поблядовал?

Тима смутился, покраснел и от смущения заулыбался, хотя было ему вовсе не весело.

— Молодой еще, — хрипло сказал казак. — Пообломае-тся.

— Чего ж хорошего? — Спиридонов взглянул на товарища и злобно сплюнул в сугроб.

— А не обломают, человеком останется. Не то что...

Спиридонов не ответил. Он полез в кабину. За рулем он сидел, как на троне.

— Я понимаю, — сказал Тима. — Вы не думайте.

Саня протянул ему стальную тяжелую ручку.

— Крути молодой. Через час дороги заметет. Не ночевать же здесь.

Шоссе через тайгу было гладкое и хорошо накатанное. По снегу машина бежала уверенно. Но Спиридонов знал цену этой обманчивой легкости. Он молчал и крутил баранку. Скрипели, скребли по стеклу дворники. Панов уютно посапывал в углу кабины. Тима сидел меж ними и смотрел вперед, на дорогу, на темный заснеженный лес. На белые штрихи подымавшейся поземки.

— Почему у них денег нет? — наконец спросил он. — Ведь полярка, коэффициенты, дома им ставят.

— Пропивают. После полочки не просыхают, пока деньги все не выйдут, — отозвался Панов. — Вымирающий народ.

— Это конечно, — согласился Тима, но было ясно, что думает он о другом, он опять вспомнил о чем-то своем. — Как они могут, — сказал он. — Подумать страшно.

— Не мучайся ты, — сказал Спиридонов.

— А вы? Вы ничего? — вдруг спросил Тима.

— Чего?..

— Я понимаю, — сказал он. — Нельзя отказываться. Есть вещи...

— Ничего ты не понимаешь, — пробурчал Панов.

— Это малодушие отказываться от нормальных вещей.

— А ты не бери в голову. Не бери, и все, — утешил Спиридонов.

Он сосредоточенно смотрел на дорогу и даже не повернул лица. А Панов заворочался справа, устраиваясь поудобней в углу. Тима, зажатый посередине, старался не шевелиться. На коленях он держал бутылку для сержанта и шапку.

ОПЫТ АНТИРЕКЛАМЫ

«Джазмен»

Театральное агентство
«Ардани», реж. В. Павлов

Если московское театральное агентство «Ардани», продюсировавшее спектакль и организовавшее его рекламу вплоть до выпуска верхне-нижней одежды пижамного типа с надписью «Jazzman» (по 60 руб. за штуку!), действительно пребывает в уверенности, что более или менее точная протокольная запись натужных полуночных умствований людей средних лет, начитавшихся самиздатских гороскопов и страдающих на этой почве половыми дисфункциями, а также присутствие на сцене максимального количества потенциальных героев «Киносерпантина» и есть те условия, которые гарантируют сегодня успех на театре, то убедительно прошу агентство выплатить мне вознаграждение за следующую рекламную идею: над входом в театры, где будет демонстрироваться «Джазмен», вывешивать транспарант «Только для толстых». Именно этой глоссы времен волонтеризма недостает автопародии подрасталевших «чувачков», упивающихся прямо-таки мазохистским нарциссизмом.

М.С.

ЧТО ТАКОЕ КУКЛЫ

Выставка «Такие разные куклы»
Музей декоративно-прикладного и народного творчества

Рекламировать эту выставку не надо: поток родителей с детьми и без вряд ли иссякнет до ее закрытия. Выставка, как водится теперь, советско-американская, и разница между экспонатами приходится именно на дефицит — такое впечатление, что кукол числом ровно две.

Первая занимает два зала. Она многолика и переменчива, как жизнь, из которой «сделана»: будь то многофигурные аппликативные панно или безликая щепка, обшитая тканью. Она реальна до оторопи — любой кукольник скажет, что кукла более человек, чем мы с вами. Старинное искусство остроконечной травести «образа и подобия» погружает в реальность настойчиво, если не навязчиво: от изгибчатых «настроений» Л.Сжиной и манерных шерстяных красоток с наивно подчеркнутыми «прелестями» Ю.Устиновой до монументальных керамических «портретов куклы» Е.Языковой, от изящных фарфоровых «дам и кавалеров» Л.Шорчевой до «баб», «мадамок» и «барынь» художников объединения «Сергиевская игрушка».

А в третьем зале — кукла вторая. Автор ее, Дэн

Джебсон, «серьезного искусства» не любит, о чем сообщено здесь же на стене. Его разборные уродцы из пластмассы — последние культурного соц-арта — происходят из комиксов: от суперменов до диснеевских персонажей. Это — магазин готового платья, игрушки «второй свежести».

При сотворении мира принято условиться об именах. Видимо, куклами следует называться чему-то одному: либо обитателям первых двух залов, либо третьего.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

ДОБРЫЕ ДЕЛА ГОСКИНО

«Нецензурные выражения»

«Мосфильм» (студия «Дебют»), реж. А. Черных

«Астенический синдром» Киры Муратовой, наверное, самый значительный советский фильм минувшего десятилетия, был обречен на прокатный провал. Видимо, предчувствуя это и желая хоть как-то картине помочь, подсобить рекламой, а может быть, по другим, неизвестным, причинам, Госкино решило фильм запретить. До тех пор, пока создатели не уберут несколько нецензурных выражений — или с помощью ножниц, или просто смикшировав звук. Это решение Госкино, шумно осужденное «Пятым колесом» и всей либеральной общественностью, привело, по крайней мере, к трем добрым делам. Во-первых, замечательный фильм Муратовой хоть кто-то посмотрел. Во-вторых, мытарство картины с нецензурными выражениями вдохновило одного из авторов сценария «Астенического синдрома», молодого драматурга Александра Черных, на сочинение оригинальной истории. В-третьих, эта история оказалась столь внутренне богатой, что он сам решил ее реализовать, дебютировав как режиссер-постановщик

фильмом «Нецензурные выражения». Получилась лаконичная изящная сюрреалистическая комедия в бунюзлевском духе. Вот как много добрых дел проистекло из одного, к слову сказать, так и невыполненного решения Госкино. А мы все ругаем и ругаем чиновников.

Александр
ТИМОФЕЕВСКИЙ

НА РАСКОПКАХ ВЕЛОСИПЕДА

«Археология»
МХАТ им. А. Чехова,
реж. М. Кочетков

Афиша сулила почти невозможное: модный драматург андерграунда на сцене легендарного Художественного театра. Однако, если довериться словам из спектакля о том, что самые худшие произведения искусства создаются с самыми лучшими намерениями, придется признать, что в этой постановке намерения разошлись с искусством именно в такой пропорции. Режиссер наивно принял эскизную драматургию А. Шипенко за жесткую конструкцию, и из пьесы, в которой, строго говоря, одна мысль, но она не закреплена за персонажем, а «гуляет» от

одного к другому, пропали последние намеки на игру и театральность. За неимением большего маргинальность существования героев воспринята как глобальная метафора и поглощена до смешного буквально в самом пространстве зала, разбитом на пять сценических площадок. Бесконечные монологи «расцвечены» передачей по ним шести персонажей, а электронная музыка М.Чекалина создает идеально оглушающий фон во время затемнений, которые должны скрыть это перемещение от зрителя. Но от него мало чего скроешь, особенно если при этом наступаешь на ноги...

Совместными усилиями режиссеру и актерам удалось превратить сюжет, где есть непризнанный гений, суицид, драка, оружие, наркотики и сумасшедшие, в варевое, в котором нет ни крупинки соли. А что касается стилистики; то приемы конца 70-х даже не забавляют в начале 90-х. Так что только загадкой русской души можно объяснить, зачем группа смельчаков который раз упорствует в создании велосипеда по допотопным чертежам.

Ирина МОРОЗОВА

МОДЕРН В ТУШИНО

Выставка «Федор Шехтель»

Выставочный зал
Тушинского района
Москвы

Минувшие полтора столетия мало что изменили в характере российского обывателя: мы все так же «ленивы и нелюбопытны». Где уж по нынешним временам доехать до северо-западной окраины столицы. Между тем стоит. В увеличенных фотографических открытках, ломких, выцветших листах авторских эскизов, слепых от многократного воспроизведения чертежах взгляду редкого посетителя предстает картина становления и расцвета личности, в высшей степени трудолюбивой и удачливой. Собранные вместе, работы

Шехтеля обнаруживают свое истинное качество: это архитектура подлинно, а не стилизовано российская. Оттого шехтелевские постройки и по сию пору легко выделяются в череде градостроительных сооружений Москвы, служа образцом цельности и вкуса, не ведавшего изъядна.

Очтившись возле Ярославского вокзала, Художественного театра, одноименного ему арбатского кинотеатра или у Дома-музея Горького, обратите свою благодарную память к русскому архитектору Федору Шехтелю.

Илья ЛЕПИХОВ

ОСТОРОЖНО — ОБМАН!

«Баттерфляй»
Диск ВПТО «Мелодия»

На конверте пластинки Геннадия Пономарева, недавно выпущенной фирмой (или, как она теперь называется, ВПТО) «Мелодия», написано: «Геннадий Пономарев. Жанна Бичевская, вокал». Еще определеннее указано на этикетке самого диска, где просто утверждается, что это их совместная запись. Любители Жанны Бичевской! Учтите, вас обманывают.. Вполне возможно, что действительно обоим музыкантам принадлежат обработки песен, записанных на пластинке. Непонятно, правда, как именно Пономарев обрабатывал

собственные сочинения, но это мелочь. Не мелочь другое. На пластинке нет вокала Жанны Бичевской. Если не считать в общей сложности секунд тридцати того, что называется «бэкграундом», то есть где-то вдали звучащих подпевок. С помощью современной звуковоспроизводящей аппаратуры их можно попытаться вытащить на первый план, но даже в этом случае никакого двойного вокала на диске, разумеется, не появится. «Битлз» подпевали «Роллингам» и наоборот, но никому не приходило в голову объявлять, что это их совместная работа. Можно понять стремление Ж.Бичевской помочь своим именем Пономареву, подтолкнуть пластинку, которая в противном случае вряд ли привлекла бы внимание слушателей. Но совершенно непонятно, зачем на такой прямой обман пошла фирма (простите, ВПТО) «Мелодия».

А.Г.

P.S.: видео
Ведет Андрей
ГАВРИЛОВ

ТРЕТЬЕ БУДУЩЕЕ

«Назад в будущее — 3»
США, реж.Р.Земекис

Второй фильм этого сериала в свое время разочаровал. После остроумной и милой первой серии чисто фантастические приключения героев были мало интересны. Но третья часть, если и не поднимается до уровня первой, все же значительно лучше второй. К режиссеру как будто вернулось то настроение, которое в свое время обеспечило ошеломляющий успех первого фильма. Кстати, третью серию бессмысленно смотреть в отрыве от второй — некоторые сюжетные повороты будут абсолютно непонятны. И уж совсем глупо смотреть вторую и третью, не пересмотрев первую — лучшую. Так что доставайте все три фильма и приготовьтесь к пяти-шестичасовому просмотру. Не волнуйтесь — четвертой серии, судя по всему, точно не будет.

АМЕРИКАНСКОЕ, НО ПЛОХОЕ

«Первая сила»
США, реж.Р.Резников

Когда смотришь советские фильмы много и подряд, становится грустно, но утешаешь себя тем, что беспомощность, пошлость и безвкусица все-таки, наверное, не национальная черта. Ведь представители того же генофонда Жак Тати (Татицев), Роже Вадим (Племянников), Юл (Юлий) Бриннер, Кирк Дуглас (Демский) и т.д. в других условиях добивались неплохих результатов. Увы, Роберт Резников явно не принадлежит к их числу. Глупая повесть «Изгоняющего дьявола» Фридкина и «Электрошока» Крейвена заставляет даже Лу Даймонда Филлипса, в общем неплохого актера, играть куда ниже его возможностей.

Письма, которые долго шли

Из десяти писем, которые мы получаем, девять — московские. Это удивительно. Судя по почте, в других городах на «Столицу» сложно не только подписаться, но и вообще узнать о ее существовании. Почти во всех письмах из провинции, о чем бы они ни были, повторяется: «По иностранному радио, от друзей, из газет случайно оказавшись в Москве, узнал (узнала) о вашем журнале. Но у нас в Минске никогда о нем не слышали, в нашей Казани его днем с огнем не сыскать, в «Союзпечати» г. Луцка его нет в каталоге, в Чебоксарах журнал перечитали все родственники и знакомые, с трудом добился, чтобы вернули».

И все-таки почта из других городов есть, и она увеличивается. Особенно интересно бывает открывать конверт, в который, помимо листочка с бумагой, вложен еще и какой-нибудь, присланный специально для нас, местный сувенир: вырезка из городской газеты, предвыборная листовка депутата, фотографии.

«Посылаю вам статью «Потенциал энтузиазма» из газеты «Вече Твери». Вот уж поистине пир во время чумы» (Л.В.Хохлов, Тверь).

Ироничный «Орган городского Совета народных депутатов» решил в «традиционном, годами отшлифованном стиле газетных информационных» рассказать о блистательном финале 27-й конференции Тверской областной организации КПСС. Конференция завершилась банкетом в ресторане «Волга». Хоровое исполнение песен «Ой, мороз, мороз» и «Смуглянка-молдаванка» мирно сочеталось с «Поручиком Голицыным». Несколько слов благодарности в адрес тех, кто «помог в столь трудное время организовать этот запоминающийся праздник». Работники ресторана «самоотверженно сместили график своей работы до глубокой ночи, не уставали выносить из подсобки языки, колбасы, водку... Следует подчерк-

нуть, что приглашенные на банкет гуляли на свои, а не на партийные деньги.

Достойны похвалы водители служебных машин, терпеливо ожидавшие в эту ночь окончания банкета. Отметим и многочисленных сотрудников УВД — они, исполняя свой служебный долг, доблестно охраняли в тот день гостиницы, рестораны и прилегающие к ним улицы.

На этой же странице помещена коротенькая информация о том, как население будет отоваривать в декабре ноябрьские талоны. Получить по ним можно будет только макаронные изделия или муку. Случайно ли обе эти заметки оказались рядом? Думаю, что нет.

Г.С.Павленко из города Аркадака Саратовской области возмущен хорошим снабжением Москвы за счет провинции. «Чтобы столица не осталась без мяса и овощей, пошли буквально на все, в том числе прибегли и к чекам, по которым добросовестно поработавший товарищ сможет приобрести импортные вещи. И все только потому, что речь идет о Москве! Спрашивается, разве в других местностях живут не такие же люди? Разве они пить и есть не хотят? В общем, живем мы в стране как дети у злой мачехи. Есть в нашем Аркадаке завод по выпуску сгущенного молока. А вот моя дочка, которой скоро уже одиннадцать лет, даже вкуса такого молока не знает... Все отправляем в центр».

Письмо Г.С.Павленко пришло к нам несколько месяцев назад. За это время московские прилавки опустели окончательно, газеты сообщают об «экономической блокаде столицы», обиженных писем больше нет.

Из той же Саратовской области из деревни Новая Осиновка пришло еще более печальное письмо от Ю.Н.Кузьмина. «Утром писатель, выступая по радио, упрекнул народ за то, что мы отошли от идеалов и поклоняемся колбасе. А у меня вот брат, бабушка, мама умерли от голода. Ок-

тябрь 1917 года разрушил всю нашу жизнь. Мать родила меня на улице... Четыре года больницы, инвалидность. Нелегко мне было работать на равных со здоровыми. Но никому до этого не было дела — строили социализм. С детства плохо питался, дважды голод валил меня с ног. Теперь вот мне, старику, молоко надо, а где его достать?» Журнал, который выходит в Москве, иногда принимают за «Бюро добрых услуг». Не редкость такие, например, просьбы:

«За свою жизнь я написал несколько сатирических романов, — сообщает Н.И.Камышников из г. Шевченко. — Однако у нас их не печатают. А мне очень хотелось бы увидеть хотя бы один опубликованным. Будьте добры, сообщите адреса корреспондентов зарубежных газет и журналов, хотя бы таких:

- американских
- английских
- японских
- германских.

Сообщите им, что в случае публикации я отказываюсь от гонорара».

Интерес представляют не только сами письма, но и обратный адрес. Все реже нам пишут из Кирова, Свердловска, все чаще — из Вятки, Екатеринбургa. Особенно разнообразные варианты предлагают жители северной столицы. Жаль только, что и в современный Ленинград, и в овеванный революционными традициями Петроград, и в аристократический Санкт-Петербург наш журнал приходит с одинаковым опозданием — примерно на две недели. К сожалению, то же самое часто происходит и в других городах. Поэтому, когда на стол ложатся возмущенные письма, скажем, из Магаданской области, это, конечно, огорчает. Тем более, что опаздывает журнал не по нашей вине. Но, с другой стороны, есть чему радоваться — у «Столицы» есть подписчики по всей стране.

Е.ГОНЧАРЕНКО

Аркадий БЕРНШТЕЙН

НЕЗАБЫТОЕ ТОТАЛИТАРНОЕ,

или И. Сталин - «лучший друг советских кинематографистов»

Еще есть, к сожалению, многочисленные зрители, которые восторженно принимают «старые добрые» ленты тридцатых—сороковых годов, не думая ни о характере того времени, ни о разрушительном влиянии многих из этих лент на психологию нескольких поколений советских людей. Кое-кто вообще отказывается видеть «следы сталинизма» в этих лентах, сделанных будто бы с позиции «пламенного русского патриотизма». Другие испытывают ностальгию по кинематографу своей молодости, признавая все же «ложные послышки» ряда фильмов, но восторгаясь некой «глубокой, искренней верой художника в то, что он делает». Позицию консервативной кинокритики выразил Г. Матвеев, автор обширного письма «Апологеты современного кино», напечатанного в пятом номере «Нашего современника» за 1990 год. В оценках довоенных и послевоенных фильмов он не скупится на похвалы: «лучшие» из них «воспевали преданность идее (!), народу, Родине, стойкость, героизм, самопожертвование, другие (!) положительные качества», «сыграли большую роль в воспитании черт характера советского человека, которые нам такгодились в дни трудных испытаний».

Иосиф, Йозеф и Бенито о кино

Великолепно выразил духовное содержание того времени французский писатель Андре Жид после своего визита в СССР в 1936 году. В своей книге «Возвращение в СССР» он писал — вопреки похвалам советской жизни со стороны левоэкстремистской

печати на Западе и таких крупных писателей, как Л. Арагон, Р. Роллан, А. Барбюс, а позже Л. Фейхтвангер, — о том, что сознание людей в СССР «несвободно», «угнетено» и поработщено даже больше, чем в «гитлеровской Германии», что в этих условиях «революционное сознание становится неуместным», а «искусство оказывается в опасности, почти такой же, как при фашизме».

В конце двадцатых и начале тридцатых годов для партийной цензуры уже не было никаких сомнений, что кино прежде всего должно служить целям утилитарно-политической пропаганды. На XIII съезде РКП(б) Сталин изрек: «Кино — есть величайшее средство массовой агитации. Задача — взять это дело в свои руки». Выход каждого нового фильма рассматривался как общественно-политическое событие. Много говорилось о «революции в кино», об усилении роли партии в этом процессе. В письме работников советского киноискусства по поводу пятнадцатилетия советской кинематографии всерьез утверждалось, что с 1919 года молодое кино Страны Советов не имело «никаких культурных традиций, ни кадров, ни материальной базы».

Многие аналогичные мысли и суждения о целях и задачах кино мы находим в нацистской критике Германии тридцатых годов: «кино прошедших времен способствовало разрушению народа», «ни одна другая отрасль промышленности не испытывает такого пристального внимания партии и правительства, как кинематограф», «кино-программа», составленная партией в период борьбы, требует от кино нового стиля, то есть проникновения в него «национал-социалистических идей». Доктор Геббельс в своей речи 28 марта 1933 года громко заявил, будто «национальная революция» распространилась и «на кино», а Бенито Муссолини называл кинематограф «самым сильным оружием». Но именно Иосиф Сталин превратил кинематограф в государственную монополию гораздо раньше, чем фашистские идеологи, используя ста-

рую идею, родившуюся в среде ярых русских монархистов и черносотенцев.

В 1915 году офицер, сотрудник военного министерства, монархист В. Дементьев в своей брошюре «Кинематограф как правительственная регалия» заявил о необходимости государственной монополизации кинематографа под эгидой некоего Главного Управления и передачи частных кинопредприятий в собственность казны. Это, с его точки зрения, поможет возродить национальную культуру, избавит Россию от безнравственных фильмов, якобы занесенных в страну «германо-еврейскими предпринимателями», и оградит от влияния «чуждых русскому народу» традиций европейской культуры. Это был откровенный призыв насаждать в искусстве кино национал-шовинизм, прикрываясь «высоким и героическим в русской истории», воспитывать в народе угодные властям холопство и раболепие. Сталин не только создал подобное Главное Управление (ГУКФ), но и многое реализовал из этой программы.

К середине тридцатых годов низменные категории тоталитарного мифотворчества, особенно воспитание стадных чувств ненависти к врагу и жертвенного поклонения вождям, глубоко проникли в сознание людей как в СССР, так и в «новой» Германии. И все же на наших экранах появлялись такие интересные и не забытые сегодня фильмы, как «Путевка в жизнь», «Украина», «Чапаев», «Счастье», «Юность — Максима», три картины М. Донского по горьковской автобиографической трилогии и т. д. Но нельзя скрыть за восторгами по их поводу множество похороненных замыслов, непоставленных и невышедших фильмов, подлинных творческих трагедий.

Гениальный кинорежиссер Сергей Эйзенштейн смог поставить в тридцатые годы лишь один звуковой фильм «Александр Невский», режиссер-новатор Лев Кулешов после «Великого утешителя» (1933 г.) был вынужден надолго замолчать и только в 1940 году после длительных хлопот получил возможность поставить на студии «Союздетфильм» картину «Сибиряки» — о школьниках, которые находят трубку Сталина времен его Туруханской ссылки. И, конечно, в фильме появлялся и сам вождь в

облике доброго волшебника и сказочника. Уже в начале тридцатых годов вокруг превосходного сатирика Александра Медведкина, поддержанного А. Луначарским, М. Горьким, С. Эйзенштейном, создается недопустимая атмосфера. «Распространяются слухи», писал журнал «Пролетарское кино» в 1931 году, что он «уже сидит в ГПУ как вредитель и контрреволюционер». Его фильму «Счастье» приписывали идею затухания классово-борьбы в деревне и мирного вранья кулака в социализм. Картину «Чудесница» по требованию руководства пришлось перенять и перемонтировать. Картину И. Правова и О. Преображенской «Тихий Дон» (1931 г.) объявили «казачьим адюльтером», а ее создателей исключили из АРРКа. Великого Дзигу Вертова, кинодокументалиста-новатора, подвергли резкой критике за «формализм», «склеивание фактов» и даже документализм.

Сталин держал под своим неослабным контролем работу киностудий страны, направляя деятельность начальника ГУКФа при СНК СССР.

Служили три товарища...

С начала тридцатых годов и до смерти вождя у руля этого учреждения стояли три человека. Наиболее способным из них был старый большевик, автор ряда статей и работ о кино, самолюбивый, порой резкий в своих оценках Б. З. Шумяцкий. Он отстаивал идею «прямого творческого участия руководства в фильме», которое принимает сценарий, просматривает отснятый материал, вносит поправки и т. д. Б. З. Шумяцкий, как и последующие руководители ГУКФа, организовывал просмотры картин для высоких инстанций и вождя, доставлял в Кремль на рассмотрение самому Сталину тематический план производства фильмов на новый год, привозил ему на утверждение некоторые сценарии и кинопробы для важнейших историко-революционных и исторических лент. Общенье Сталина с кинематографистами осуществлялось в основном через начальника ГУКФа, который от имени вождя передавал режиссерам и сценаристам его замечания, пожелания и требования решительных изменений или переделок.

В 1937 году Шумяцкий был подвергнут резкой критике за идею технической реконструкции советского кино на основе американского опыта, создание киногорода наподобие Голливуда. После его ареста и расстрела начальником ГУКФа стал бывший воронежский чекист С. С. Дукельский, не имевший никакого отношения ни к кинематографу, ни к художественному творчеству вообще. Строгий, с непроницаемым лицом следователя, он молча выслушивал собеседника, слегка наклонив бритую голову, держа руку за бортом синего френча. Оказавшись на новом служебном поприще, он начал с того, рассказывал мне кинорежиссер А. Медведкин, что вычеркнул из плана производства художественных фильмов на 1938 год почти три четверти названий кинокартин, сочтя их идеологически вредными.

С. Дукельский превратил кинематографистов в чиновников, отдав распоряжение пронумеровать и прошнуровать все страницы утвержденного режиссерского сценария, скрепить его сургучной печатью, дабы никакие изменения не делались без ведома начальства. О его необычайной ограниченности рассказывают такой анекдотический факт. Сценарист И. Л. Прут принес С. Дукельскому заявку на сценарий о Ходже Насреддине. «Познакомившись с ней, — вспоминает И. Л. Прут, — начальник ГУКФа вернул мне заявку с такой резолюцией: «Читал. Ничего не понял. Речь идет о каком-то жуликоватом турке, и совершенно непонятно, почему мы должны ставить фильм о нем, когда известно, что турки — как нация — не входят в состав СССР».

Характерное столкновение с Дукельским произошло у известного кинорежиссера Ю. Райзмана в 1938 году. Роль Давыдова в своем будущем фильме «Поднятая целина» Ю. Райзман предполагал отдать артисту Н. Дорохину, который устраивал его во всех отношениях. Однако выбранный режиссером актер показался Дукельскому слишком невзрачным. Бывший чекист упрямо твердил, что представитель победившего пролетариата должен захватить воображение зрителя красотой, силой и внушительным видом. Райзман был вынужден заменить Н. Дорохина Б. Добронравовым.

В конце 1938 года ГУКФ возгла-

Слева направо: Тт. КАГАНОВИЧ, **КИРОВ**, ОРДЖОНИКИДЗЕ, НАЛИНИН, СТАЛИН, ВОРОШИЛОВ и КУЙБЫШЕВ
среди работников Сюзькинозвонки

вил И.Г. Большаков, удержавшийся на своем посту дольше всех и переживший в этой должности смерть вождя. Не раз Большаков оказывался в эпицентре бешеного гнева Сталина, возмущенного тем или иным «вредным фильмом», выслушивал по телефону грубую брань Л. Берии, усмотревшего «крамолу» в творчестве или поведении некоторых кинематографистов (например, сценариста А. Каплера, осмелившегося ухаживать за дочерью Сталина Светланой). Однако он умело маневрировал и не потерял своего кресла. В большой степени служебное долголетие Ивана Григорьевича на столь опасной ниве объясняется его неплохим знанием той высшей партийно-бюрократической среды, с которой он довольно прочно сжился. Член ВКП (б) с солидным стажем, в прошлом рабочий, Большаков получил высшее экономическое образование, закончил институт красной профессуры, работал референтом, затем управляющим делами СНК СССР под руководством В. Молотова.

Он обладал всеми качествами

представителя высокой сталинской номенклатуры: был осторожным, угодливым, беспрекословно и точно выполнял указания «великого кормчего», требовал от подчиненных строго следовать своим директивам, якобы выражавшим волю партии и народа. Жена одного из крупнейших советских кинорежиссеров, В. И. Пудовкина, Анна Николаевна Пудовкина рассказывала, как после просмотра рабочего материала его фильма «Возвращение Василия Бортникова» И. Г. Большаков строго и назидательно внушал знаменитому мастеру, что он плохо знает жизнь рабочих и крестьян, и пообещал приставить к нему в качестве художественного руководителя кинорежиссера Л. Лукова. Жена популярнейшего киноактера Эраста Гарина Х. А. Локшина рассказывала мне: «В конце тридцатых годов Гарин пришел к Большакову с просьбой утвердить свою режиссерскую заявку. Как вы знаете, наша с ним кинокомедия «Женитьба» подверглась резкой критике в 1937—1938 годах. Но Большаков сказал моему мужу полуфамильярно, полшутливо:

«Играешь своих героев (тут он покрутил пальцем у виска)... и играй. Зачем тебе картины ставить?»

Большаков тщательно подготавливал все просмотры картин Сталиным, учитывая настроение, вкусы и требования первого человека страны. Сталин не допускал на свои просмотры посторонних людей, даже переводчиков-профессионалов. Круг присутствовавших был весьма узок: члены Политбюро и несколько приглашенных лиц. Однажды в конце 1939 года Сталин сказал, обращаясь к Большакову: «Будете переводить фильмы. Думаю, что ваш перевод нас устроит».

«Товарищ Сталин, — робко возразил начальник ГУКФа, — но ведь я не знаю иностранных языков!»

«Ничего, выучите», — резюмировал Сталин и направился в свой кабинет.

Выполняя распоряжение вождя, Большаков засел за английские учебники, а иностранные фильмы, предназначенные для показа в Кремле или на одной из сталин-

Кинорежиссер Михаил Ромм и Герман Свєрдлов на съемках фильма «Ленин в Октябре», где младший брат должен был сыграть старшего — Якова Свєрдлова. Отстранен от съемок по личному распоряжению Сталина.

ских дач, предварительно просматривал по несколько раз с разными переводчиками (Сталин любил музыкальные, приключенческие и особенно исторические фильмы). Заранее заготавливались аннотации и монтажные листы, но это не предохраняло «переводчика» от ошибок или непредвиденных пауз. О некоторых комических ситуациях, связанных с несовершенным переводом, поведал нам в своих мемуарах Н. Хрущев.

Свое мнение и точку зрения ГУКФа на тот или иной фильм, сценарий и т. д. Большаков всегда согласовывал лично со Сталиным. В докладной от 20/VI—1940 г. на имя И. В. Сталина он просит вождя прочесть сценарий М. Блеймана и И. Зильберштейна «Бальзак в России». Цветной экспериментальный комедийный фильм по этому сценарию уже начал снимать Ф. Эрмлер, еще не получив окончательного разрешения на съемки этой ленты. «Комитет по делам кинематографии, — пишет И. Большаков, — признал этот сценарий для постановки неприемлемым из-за крайней незначительности его познавательной и идейно-художественной ценности и по причине «больших затрат» на постановку цветной кинокартины (около 2,5 млн. рублей). Красным карандашом вождь написал на этом документе:

«НЕ ПОДХОДИТ. СТАЛИН».

Сценарий, рабочий материал фильма и сам фильм проходили множество инстанций, каждая из которых могла быть последней. Начиная работу над кинолентой, режиссер не имел никаких гарантий, что сможет ее закончить. Съемки могли быть прекращены в любое время, а фильмы запрещены. Так было с картиной М. Ромма «Командир», которую консультировал ставший «врагом народа» Я. Гамарник, фильмами «Дохунда» Л. Кулешова, «Бежин луг», «Ферганский канал» С. Эйзенштейна.

Запрещение кинолент «по политическим мотивам» началось сразу же после национализации всего кинодела в 1919 году, но первое время речь шла о картинах старого дореволюционного репертуара. Систематическая практика запретов утвердилась в нашем кино уже в конце двадцатых годов. В тридцатые годы и позже ГУКФ и лично Сталин арестовали множество готовых картин и сценариев, причем некоторые фильмы изымались из проката через две—три недели после их выпуска на экран. В тридцатые годы были запрещены ленты А. Зархи и И. Хейфица «Моя Родина», «Большие крылья» М. Дубсона, «Закон жизни» А. Столпера, «Кара-Богаз» А. Ра-

зумного. Зрители не увидели картины: «Прометей» И. Кавалеридзе, «Старый наездник» Б. Барнета, «Строгий юноша» А. Роома, «Одна радость» И. Правова и О. Преображенской, «Отец и сын» М. Барской, «Женитьба» Э. Гарина и Х. Лёкшиной, «Кража зрения» Л. Кулешова, «О странностях любви» Я. Протазанова, «Право на женщину» А. Каплера, фильмы И. Савченко «Никита Иванович и социализм» (с А. Маковским) и «Люди без рук» («Азеркино»). Можно назвать еще много запрещенных картин и среди них фильмы Н. Охлопкова, Л. Лукова, Н. Шпиковского, А. Гавронского, К. Микаберидзе.

Летом 1933 года на экраны страны вышла кинокартина режиссеров А. Зархи и И. Хейфица «Моя Родина», получившая высокую оценку в центральной прессе. Постановщиков фильма зачислили в семерку ведущих советских кинорежиссеров. Ленту с интересом посмотрели видные военачальники Красной Армии С. С. Каменев и Я. Б. Гамарник и вручили А. Зархи и И. Хейфицу памятные подарки. «Моя Родина» с успехом демонстрировалась во многих кинотеатрах, и ее копии были разосланы в зарубежные страны.

«Неделя через две после премьеры фильма совершенно неожиданно, возвращаясь из поездки на юг, — рассказал мне недавно Александр Зархи, — мы с Иосифом купили в поезде номер «Правды». На последней странице в отделе хроники нас как громом поразила короткая информация: «Картина «Моя Родина» запрещена как вредная». В Москве мы узнали, что это решение принял Сталин. Он приехал вместе с Л. Кагановичем на просмотр двух фильмов в кинозал ГУКФа, — рассказал нам Б. З. Шумяцкий, — первая картина «Встречный» С. Юткевича и Ф. Эрмлера ему понравилась, а по поводу «Моей Родины», завершившей этот просмотр, вождь категорично и с грозным намеком произнес: «Эту картину... делали... чужие руки!»

Что же не понравилось Сталину? Рассказывая об остром военном конфликте на КВЖД в 1927 году, лента с большой страстью

Афиша фильма А. Столпера и Б. Иванова «Закон жизни», высоко оцененного А. Вышинским и «арестованного» И. Сталиным.

убеждала, что необходимо сделать все для ликвидации вооруженного столкновения. Командир заставы, отражая атаки белокитайцев, требует стоять до последнего красноармейца, но на чужую землю не вступать. И только в финале картины советские войска, получив приказ, переходят в наступление. Сталину нужна была другая армия, которая рвется в бой, не задумываясь о целях и задачах военного похода. Уже тогда по воле вождя в сознание людей закладывались имперские тенденции, шапкозакидательские настроения о победной войне против любого агрессора на его территории и малой кровью. Кинематографу не разрешалось изображать кошмары, ужасы войны. Вполне закономерно, что через несколько лет Сталинскую премию получит картина Е. Дзигана «Если завтра война», где под браурную музыку наши войска почти без потерь, отразив все атаки противника, движутся парадным маршем по территории врага...

Даже самые незначительные изменения в будущих фильмах делались с ведома Сталина. Седьмого марта 1941 года Большаков обращается к «т. Сталину»: «Прошу разрешить в фильме «Чкалов» вместо надписи о маршруте перелета (Москва — остров Удд) показать этот маршрут на карте. Изобразительно это получается лучше».

Резолюция красным карандашом: «Не возражаю. Сталин».

Нередко авторов картин по разному поводу, чаще для разноса, вызывали прямо на заседание с участием Сталина и некоторых членов Политбюро. В этом плане показательна судьба картины А. Столпера и Б. Иванова «Закон жизни», которая демонстрировалась на экране десять дней и имела хорошие отзывы в прессе. И вдруг в «Правде» 16 августа 1940 года появляется статья «Фальшивый фильм», которую до публикации просматривал и редактировал сам Сталин. Как позже рассказывал сценаристу А. Авдеенко И. Г. Большаков, вождь народов пришел в негодование после ночного просмотра «Закона жизни» и приказал немедленно «арестовать» этот преступный и напрасно разрекламированный фильм. «Любопыт-

В главных ролях:
НАТАША БАБАНОВА
Н. ЗОРСКАЯ
НИНА БАБАНОВА
Е. КОНДРАТЬЕВА
СЕРГЕЙ ПАРМОВ
Д. САГАЛ
ОГНЕРУБОВ
А. ЛУКЬЯНОВ

Выпуск
ДАВНИЙ ПРОКАТ
«РЕКЛАМФИЛЬМ»
ЦЕНА 30 КОП.

Производство
Московской
ордена Ленина
киностудии
МОСФИЛЬМ

но, — продолжает свой рассказ А. Авдеенко, — что сам А. Вышинский, принимавший картину как заместитель Председателя СНК СССР, дал ей самую высокую оценку». Режиссеров ленты, но более всего сценариста, обвинили в искажении студенческой и комсомольской жизни, в смаковании картин «буржуазного разложения», в выдвижении на первый план отрицательного героя — секретаря обкома комсомола Огнерубова.

Особенно усердствовал в своем злом критическом пафосе А. Жданов. И вдруг из-за большой колонны вышел Сталин, сидевший за отдельным столиком, и включился в разговор, похаживая по залу. «Великий знаток искусства» и творец пропагандистских штампов говорил зло и бессвязно, кипя от сдерживаемой ярости, обращаясь как бы к невидимому врагу. Устав, он скрывался за колонной, потом снова выходил оттуда, продолжая нагнетать напряжение своей речью. Так было шесть или семь раз в течение нескольких томительных часов. Лейтмотивом его сумбурно-примитивного выступления была мысль о том, что, если отрицательный герой показан столь привлекательно, значит, Авдеенко симпатизирует ему и, значит, сам такой же, как он, «человек в маске», «барахольщик», за-

щитник идеи свободной любви и пьяного разгула на студенческой вечеринке.

Сталин узнал в Огнерубове многие черты своей циничной и коварной натуры, вспомнил свои пьяные застолья, усмотрел в фильме попытку показать разложение, загнивание партийного аппарата, представленного секретарем обкома комсомола — хитрым, лицемерным, амбициозным карьеристом, претендующим на роль сильной личности. «Великий зодчий» не мог не обратить внимание на кадр: Огнерубов в своем служебном кабинете под большим портретом Сталина на стене.

Суворов по-сталински

Постепенно закреплялась тенденция планирования наиболее важных картин сверху, нередко лично Сталин определял тематику ряда фильмов. Внимание зрителя должны были привлечь образы многих исторических деятелей прошлого, включая прогрессивных, с точки зрения Сталина, русских монархов и их полководцев. Планируя выход некоторых исторических лент, вождь пытался утвердить с помощью кино авторитет сильной и жестокой государственной власти, идею могущества российской империи, расширяющей свои пределы на

море и на суше. В фильме В. Пудовкина и М. Доллера «Суворов» (1941 г.) весьма сочувственно изображалась победа царских войск над польскими повстанцами в предместье Варшавы. А сам «батька Суворов», как говорится о нем в солдатских песнях, выражает удовлетворение по поводу большого количества уничтоженных врагов и произносит фразу вполне в духе тридцатых годов: «Недуробленный лес опять вырастает».

Подвергнув резкой критике сценарий фильма В. Пудовкина «Суворов» за то, что его герой слишком человечен по отношению к солдатам, Сталин потребовал показать полководца прежде всего как создателя «суровой, поистине железной дисциплины» в армии. Это и обусловило милитаристский дух фильма.

Во второй половине тридцатых годов перед многими кинематографистами были выдвинуты откровенные требования радикального пересмотра истории революции и гражданской войны. Эта фальсификация, основанная на вымысле и подтасовке фактов, была необходима Сталину и для обоснования громких политических процессов над своими противниками, и для оправдания репрессий, и для непомерного возвеличения роли своей личности. Так возникли фильмы «Ленин в Октябре», «Великое зарево», «Ленин в 1918 году», «Александр Невский», «Щорс», «Великий гражданин», «Суворов», «Иван Грозный» и т. д. Пресса любила подчеркивать, называя некоторые фильмы, что они созданы «по инициативе товарища Сталина».

В тридцатые годы художественным и политическим эталоном для Сталина стал незаказной фильм «Чапаев», хотя именно вождь создал ему грандиозную рекламу. Не без его ведома «Правда» 21 ноября 1934 года напечатала передовую статью «Чапаева посмотрит вся страна», причем картина оценивалась как «явление политическое». Известно, что до премьеры Г. и С. Васильевы привозили фильм из Ленинграда, где у ленты были противники, для утверждения в ГУКФе. На этом просмотре высокую оценку фильму дали К. Ворошилов и С. Буденный вопреки Б. Шумяцкому, который требовал вырезать сцену психической атаки. И это бесспорно стало известно Сталину, ценившему тогда мнение

своих главных «военных советников». Поэтому было бы не совсем правильно говорить о восторженно-стихийном восприятии картины зрителями уже в первые дни ее демонстрации, не учитывая влияние сверху.

«Чапаев» — талантливый, интересный художественный фильм. Его содержание соответствовало уровню массового сознания того времени. Парадокс заключался в том, что большинство зрителей воспринимало фильм художественный, в котором Чапаев был показан укрупненно, эпическими красками, как рассказ о типических явлениях гражданской войны, как фильм чисто исторический. Сталин поддерживал эти иллюзии и поднимал на щит картину, так как его вполне устраивало возвеличение народных героев из простой среды, ставших крупными военачальниками и якобы сыгравших решающую роль на фронтах гражданской войны. Недаром до войны началась работа над картинами «Пархоменко», «Котовский», вышла картина «Детство маршала» о Семене Буденном. Эти командиры были ближе Сталину, нежели М. Фрунзе или М. Тухачевский. Однажды в личной беседе с А. П. Довженко вождь предложил ему поставить фильм о Щорсе, сравнил его с Чапаевым и дал ряд рекомендаций. Сталину был необходим украинский Чапаев в облике бывшего военного фельдшера Щорса, чтобы подлинные герои гражданской войны на Украине были забыты. Как выяснили историки, Н. А. Щорс никаких подвигов, командуя полком, не совершал, к награждению орденом Красного Знамени не представлялся, а «героический» штурм Киева под его руководством в январе — феврале 1919 года был в фильме просто придуман. Конечно, не могло быть и речи об упоминании в фильме имен «врагов народа» — начдива И. С. Локатоша, И. Э. Якира, Д. А. Шмидта, И. И. Гарькавого и т. д. Вполне закономерно для того времени — признание фильму Сталинской премии первой степени.

В историко-революционных фильмах рядом с Лениным должен был обязательно присутствовать Сталин как равный ему революционный деятель, хотя в некоторых лентах, например в «Великом зареве», режиссер переусердствовал и вождь

выглядел гораздо внушительнее своего предшественника и учителя. Любопытно, что фильмы о самом себе великий кормчий воспринимал с интересом и удовлетворением. Оператор В. Нильсен, снимавший в конце 1936 года документальную ленту «Доклад тов. Сталина И. В. о проекте Конституции Союза ССР на Чрезвычайном VIII съезде Советов», где почти весь метраж заняло утомительно-нудное выступление маленького рябоватого человека с очень низким лбом, записал в своем неопубликованном дневнике 26 января 1937 года: «Сегодня в 11 вечера был в Кремле. В первый раз смотрел фильм о Сталине. Т. Сталин сказал, что фильм сделан с большим политическим чутьем и тактом». После съемок этой картины Нильсен был награжден орденом «Знак почета», получил легковую машину М-1, а через несколько месяцев был репрессирован.

Танкисты, трактористы и шпионы

Киноискусство хитроумно использовалось для оправдания проводимых репрессий, создания зловещей обстановки якобы нарастающей классовой борьбы и агрессивных происков вражеской агентуры. Б. Барнет в картине «Ночь в сентябре» устрашает зрителя невероятными кознями коварного врага: тут и взрыв в забое, и убийство десятника, и диверсия с подачей воздуха в шахту, и заключение в психиатрическую больницу лишнего свидетеля — бдительной комсомолки Дуни и т. д. Троцкисты — оппозиционеры Карташов и Боровский из фильма Ф. Эрмлера «Великий гражданин» не только законченные подлецы, но и агенты иностранных разведок. Не случайно одной из первых звуковых документальных лент была картина Я. Посельского «Процесс Промпартии» (1931 г.). Много художественных картин смотрел в обществе Сталина Георгий Димитров — Генеральный секретарь Исполкома Коминтерна. В своих дневниках, которые частично напечатаны или подготовлены для публикации историком А. Г. Латышевым, он рассказывает, как волновали Сталина тема беспощадной расправы с классовыми врагами и идея сохранения великой державы, завоеванной русскими царями.

Многие заказные фильмы, в

изобилии населенные шпионами, троцкистами, вредителями, диверсантами, были для вождя своеобразным алкоголем, оправданием его преступной деятельности.

Тотальная подозрительность и доносы на своих близких, на мнимых врагов стали свидетельством политической благонадежности. Сталину нравились, например, такие картины, как «Встречный» Ф. Эрмлера и С. Юткевича, «Аэроград» А. Довженко. Во «Встречном» тихому, интеллигентному инженеру-вредителю Скворцову отведен целый монолог, в котором он раскрывает зрителю свои преступные планы. В «Аэрограде» таежный охотник Степан Глушак вершит суд над бывшим другом, теперь изменником Худяковым, и тут же в глухой тайге собственноручно расстреливает его. Именно в тридцатые годы в сознание миллионов людей с помощью кино закладывались воинственная антипатия к частной собственности, свободному предпринимательству, ненависть к так называемой «эксплуатации человека человеком». В кинематографе закрепились штампы интеллигентов-вредителей, меньшевиков, анархистов, белых офицеров, кулаков и т. д., которые еще долго жили на советском экране.

На кинематограф тридцатых годов оказывали самое отрицательное влияние разносные статьи о «вредных, фальшивых и враждебных фильмах», постоянные дискуссии, на которых выявляли формалистов, клеветников, замаскированных врагов. Художники, чья вина состояла в том, что они, опережая время, выделялись своим неповторимым языком, творческой самостоятельностью, приговаривались к унижительным публичным покаяниям, и чаша сия не миновала ни С. Эйзенштейна, ни Б. Шкловского, ни Д. Шостаковича и других. Особенно трудно было режиссерам, работавшим над современной темой: перед ними стояла «задача» — уйти от многих реальных жизненных конфликтов и творить в четком соответствии со сталинской формулой: «жить стало лучше, жить стало веселее». В такой ситуации поиски современного героя часто были обречены на неудачу — приходилось ориентироваться на выдвигаемые образцы, которые далеко не всегда были привлекательны. «И разве образы таких людей, как академик

Лысенко, не достойны экрана!» — восклицал автор «Красных дьяволят» Павел Бляхин. Даже типаж положительного героя определялся волей кинематографических чиновников, изучивших вкусы вождя. Герой с ярко выраженным интеллектом был совершенно нетипичным явлением для кино тридцатых-сороковых годов.

На экране доминировали неунывающие рабочие парни с Трехгорки, из-за Невской заставы, из тайги, партийные выдвиненцы с пролетарским прошлым, легко разгадывающие происки классового врага, с энтузиазмом шедшие на трудовые рекорды и слепо верившие в предсказанное Сталиным и партией светлое будущее.

Если вспомнить названия кинофильмов тридцатых годов, то это были — танкисты, трактористы, летчики, шахтеры, истребители, сибиряки, бабы и т. д. Интерес публики к таким популярным актерам, как Николай Крючков или Петр Алейников, объяснялся их природной органикой, обаянием, демонстрацией обезоруживающей наивности и простоты, приоритета веры над сомнением, но все это было ширмой, за которой тысячи зрителей не ощущали ни скудости мысли, ни примитивизма самого образа. Нравственные нормы, предписанные социалистическим реализмом для положительного и отрицательного героя, значительно ограничивали возможности актера. И он в конце концов привыкал ко многим правилам советского классицизма, ко всей системе общепринятых мифов и, как ни странно, увлеченно выполнял социальный заказ.

История советского кино тридцатых годов не имеет ничего общего с прежними легендами о значительных победах советских кинематографистов, якобы плодотворно трудившихся «в условиях развернутого наступления социализма по всему фронту», «благоприятного влияния метода социалистического реализма». Многие из того, что тогда подвергалось жестокой критике, сегодня оценивается очень высоко с художественной точки зрения, а целый ряд прекрасных киномастеров, которые были настоящими мучениками искусства, заняли достойное место в истории советского и мирового кино.

Таким очень нравились себе на экране «вождь всех народов» (кадр из фильма М. Чиаурели «Падение Берлина», где роль Сталина сыграл М. Геловани). Кстати, ранее создатели «бессмертного образа» уже получили аванс — Сталинскую премию.

ПОСТАНОВЛЕНИЕМ СОВЕТА
НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
СОЮЗА ССР, ОТ 15 МАРТА
1941г. ПРИСУЖДЕНА СТАЛИНСКАЯ
ПРЕМИЯ ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ

ЧИАУРЕЛИ Михаилу Эдишеровичу, режиссеру, заслуженному деятелю искусства Грузинской ССР, **ГЕЛОВАНИ** Михаилу Георгиевичу, артисту, и **БАГАШВИЛИ** Спартаку Левановичу, артисту — за кинокартины: «Арсен», вышедшую в 1937 г., и «Великое зарево», вышедшую в 1938 г.

Настоящий диплом выдан
ГЕЛОВАНИ Михаилу Георгиевичу

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СЕК.
СОЮЗА ССР *Н. С. Щеглов*

УПРАВЛЯЮЩИЙ ДЕЛАМИ
СЕК. СОЮЗА ССР *М. И. Давидов*

Москва, Кремль.

КОМПЛИМЕНТ НИКОЛАЮ ЕПИФАНОВУ

Ой, да забудется, забудется сто раз припечатанное «ненормальный этот Епифанов, лечиться ему надо!» Забудется добрая эта оценка земляков-знакомых. Ведь другие времена наступают — начинают люди понимать, что художником быть не позорно, а может, даже и выгодно. Что картины продаются (как и «помидора»), что бросивший приличную профессию ради картинок — не обязательно душевнобольной. Глядишь, еще немного — и признают Епифанова нормальным.

И ошибутся. Ничего такого нормального в Епифанове действительно нет и не было. Забавны и печальны попытки художника найти себе определенное место в этом мире. Свою, так сказать, экологическую нишу. Не будет ее, боюсь, никогда. Уходят его картины вглубь, вширь, вперед — куда угодно. Резвятся в пространствах неэвклидовой геометрии. Конечно, они принадлежат и восьмидесятым, и девяностым годам, как, впрочем, и любым другим. Ведет ли Епифанов их, они ли, космосом надиктованные, его ведут — вопрос неразрешимый. Но и тем и другому, с их вольным обращением со временем и пространством, жить в этой реальности весьма трудно.

Но это большой комплимент. Самый большой комплимент, который может позволить себе сегодняшнее время в данном (шестая часть суши) пространстве. Кому сегодня живется весело, вольготно на Руси? Вряд ли — художникам.

... Боже, боже, а уж, кажется, Епифанов ли не старался! Не он ли прошел все, что положено андерграундовому художнику? А успехов — ноль.

Начинал Епифанов классически — с медицины. Шестидесятые годы, белый халат, вежливые нянечки, гордое звание врача... Ушли шестидесятые, погубели нянечки со своей восьмидесятирублевой зарплатой, а врач «Скорой помощи» получал почему-то меньше водителя своей машины. Много лет отдал Епифанов медицине, самой грубой, мужской. Работал долго и честно.

Да и вообще есть у Епифанова чувство долга. Тяжелого какого-то, неоплатного долга. Надо работать! Чем тяжелей работа — тем почетней. Работать лучше руками. Жать, например, серпом и ковать молотом. А он, врач Епифанов, колья не жнет и не кует, — значит, не хозяин жизни, а какая-то глупая прослойка. И долг его велик и неоплатен.

Существование епифановского долга и епифановской музы — опять загадка. Кто здесь кого породил — непонятно. Когда появилась муза, Николай медицину бросил. Но для избавления неоплатного долга перед народом пошел работать грузчиком. Потому что не работать было стыдно. В оставшееся от погрузки то овощей, то хлеба время — рисовал. Рисовал свои изящные, неповторимые по технике картины.

Пожалуй, никакая полиграфия не передаст качества епифановских картин — это штучная работа. Даже не чуждые искусству люди спрашивают — это акварель, оттиск, фотография в конце концов, что ли? А Епифанов работает карандашом и шариковой ручкой с черной пастой. Наносит миллионы мельчайших точек. На каждую маленькую картину уходит месяца, на небольшую коллекцию — годы. Понятно, что так работать можно, только обладая добросовестностью русского интеллигента и его же представлениями о долге.

Работы эти и вообще-то странные, а для помидорного города Астрахани, для глухого ее района под названием Балда — тем более.

Средневековье, странные человечки, ужасный и реальный мир, который затягивает, кажется собственным затерянным воспоминанием. «Сойти с ума, наверное, просто — повесь дома такую работу и смотри каждое утро», — сказал один случайный епифановский зритель. «В своем роде он единственный в Европе. Что касается мастерства данной техники, то я не знаю аналога» — таково мнение искусствоведа из города Штутгарта.

Безответно, без зрителя, рисова-

лось долго. Затем картины взбунтовались и вытолкнули Епифанова в дорогу.

Правда, до того астраханская дама от культуры посоветовала опять-таки провериться у психиатра, назвала клеветником на строй (восхитительное нутье у дам!) и уличила в подражании Босху.

Поехал Епифанов в Москву, прямоком в Измайловский парк. Промерзнув пару часов, ушел, не продав ни единой работы.

Потом были странные, по-детски наивные попытки: вписаться в ленинградский андерграунд (одну крупную работу обещали выставить, но она почему-то пропала), наладить контакт с московским объединением художников (вступить? безвестному астраханскому художнику? в московское объединение? с лимитированным количеством «членов?»). Обещания каких-то художников работы продать, откровенное облапошивание при покупках, какие-то полупамеки на долговременное сотрудничество работ и количества затраченных на них лет... Одна поездка в Москву, вторая, третья... И полное незнание царящих законов, и полное непонимание, что художник художнику не нужен, что никто с ним, пришлым, возиться не будет.

Да и никому другому Епифанов, не умеющий работать собственным менеджером, не нужен — ни меценатам, ни государству. А иностранцам нужен, да сам не хочет им продавать свои работы (действительно — ненормальный).

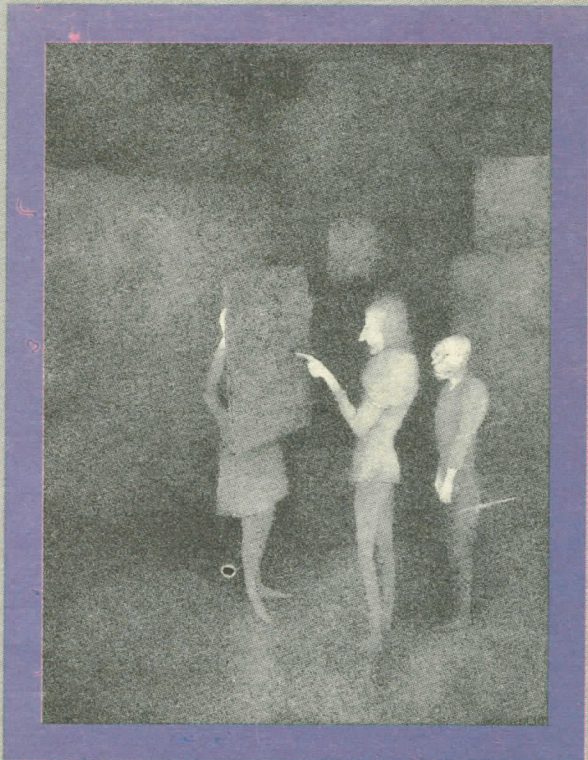
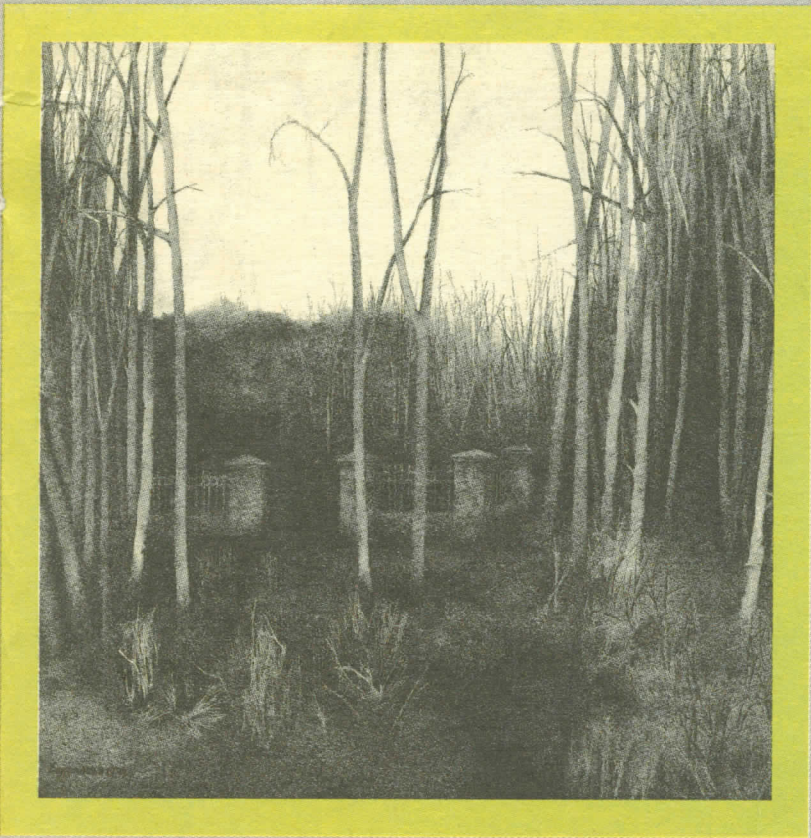
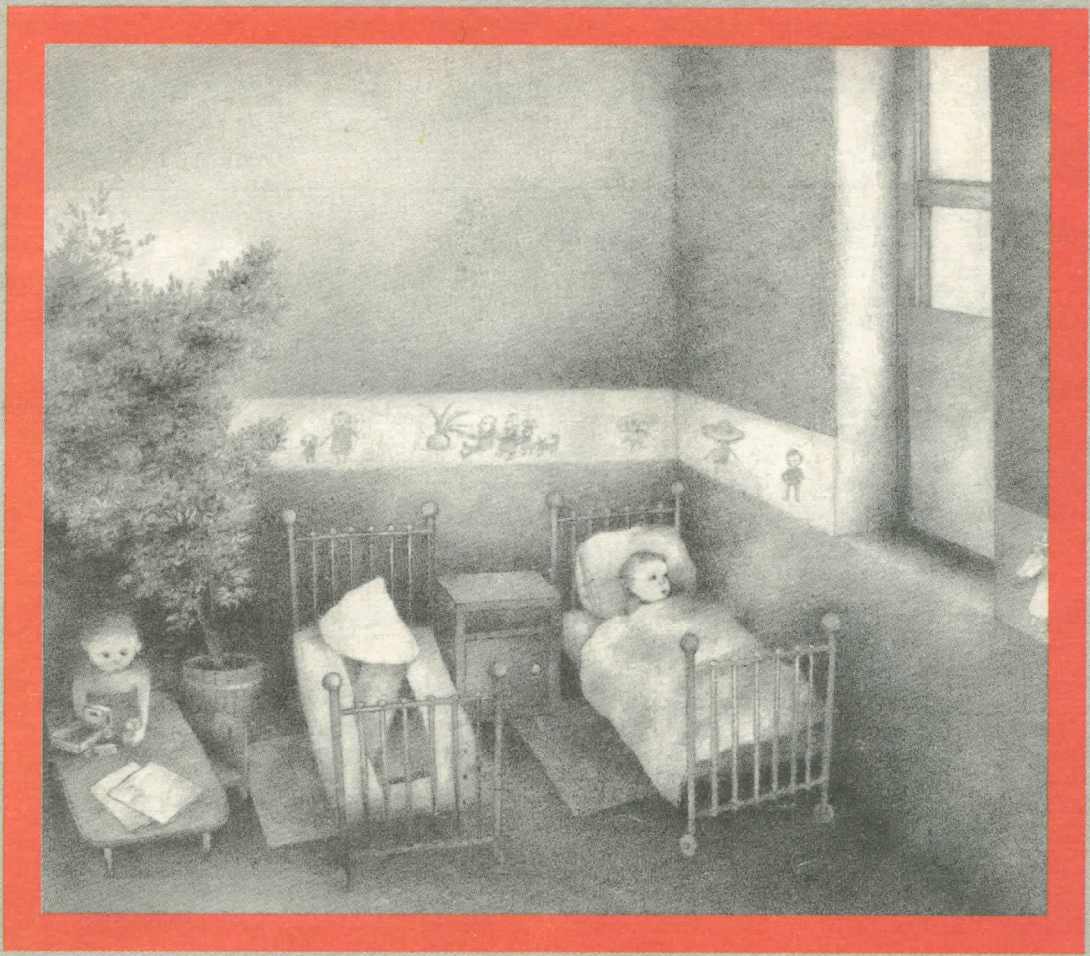
Ну, что ж, проживем еще без одного Епифанова. Епифановым больше, Епифановым меньше. Мало ли у нас Епифановых каких-то.

А он, безмерно уставший от своей ненужности, порядком изувечившийся в себе, понявший, что не перевернут его картины здешнего миропорядка, — возьми да и продай десять работ в очередной свой приезд в Москву. За гроши. Богатому художнику. «Кому нужно твое «мяло!» — сказал добрый художник не стесняясь.

Сидит теперь грустный Епифанов в Астрахани, природу всякую рисует, цветочки. Говорит, форму осваивает. Но к содержанию обещает вернуться. Когда отдохнет немного.

Отдыхайте, Николай Епифанов. Время сделает вам свои комплименты. Сейчас вы действительно никому не нужны.

Лариса ВИННИК

3 - 198

Весна идетъ полна чудесъ, - Христосъ Воскресеъ, Христосъ
Воскресеъ!

